

Макс КАМЕНСКИ

НАДЕЖДА

Цикл: СЛЁЗЫ ФЕНИКСА²

@ЭЛИТА

16+

Макс Каменски
Надежда
Серия «Слезы Феникса», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7270866
Макс Каменски Слёзы Феникса. Книга 2. Надежда: ЭИ «@элита»; Екатеринбург;*

Аннотация

Пока люди плетут новые интриги, в Подземном Царстве бушует война на выживание – гордый народ эльфов держит оборону от неизвестного врага, силы которого неисчислимы. Стражи Последнего Часа как никогда близки к своей последней вахте... Хватит ли сил и знаний мессии Даратасу, чтобы спасти подземных воителей и найти ответы на свои вопросы?

В это же время на другом конце мира, в пылу очередного военного конфликта, отряд смелых разведчиков движется сквозь джунгли к Шестнадцатому Валу: что произошло там неизвестно, полученные сведения противоречивы, а командование требует срочных известий. Но на пути ветеранов и двух магов-недоучек возникают сложности, которые при помощи честной стали и привычной магии решить невозможно...

Но всё это мелочи по сравнению с путём того, кто сделал свой выбор в сторону Тьмы и Хаоса. Он прошёл через Портал и вступил на мёртвую землю погибшего материка. Его зовет Нечто. Сопrotивляться невозможно. Вера умерла, надежда бессмысленна...

Содержание

Надежда	4
Часть 4	4
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Макс Каменски

Слёзы Феникса. Книга 2. Надежда

Надежда

Часть 4

Лицо человека в костюме было определённо знакомо Даратасу. Короткая стрижка, приглаженная набок чёлка, шикарные усы, поддёрнутые кверху, большие глаза, заключённые в круглые линзы позолоченных очков. Настоящий интеллигент высшего общества века этак девятнадцатого, в родном мире Даратаса. Однако кто же он на самом деле?

– А вы не обделены вкусом, – проговорил маг, оставаясь стоять на месте. Нужно выиграть немного времени на анализ ситуации.

Неизвестный ехидно ухмыльнулся, и, сделав ещё один глоток, спросил:

– Виски? – у очкарика были иссиня-чёрные глаза.

– Нет, я, пожалуй, откажусь, – ответил Даратас, сто раз проверяя готовность своих щитов и заклинаний.

– Жаль. Очень хороший шотландский виски. Тридцать два года выдержки, однако, – проговорил франт и медленно встал. – Присаживайтесь, Александр.

– Нет, спасибо.

– А я настаиваю, – бесстрастно произнёс незнакомец, и Даратас глазом не успел моргнуть, как очертания комнаты сместились, а сам он оказался в мягком красном кресле напротив чародея. Кожу на лице Даратаса стянули сократившиеся мышцы. Он почувствовал, как кровь отлила от тканей. – Так всё-таки что насчёт виски?

Даратас не успел ответить, а в его руке уже лежал прохладный стакан с выпивкой, в котором болтались кусочки льда. Маг поднёс к носу напиток, вдохнул сильный аромат, но пить не стал. Незнакомец улыбнулся.

– Вы боитесь отравиться? Не думал, что столь сильный маг может бояться яда.

– Есть разные виды ядов, – деловито заявил Даратас.

– Ах, ну да, ну да. – кивнул незнакомец. – Кстати, совсем забыл о манерах! Меня зовут Сильвестор. Ударение на последний слог – приподнявшись, сказал чародей. – Руки подавать не вижу смысла, ибо с недавних пор мы злостные враги, не так ли, Александр Данилович?

– Кто вы? – спросил Даратас.

– Наверное, Бог, – последовал ответ, после которого магу стало совсем не по себе. Этот Сильвестор просто издевался!

– Попрошу без сарказма, – заявил Даратас и сверкнул глазами.

– Правда? – ухмыльнулся незнакомец, и в следующую секунду подался вперёд, и его лицо исказилось в яростной гримасе, беспрестанно хохотавшей в течение двух минут. Даратас был настолько ошарашен, что не знал, что предпринять.

Миг – и незнакомец стал спокоен, как и прежде. В костюме, с виски и умным видом.

– Зачем вы пришли, мистер Даратас? – спросил он, не отрывая глаз от мага.

– Этот вопрос я хотел бы задать и вам.

Франт чмокнул губами, и, выставив палец, указал на карман робы мага.

– Эти штуки – Семена Судьбы. Вы знаете, что это?

– Нет, – честно признался маг.

– Ну и не стоит, – проговорил Сильвестор и залпом опрокинул остатки напитка. В тот же миг стакан наполнился вновь. – Их роль в нашем мероприятии весьма посредственна.

– Что за мероприятие, Сильвестор? – прищутив глаза, спросил Даратас. Сколько он ни пытался, почувствовать и капли чужой силы не мог. Как ни в этом франте, так и нигде поблизости.

– Мы на своём языке называем это стиранием. Или форматированием. Как угодно.

– Форматирование? И кого вы решили форматировать?

– Вас, – ответил Сильвестор и дико расхохотался. – А точнее, весь ваш драненький мирок с его никудышным населением. А вы всё же виски попробуйте. Хороший виски.

Даратасу захотелось вылить напиток наглецу в лицо, но он сдержался, поставив стакан на стол.

– Зря, – равнодушно отметил чародей.

– Я пришёл сюда остановить войну, – сказал Даратас.

– Войну? – Сильвестор сделал крайне удивлённый вид. – Тогда убейте меня, – пожал плечами он.

– А я сделаю это, если потребуется, – стальным голосом молвил маг.

– Не сомневаюсь. Ни капли, – пробормотал франт и поднял глаза к потолку.

Даратас продолжал внимательно изучать очкарика всеми заклятиями поиска, но, как и в случае с Семенами, никаких эманаций силы не обнаружил. Вообще никаких.

– Вы часто думали о том, что такое судьба, мистер Даратас?

– Да. А к чему это?

– Ммм, а нашли ли ответ? – не обратив внимания на встречный вопрос мага, спросил Сильвестор.

– Нет. К чему эти глупые расспросы?

Франт резко мотнул шеей и уставился магу в глаза.

– А что, если я – ваша судьба, мистер Даратас? Да, и ничего, что я кличу вас мистером, а не пафосным словечком мессир?

Идиотизм происходящего выводил мага из себя, но он держался.

– Я не могу тратить время на пустые разговоры! – заявил маг.

– Не волнуйтесь. Ваши братья-зверушки никуда не денутся. Время здесь не подвержено никаким законам. Могу гарантировать.

– Я вам не верю! – воскликнул Даратас и вскочил с места, отойдя на два шага от стола.

– Думаете, в расстоянии дело? – склонив голову набок, спросил Сильвестор, и тут же пространство сместилось, разведя чародея и Даратаса на добрую сотню метров, а затем на тысячу, отчего помещение, где сидел Сильвестор, стало маленькой точкой в океане тьмы. Затем реальность вновь сместилась, и Даратас снова оказался в кресле напротив чародея. – Или во времени? – окружающее на несколько секунд будто утопло в вязкой жидкости. Веки Сильвестора, казалось, двигались целую вечность. Затем всё снова стало на места. – От судьбы не убежишь, не спрячешься, Саша. Она всегда рядом.

– Плевал я на ваши размышления. Меня ждёт народ эльфов. Если всё дело в вас, то защищайтесь!

– Ваша победа не решит ровным счётом ничего.

– Это мы посмотрим! – кипятился Даратас, вцепившись в подлокотники.

Сильвестор, почесав подбородок, внимательно посмотрел в глаза Даратасу, и затем медленно и холодно сказал:

– Пойми, Даратас, всё в мире состоит из множества тех или иных реальностей, которые существуют только в нашей голове. Всё зависит от выбранной точки отсчёта. В той или иной плоскости нужны свои измерения, которые тоже частенько лишь каракули на бумаге, и не более того. Судьба, Даратас, есть что-то высшее и непознаваемое. что подчинено всем зако-

нам сразу, и в то же время ни одному из них. Творец создавал сущее, но кто создал Творца? Может ли ничто создать нечто? Может ли безмолвие породить звук? Разные умы пытаются найти ответы, но все они всегда будут искать лишь в той плоскости, которая доступна их знанию, и весьма, весьма посредственному сознанию. Так и ты, цепляешься за то, что смог постичь, за сомнительный промежуток времени, и думаешь, что твои действия верны и непогрешимы. Что ты, *великий*, стремишься к столь же *великим* делам, а на самом деле чем больше брыкаешься, тем сильнее запутываешься в давно расставленную сеть. Впрочем, я позвал тебя сюда, чтобы сказать лишь одну немаловажную для тебя вещь. Пускай набросок будущего ясен, но детали, в отличие от задуманной идеи, можно слегка подкорректировать. – на этом чародей сделал паузу, но, не дав Даратасу возможности привести какие-нибудь контрдоводы, продолжил: – Семена подскажут время, а ты действуй по обстоятельствам. Не сочти сказанное мной как помощь. Ты же не знаешь, кто я. Да и вряд ли когда-нибудь узнаешь. Другое дело, как именно ты используешь данную информацию. Хотя, если ты умрёшь, всё станет бесполезно, – развёл руками чародей. – А теперь пора заканчивать переговоры. На двенадцатый удар вон тех часов, – Сильвестор показал на большие настенные часы, выполненные в форме деревянной тарелки, украшенной резьбой, – я атакую тебя. Будь готов. Я не хочу лёгкой победы.

Сильвестор замолчал, и тут же раздался первый оглушительный часовой бой. Стрелка стала медленно двигаться к отметке двенадцать. Что-то давно забытое из родного мира всплыло в памяти.

Проклятый чародей спокойно сидел в кресле и медленно потягивал виски. Прошло уже четыре удара, а он не предпринимал никаких попыток подготовиться. Словно сам был силой! Страх обуял сознание Даратаса, мешал сосредоточиться, выбрать нужный канал и подготовиться к атаке. В этом месте удивительно свободно проходили все потоки, без каких-либо проблем. Маг удерживал колоссальную мощь без всяких неудобств. Словно ничего и не было.

Прошёл шестой удар часового механизма, и молниеносная догадка поразила сознание!

Ну, конечно! Проклятый Сильвестор построил отличную иллюзию, используя сам канал силы! Скрыв его, он тем самым лишил соперника, то есть его, Даратаса, возможности почувствовать момент удара и построить защиту.

Сильвестор поднял стакан вверх, и, ехидно улыбнувшись Даратасу, опрокинул его залпом.

Раздался девятый удар.

Оставалось надеяться, что догадка была верной. Посмотрим, кто кого!

* * *

Нанося удар, Мильгард делал дополнительное движение корпусом для резкого разворота, и в какой-то миг наносил второй, срубая очередную тварь. Легкие, как пёрышки, клинки послушно летали в руках, делая немыслимые пируэты. Скольких он уничтожил? Тысячи?

Несмышлёные тупые твари лезли напролом, стремясь задавить стойко сопротивлявшихся эльфов числом – несмотря на отвагу и умение маленьких воителей, это у них неплохо получалось. Вынужденные отступать, эльфы были загнаны в угол. Оставшиеся в живых бойцы некогда могучей армии, окружив группку изнурённых бойней Жриц, решили стоять до конца, ибо враг отрезал все пути к отступлению. Тысяч шесть-семь от силы, против неисчислимого неприятеля, смело держали брошенный вызов, распевая боевые песни. Какой-то чересчур ловкий музыкант, умудрившийся выжить в этой свалке, что было сил драл глотку и молотил по барабанам, выбирая самые дорогие любому эльфу ритмы. Все, кто в горячке

сражения слышал эти звуки, подхватывали слова. Такого единения своего народа Мильгард не видел никогда. Даже в дни ужасных поражений от менад! Все эльфы, как одно целое, крошили врага, действуя словно исполинский меч и щит! Но, как бы храбры ни были их сердца, враг не убывал.

Вражеские магики были отвлечены серьёзным боем с кем-то из высших магов. Усталые жрицы более не могли вести полноценную поддержку, и, валясь с ног, кое-как отбивали натиски несущихся во весь опор гигантов, ибо если они пройдут, то дело станет совсем худо.

Слава Тире, верховный маг не терял сил, и с тем же рвением, что и вначале, рвал на куски наступающую армию. Но этого было недостаточно. Неужели план Даратаса провалился? Нет, определённо не может быть! Видно, ещё не время!

– Держимся, братья! – воскликнул Мильгард, резким ударом подрубив ноги двум тварям. – Ещё немного! Тира знает, что мы честно и храбро бьёмся! Она не забудет нас! Она верит в нас.

Но верят ли сами эльфы? Большой вопрос. Скорее всего, их сердца теплит лишь надежда.

– Даратас. Прошу, поспеши, – прошептал Мильгард, теряя веру в победу.

* * *

Когда раздался оглушительный финальный бой часов, отразившийся многократно от стен, Даратасу показалось, что время завязло в трясине, двигаясь так медленно, что пыль застыла в воздухе. То ли Сильвестор неудачно применил уловку, то ли сами условия междумирья сыграли неясную роль, но Даратас успел нанести удар раньше, нарушив равновесие реальности. Повреждённые каналы силы затрепетали, колеблясь и разрушая сущность. Хрупкий мир, состоящий из комнаты, разлетелся на куски, рассыпавшись затем в прах, разнесенный силой магического ветра. Однако сам Даратас и его соперник остались. Они зависли в омуте бесконечной тьмы, лишённой очертаний и каких-либо объектов. Даратаса охватило удушье, и он сотворил заклятие, помогавшее дышать в безвоздушном пространстве. Маг почувствовал холод. Посмотрев на себя, он обнаружил, что стоит без одежды... Лишь с посохом в одной руке и мешочком с Семенами и Рогом в другой.

– Неплохо, – прогремел голос Сильвестора в сознании чародея. Проклятый магик также нагим завис чуть выше Даратаса. Несмотря на полную мглу, их тела отчётливо прорисовывались на тёмном фоне, словно в подсветке. – Но то был лишь маскарад. Теперь же будет праздник.

Чародей не договорив, атаковал. Схлестнувшись, оба мага стали крушить щиты друг друга чудовищными заклятиями, которые некогда разрушили природу на севере материка Гиперион. Однако здесь, в безжизненном пространстве, в полную свободу заговорила Сама Сила, и нечему было гибнуть под натиском безумной энергии, кроме самих бьющихся насмерть противников.

Даратас черпал безмерную мощь из волшебного Рога, применяя все известные ему разрушительные заклятия. Но затем, осознав бесполезность той или иной формы магических заклятий, маг стал сыпать неприятеля аморфной силой, направляя так или иначе потоки и плетения. Враг делал то же самое. Он вообще предугадывал любую атаку Даратаса, умело ставя нужный щит. Однако маг отвечал тем же. Такая битва могла длиться вечно! Пока кто-то не совершит ошибку. И Даратас допускал любой исход.

– Так мы будем долго сражаться. Ты меня разочаровываешь! Я думал, у тебя в запасе найдётся нечто посильнее, – беззвучно молвил чародей – голос звучал в голове Даратаса. – Хотя, по правде сказать, это невозможно!

Сильвестор удвоил усилия, и, поймав Даратаса на неожиданной промашке, нанёс мощнейший удар в обход щита, после которого вены на руках и груди Даратаса лопнули. Кровь брызнула во все стороны, на ходу превращаясь в маленькие шарики. Маг издал вопль, но лишь в сознании. Крик застыл в горле. Он почувствовал, что потерял равновесие и падает. Падает в непроглядную Тьму.

– Ну вот и всё, Даратас, – донеслись слова Сильвестора. – Вот и всё.

Глаза мага стали двигаться медленно. Удары сердца гулко отражались в висках, словно кто-то работал молотом в голове мага. Тьма рвалась навстречу. Но. Маг слегка приоткрыл ладонь, и в глаза ему ударило яркое алое свечение одного из Семян. Жизнь.

Повернувшись в воздухе, Даратас нашёл глазами врага, победоносно взирающего на него сверху.

– От судьбы не уйти, – прошептал маг, увидев, как расширились, от ужаса глаза Сильвестора.

Последнее, что увидел Даратас, был прекрасный и величественный Феникс, взмывший ввысь на огненных крыльях, а затем блеснувшие огнём обезумевшие глаза так и не узнавшего чародея. Вспышка – и темнота заполнила пустоту вечности.

* * *

Враги сжимали кольцом оставшиеся силы эльфов, не ослабляя натиска ни на секунду. Вся каменная земля была полностью забросана трупами тварей, по которым их живые товарищи, не стеснясь, рвались вперёд. Эльфы отчаянно сражались, но, увы, с одной целью: храбро умереть и мужеством искупить перед Тирой своё поражение. Прорываться сквозь несметную толпу усталым солдатам не представлялось возможным. Многие просто выпускали из изнеможённых рук красты, валясь под удар неминуемой судьбы. Поначалу кое-как действовала тактика двух линий, который менялись для того, чтобы совсем не выбиться из сил, но проклятый неприятель нещадно продолжал наступать, стремясь затопить маленький островок эльфийской доблести кровью своего безрассудства, и вскоре вынудил каждого солдата погибающей эльфийской армии держать дырявый строй, окружающий отбивающихся Жриц и пару сотен метких лучников.

Мильгард, в который раз прокляв ту секунду, когда доверился человеку, старался кое-как подбадривать воинов, убеждая, что благословение Тиры с ними, но его мало кто слушал. Вселявший последние капли боевого духа музыкант погиб, а почти лишённые сил солдаты уже ни во что не верили. Для них существовали только их руки и добрый меч или краста, пока спасающие им жизнь, и ничто иное не могло помочь. Кто его знает, может, враг всё же кончится?

Принц не мог смотреть на ужасную картину. Ему хотелось рыдать. Рыдать от безысходности! Нет! Нельзя! Вперёд! Только вперёд! А там уж пускай нас рассудит Тьма!

Сделав резкий выпад, Мильгард заколол насмерть одну тварь, затем крутанув веером клинки, срубил двух других атаковавших с флангов существ, и, что было мочи воскликнув «Тира!», рванул в атаку.

– Ольвен, брат! Вперёд! – прокричал принц, увлекая за собой остатки эльфов. – Что мы, как крысы помрём? Нет! Пускай в честной схватке, чем от тесноты и духоты! Вперёд!

И более не раздумывая, Мильгард понёсся сквозь толпу врагов, кося одну за другой неповоротливую тварь. Будь что будет! Выбора более не осталось! Вперёд!

И неприятель замялся. Натиск ослаб.

Рыча не хуже вылезших из глубин тьмы демонов, эльфы из последних сил рвались напролом, опрокидывая неумелого противника. Вперёд!

И случилось чудо. Враг развернулся и побежал прочь! Ничего не понимая, Мильгард замер в изумлении. Неужели силы противника иссякли? Или умелый тактический ход? Или. Даратас выполнил обещанное?!

На пути бегущей толпы тварей неожиданно возник непроходимый экран, закрывший доступ к спасительному выходу на третий ярус.

А эльфы не могли остановиться.

И был кровавый пир в то день! И гибли твари десятками, не оказывая сопротивления. Получившие от неожиданной удачи силы эльфийские бойцы, не щадя ни одного гада, рубили направо и налево. Жрицы вместе с одним из высших магов жгли врага сотнями.

– Победа! – рвалось из глоток воинов. – Победа!

– Действительно. победа, – пробормотал запыхавшийся Мильгард, припадая от усталости на колено.

– Но какой ценой. – пробормотал подошедший сбоку Ольвен. Его лицо было покрыто сажей и засохшей кровью.

Рыки погибавших врагов, отражаясь от стен, неслись высоко вверх, где исчезали в непроглядной тьме. Тира принимала жатву. В её честь!

– Помогите! – донёсся откуда-то женский крик.

Мильгард, развернувшись, увидел Дариану, согнувшуюся под тяжестью чьего-то окровавленного тела.

Даратас!

* * *

Огонь костра весело потрескивал сухими дровами, заставляя тени на темных стенах плясать в сумасшедших танцах. Никто из бойцов Гвоздя не мог скрыть удовольствия от неожиданной передышки в сухом и безопасном месте: по счастливой случайности отряд набрёл в джунглях на сложенный из камней грот. Возможно, грубоватая каменная постройка в прошлом служила храмом древнему народу диких, или усыпальницей одному из их родовитых предков. Но нынче здесь покоилась только пыль времени и тишина – последнее особенно требовалось для отдыха телу и нервам.

– Похоже на эльфийские руны, – пробормотал Бочонок, рассматривая странные надписи на камнях. Любимая трубка торчала в зубах.

– Нет, – быстро кинул Мердзингер, подтягивая тетиву лука.

– Как так? – удивился Медведь. – Письмена точно не людей.

– Но и не эльфов, – вновь пробормотал Мердзингер и, отложив в сторону лук, потрогал вырезанные в камне руны пальцами. – Ромунд, есть догадки?

Юноша, доселе лежавший в полудрёме, медленно приоткрыл глаза и посмотрел на эльфа.

– Я думаю, гоншонов, – проговорил Ромунд и отвернулся к стене, завернувшись в тёплые походные одеяла. В прошедшем магическом поединке он потерял много сил и ему требовался отдых. Альма занималась этим ещё с утра.

Эльф загадочно улыбнулся, и, склонившись над луком, продолжил занятие.

Ромунд отлично знал, что Мердзингер неспроста перевёл вопрос на него. Проклятый получеловек с самой первой встречи как-то непонятно и подозрительно поглядывает на него, иной раз задаёт странные вопросы, вроде: «Ты что-нибудь знаешь о Диоре?», «Почему варвары сошли с ума?» или «Какие мысли по поводу тьмы в Сенате?». Одно дело, если б только зыркал – можно спихнуть на всякие странности вояк. Но расспросы выводили Ромунда из себя. Ну, в самом деле, будто сам Мердзингер меньше знает, чем он? Будто память крови

его отца не даёт о себе знать?! В отличие от людей, эльфийское племя передаёт знания не только через бумагу.

– Это что за твари такие? – спустя пару минут спросил Бочонок. Его тугому военному уму приходилось долго обрабатывать отвлечённую информацию.

– Потом как-нибудь байку поведаю, – пробормотал эльф. – А может, в морду тебе дам, один чёрт.

Бочонок хмыкнул, оценив сугубо воинский юмор.

– Ложился бы ты спать, – сказал Медведь, тихо ворочаясь в углу. – А то и я тебе рожу набью. Скоро близнецы вернутся, и нам с тобой в дозор. Не болтай попусту. Дай поспать.

– Да, это точно, – согласился Мердзингер, вставая и закидывая лук на плечо. – Я выйду в ближние кусты, – сказал он и быстро поднялся. Проваливаясь в сон, Ромунд слышал, как эльф покинул грот.

Во сне ему чудились всякие неприятные вещи, одна страшней другой: горящий родительский дом. руины Умрада. Пару раз явились сцены из двух пережитых недавно схваток, отчего юноша резко дёргался, и, просыпаясь на пару секунд, вновь окунался в Мир Грёз. Пустынный пляж, дремучий лес. Скала, окружённая бурным морем, ревущий вулкан. А затем тихая гладь какого-то лесного озера, окаймлённого сочной зеленью, похожего на то, что он видел в детстве во время путешествия с отцом на север Республики! Так славно, так мило. Но затем налетел сухой обжигающий ветер и этого не стало. Точно так же, как когда-нибудь не станет нас.

– Ромунд! – резкий крик вырвал его из сна и заставил приподняться на локтях.

Продрав заспанные глаза, юноша увидел перед собой сильно нахмурившееся рябое лицо Гвоздя. Вояка, схватив его за грудки, нещадно тряс и приказывал очнуться.

– Да всё, проснулся, проснулся! Хорош! – пробурчал Ромунд.

– Отлично. Пять минут прийти в себя. Вот фляга. Там немного огненной водицы, – сказал командир и стремительно вышел из грота.

Присев, Ромунд огляделся. Костер давно погас, оставив после себя тускло догорающие угольки. В гроте было тепло и уютно. В том углу, где недавно спал Медведь, примостились Белка да Стрелка, повернувшись друг к другу спиной и положив клинки у изголовья. Бочонок и силач Медведь ушли на посты. Альма, как и несколько часов назад, пребывала в небытии мира снов.

Хмыкнув, Ромунд сделал пару затяжных глотков крепкого воинского, что встряхнуло его сознание.

Не прошло и пары мгновений, как Гвоздь вернулся в сопровождении Мердзингера. Пока Ромунд кривлялся и отходил от принятого на грудь, эльф опустил перед ним небольшую керамическую чашу, на дне которой пересыпалось чуть-чуть порошка.

– Ты знаешь, что делать.

Конечно, Ромунд знал, для этого его и определили в разведотряд.

– Да, да. – пробурчал юноша. Сон после напитка как рукой сняло. – Только не здесь. Нужно узнать направление ветра. Лучше с какой-нибудь возвышенности.

– Может, ещё пару девок и хорошее вино? – вполне серьёзно осведомился Гвоздь.

– Не помешало бы, – улыбнулся Ромунд, но поддержки на лице командира не увидел. – Но на улицу точно надо. Прикройте меня. Я буду слишком сосредоточен, и не смогу защититься.

– Ясно. Следуй за мной, – быстро ответил Гвоздь.

Ромунд, взяв чашу в руки, с кряхтением поднялся и медленно поплёлся за командиром. Сзади шёл Мердзингер: юноша чувствовал его жгучий взгляд на затылке.

Свежий ночной воздух резко пахнул в лицо, заставив Ромунда скривиться от недовольства. Как же противно снаружи! И зачем, спрашивается, выгоняли из тепла? Прокля-

тые вояки. Магу в какой-то миг захотелось пнуть навязчивого эльфа ногой в живот и пойти доспать законный сон. Но. Мечты!

Вход в грот со всех сторон обступили густые джунгли. Изощённое волшебство заставляло растительность бурно цвести и развиваться, поэтому даже обычный папоротник мог стать препятствием на дороге... К сожалению, до ближайших гор было километров двадцать пять, поэтому Ромунд, повертев головой в поиске приемлемого места, решил расположиться перед входом в грот.

– Постарайтесь не издавать лишних звуков. И не делать лишних движений, – сказал юноша, и, не дожидаясь ответа, приступил к делу.

В первую очередь Ромунд высыпал порошок себе на ладонь, брезгливо проверил содержимое (в нём обязательно должны содержаться маленькие гранулы бирюзы) и положил всю необходимую субстанцию внутрь принесённой Мердзингером чаши. – *Целебро Фастима*. – начал он читать заклинание. Магическое зелье стало постепенно разогреваться и набирать свет. Через пару минут Ромунд, возвысив голос, произнёс последнюю фразу-активацию: – *Умеберто Далатос!* – порошок плавно взвился в воздух, и, некоторое время покружив на месте, рванул по ветру.

И сразу Ромунду показалось, что его тело само по себе удлинилось, словно каждая частичка расщепилась на мелкие составляющие, и полетело за магическим порошком.

До этого Ромунд несколько раз «слушал» ветер, но каждый раз был особенным.

Сегодня молодой маг впервые почувствовал колорит природной жизни джунглей, пропуская через себя огромные потоки информации. Запахи, вкусы, звуки, куски ночных пейзажей вырисовывались в его голове отражением потоков о контуры объектов. Он мог слышать и шуршание муравьёв в гнёздах, и редкие переклички птиц, шелест листьев под нежными дуновениями ночного ветра и всплески воды в сотнях ручьёв. Он мог чувствовать аромат каждого цветка и в то же время вонь гнилого дерева или болота. Но всё было не то. Совсем не то. Можно часами наслаждаться гармонией естества, но задача была совсем иная, и, увы, куда более приземлённая.

Пролетая сквозь пространство, Ромунд приступил к самому сложному – обработке получаемых данных и выборке необходимого. В первую очередь его интересовало людское присутствие, обычно определяющееся по речи. Несмотря на большой объём получаемых звуковых фрагментов, установить источники и выцедить из общей массы человеческий разговор было проще всего, нацелив внимание на взаимосвязанные звуковые сигналы, не имеющие периодичной цикличности. Однако такое невозможно проделать с запахом: человеческий мозг чересчур туго анализирует ароматы. Опираясь на силовые импульсы, отскакивающие от тех или иных объектов наподобие сонара тоже не стоило, можно и цианоса с человеком перепутать. Короче говоря, вычисление признаков человеческого общения в радиусе пятнадцати километров (а более не требовалось в данной ситуации, хотя юноша при должной выдержке мог узнать и то, что творилось на другом материке) заняло у него не более пяти минут. Ведь он был одним из лучших в Академии в данной области умений.

На западе и юге никого из человеческих субъектов выявлено не было. Импульсное же исследование показало наличие животных да пары представителей местных племён. Однако на востоке бродил десяток неизвестных людей. К большому сожалению, многословием они не страдали, и выяснить, что к чему, у Ромунда не вышло. Но к северу, точнее, к северо-западу, творилось что-то неясное. Оттуда никаких данных не пришло. Ромунд мысленно пытался прорваться туда и хотя бы ментально узреть что-нибудь, но тщетно. Стена. Как раз там, где проходил Шестнадцатый вал, в трёх километрах от места остановки отряда, образовался информационный провал. В теории подобные случаи связывались с чужим противодействием, но вот загвоздка: посторонней магии не чувствовалось. Попробовав ещё

несколько раз, Ромунд прекратил бесплодные попытки, и, прошептав заклятие, вернулся в тело, рухнув от усталости на землю. Казавшееся простым волшебство сожгло много сил.

К нему подскочил стоявший неподалёку Мердзингер и помог подняться на ноги.

– Докладывай, солдат, – сухо приказал Гвоздь, сложив руки на груди. Он не шибко жаловал молодого мага. Вот непруха-то! То странный эльф, то суровый командир.

Ромунд, немного запинаясь из-за боли в голове, постарался пересказать всё, что успел выудить из «ветра». Гвоздь выслушал юношу с отстранённым каменным лицом, а когда тот закончил, то, немного потеряв подбородок в раздумьях, спросил:

– Ты уверен? Может, умения не хватило. Может...

– Вы думаете, Альма сильнее меня? – улыбнулся Ромунд. – В деле воздушной магии на курсе мне не было равных. И я говорю не из гордости. Альма не узнает больше моего, даже если очень сильно захочет. Тут дело не в магии.

– А в чём же? – удивился командир.

– Это было бы неплохо выяснить. Во всяком случае, путь информационного провала чист, – пожав плечами, сказал Ромунд. – Хотя стоит помнить: данная магия далеко не совершенна, и обойти её действие достаточно просто, например, не общаясь. Отражение же от тел даст очень мутные картины.

– Что-то сомневаюсь, что дело в этом. – усомнился Мердзингер.

– Ладно. – пробормотал Гвоздь. – Мерд, зови Медведя и Боча, я подниму остальных. Пока неприятель нас не ожидает, нужно действовать как можно скорей. А ты, Ромунд, более не трать силы, и приди в кондицию. Мне нужен сильный и крепкий маг.

Молодой человек криво усмехнулся.

* * *

Данила очнулся от резкого толчка чьих-то грубых рук. Приподнявшись на локтях, вояка увидел перед собой облачённого в полный боевой доспех Яра. Откуда-то неслись неразборчивые крики и лязги стали.

– Ну, старичок, спать долго будешь? Враг у ворот, – улыбнувшись, сказал молодой воин.

– Как так? – пробормотал Данила.

– А вот так. Видно, дозоры прозевали. М-да.

– И что, много их там?

– А то. Рены, Бреган Дэрт, Реньюн. Тысяча точно наберётся, – проговорил Яр и вышел из палатки.

Даниле долго собираться не требовалось. По многолетней привычке он спал в доспехах. Даже когда хотел отдохнуть, снимал разве что сапоги.

Через пару минут охотник бежал бок о бок с Яром к переднему краю редутов.

Повсюду носились солдаты, спеша поднести припасы к арбалетным гнёздам и длинные пики для собирающихся на построение тяжёлых ратников. Весь лагерь пришёл в движение. Такого ещё никогда не было. Никто из врагов не пробирался так далеко вглубь территории Глефы. Поразительно!

– Я в гнездо, – бросил охотник Яру. По привычке сухо и без лишних сантиментов. Хотя, может, нужно было сказать юнцу пару напутственных слов.

Юноша кивнул и поспешил к строю пехотинцев.

Внутри арбалетной позиции разместилось двое стрелков, не совсем известных Даниле. Впрочем, ребята радушно приняли бывшего охотника, и похлопали того по плечу, признав в нём командира их гнезда. В клане было правило: командиров не назначают, их признают.

Многие члены Глефы прославились на весь Север отвагой и мужеством, поэтому каждый знал, кто поистине достоин взять на себя командование, а кто просто болтун и салага.

Данила выглянул в приготовленное для стрельбы оконце. Несмотря на заросли, с позиций защитников враг был виден, как на ладони. Медленно наступающая плотная линия бойцов двигалась в сторону укреплений Глефы. Два отряда поменьше обходили редуты с боков, заставляя Глефу разжать кулак и оборонять сразу и фронт, и фланги.

– А с тылу-то есть кто? – осведомился Данила.

– Ага, отряд Ромула, – отозвался стрелок. – Строганов ночью их туда отослал. Десятков пять точно там. Чувствовал неладное, небось.

Данила скрипнул зубами. Если с тыла зайдёт пускай не тысяча, но сотни две-три, Ромулу не выстоять.

В это время в гнездо запрыгнул ещё один стрелок. Данила узнал в нём старого приятеля, Сашку Тощего. Маленький худой вояка своим умением не раз доказывал врагам, что размеры особенного значения не имеют.

– О, брат, – проговорил Сашка, поправляя съехавший на лоб шлем.

– Да, здорово, здорово! Ну что, заварушка, а? – улыбнулся Данила.

– Ага, ещё какая! Только не как в старые добрые времена. – пробурчал тот и посмотрел в сторону надвигающегося противника. – Теперь бьёмся на своей земле. Проклятье. Кто-то крыса, Данила. С западного направления сдали обходные маршруты.

Данила нахмурился, и хотел что-то сказать, как неожиданно влетевший в оконце укрепления болт чуть не лишил его жизни, скользнув в паре сантиметров от горла и застряв в земляной куче.

– Началось.

Слушай мою команду, бойцы, – раздались в голове каждого вояки слова Строгонова по каналам трансферанса. – Бьём по врагу с минимальной задержкой. Болты должны в прямом смысле заставить их залечь в траву. Не опасайтесь Большого огня. Маги будут сдерживать наступление противника так долго, как смогут. Ратникам до момента вступления неприятеля в зону вашего поражения сидеть под защитой земляного вала и деревьев, затем вступить в схватку и исполнить требующееся от вас. Да хранят вас боги! За честь и отвагу!

– Ура! – разнеслось по позициям Глефы. Теперь главное не сплющить.

Во всём лагере набралось от силы сотни четыре с половиной бойцов. Остальные пять сотен были разбросаны в различных деревнях для выполнения обговорённых услуг по защите сельчан, а также некоторая часть – в другие дозоры по принадлежащей Глефе территории. Как же врагу удалось пройти таким числом? Неясно. Быть может, во всех постах они применили какое-то новое оружие, последствия коего Данила и Яр имели неприятность лицезреть.

– Так, бьём по очереди, сменяясь, – сказал Данила, пока стрелки высчитывали последние шаги для начала ведения сокрушительного огня. – Старайтесь целиться, но не задерживайтесь в проёме – шальной болт может вот так, – охотник указал на торчавший из земляной кучи снаряд, – с вами быстро покончить.

Стрелки кивнули, и тут же уши заложило грохотом взрывов, шарахнувших по полю вокруг рощи. Противник пытался сразить их магией, но в рядах Глефы были свои умельцы.

– Пли! – заревел Данила, когда неприятельские бойцы бросились в атаку, разорвав строй. Биться в плотной линии среди деревьев да кустов было просто невозможно.

Заработали стрелки всех трёх краёв обороны. Арбалеты щелкали в ритм рвущихся Больших огней. Массированный обстрел болтами немилосердно смял наступательный порыв неприятеля, скосив не менее двух десятков в их рядах и заставив закрыться щитами от неумолимого потока снарядов.

– А, скоты, не нравится? – рычал Сашка, разгорячённый боем. – На, получи!

Закрывшиеся щитами вояки не были полностью защищены от мастерского выстрела. Данила двух или трёх подстрелил в неожиданно открывшиеся места, вроде вылезшей ступни или плеча, в результате попытки продвинуться вперёд. Затем склонившегося от боли солдата добивал следующий стрелок.

– Бей, бей гадов! – орали сидевшие за редутами пехотинцы. – Бей проклятых!

Однако и неприятель отстреливался, угрожая шальным манером зацепить кого-нибудь из Глефы. Несмотря на всю мощь ведущегося огня, враг медленно, но верно продвигался. Но если бы фланги не были увлечены боем, наступавшие во фронт давно слегли бы в мокрую от утренней травы росу. Но сейчас осталось ещё метров сорок до первых зарослей, и тогда эффективность обстрела сведётся к минимуму, и начнётся рукопашная. Вот тут-то и появится реальная опасность не устоять под напором превосходящего числа.

– Во храбрецы! Вот сволочи, а! – бормотал Сашка. – Ну, точно рены на нас. Псы брегоновские давно смылись бы! Да стреляй ты точнее! Чёрт, моя бабушка лучше стреляет, чем ты! – ругал он одного из арбалетчиков.

– Я не... – хотел возразить тот, но шальной болт взвизгнул, зацепив край проёма, и вошёл арбалетчику в горло.

– Динс! – пробормотал подхвативший раненого другой стрелок. – Проклятье, Динс!

– Отставить, солдат! Будет время для разговоров с мёртвыми, – бросил Данила, пристрелив какого-то чересчур прыткого бойца ренов. – Стреляй, если не хочешь присоединиться к товарищу!

И тот стрелял. И все они делали то, что от них требовалось, но враг в тот день был настроен решительно. Когда заросли оказались совсем близко, воины Ренессанса, повинаясь чётко отданному приказу, раскрыли щиты и со всех ног рванули внутрь чащи, неся огромные потери. Один за другим первые две линии наступающих сложили свою храбрость в землю навсегда, но вскоре маги противника, прорвав отчаянное, судя по грохотавшим со всех сторон взрывам Большого Огня, сопротивление, нанесли массированную атаку на передние позиции Глефы, и защитники захлебнулись в пыли, крови и огне. Данила запомнил лишь, как затрещали деревянные укрытия, сгорая в магическом пламени, и нестерпимую боль в горле, полного забившейся земли и пепла, оставшегося от чьего-то сгоревшего тела. Если бы не Сашка, он завалился бы там и остался ждать, пока враги не заняли укрепления. Но старый и неказистый с виду вояка подхватил сильной рукой его обмякшее тело и поволок за собой в безопасное укрытие ко второй линии обороны, где засели воины. Почему он не сгорел в огне? Хороший вопрос. Возможно, угол взрыва был не тот, а возможно, заклятие применил слабенький маг, и защита колдунов Глефы смягчила удар. Во всяком случае, несильно контуженый Данила некоторое время лежал на земле близ нового арбалетного гнезда, приходя в чувство и вскоре, проверив арбалет, был готов к новой схватке, которая была в самом разгаре.

Завладев первой линией укреплений, рены не стали задерживаться на вновь приобретённой территории, а рванули дальше, к своему большому несчастью напарываясь на множество ловушек, расставленных то тут, то там в кустах. Самострелы с ядовитыми дротиками, волчьи ямы, торчащие острые колья... Все эти прелести унесли жизни не менее двух десятков охваченных безумием сражения ребят, но не смогли сдержать их боевой пыл. Две сотни с лишним бойцов обрушились на позиции ратников, неожиданно быстро сломив частокол длинных пик.

Данила расстрелял весь боезапас прежде, чем ему пришлось взяться за два коротких кинжала. Конечно, при таком превосходстве неприятеля трудно рассчитывать на лёгкий бой, и главной задачей было морально выдержать натиск наступающих. В конце концов, получив

две раны на руке и ноге, он вышел из первой линии, и, позаимствовав сумку с болтами у мёртвого арбалетчика, взялся за привычное дело.

План врага удался. Взяв отряды Глефы в клещи с фронта и флангов (тыл, к счастью, оставался спокойным) неприятель теснил их, медленно сдвигая к центру Лагеря и заготавливая котёл для последующего уничтожения. В принципе, схема вполне понятная: несущей колоссальные потери Глефе ничего не оставалось, как медленно подчиняться задуманному плану соперника. Но проблемой для ренов стала яростная и несокрушимая стойкость, с которой сражались забитые в угол бойцы вольного клана. Не сдавая и шага без ожесточённой схватки, воины Глефы в плотном строю всё больше и больше стали колебать решимость ренов, умытых кровью. Но вот в какой-то миг каждый солдат Глефы ощутил, как ослабли мышцы и в глазах всё стало расплываться. Магия. Изощённая магия! Не имея возможности нанести удар Большим Огнём, проклятые чародеи решили вопрос по-иному.

На дрожащих ногах Данила простоял недолго, схватившись за саднящие виски, он рухнул в ближайший куст, проклиная весь белый свет. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба битвы, не обнаружь охотник в кустах своего напарника Яра, склонившегося над какой-то книгой и быстро шепчущего слова заклęcia.

– Ты какого делаешь? – пробурчал Данила, и ужаснулся, когда юноша обернулся к нему, сверкнув налитыми кровью глазами. Охотник почувствовал, как ослабло давление чужой воли, когда он отвлёк Яра. – Неужели ты?

– *Венде...* – хотел выкрикнуть Яр, подбросив порошок, но движение опытных рук Данилы опередили его, вогнав маленький кинжал в тело. Проклятый предатель успел сделать лёгкое движение, подставив плечо.

Взвыв и схватившись за кровоточащую рану, Яр лягнул Данилу ногой в лицо и затем выпрыгнул из кустов.

Освобождённый от давления чар, охотник в радости не заметил расквасившего нос удара и выскочил за Яром, но тот куда-то скрылся, оставив свою чёрную книгу. Сунув на всякий случай её в торбу, Данила поспешил на помощь к товарищам, которые с ещё большей силой взялись крушить врага, начав теснить его, и вскоре откинув за вторую линию обороны.

И тут раздался гром рога, возвестив о приходе подкреплений к Глефе. Данила чуть не запрыгал на месте, когда увидел, как в чашу врывается полк наездников на мамонтах, ломая деревья и попутно сминая ряды неприятеля. Доселе не сражавшийся вместе с воинами Строганов, блистая в лучах утреннего солнца золотыми наплечниками, вёл в победоносное наступление секретный отряд, ставший полной неожиданностью для врага. Ошеломлённые и раздавленные во всех смыслах рены со своими союзниками, после недолгого сопротивления обратились в бегство, но в большинстве были настигнуты, и либо перебиты, либо взяты в плен.

Часом позже, когда пленников привели в Лагерь, а вояки, достав бочки с вином, принялись праздновать победу, Строганов подозвал к себе Данилу, и в присутствии пяти оставшихся в живых сенешалей произвёл старого охотника в соответствующий ранг командующего состава.

– Мой сеньор, я не достоин. – начал было Данила.

– Ой, ну не пой уж мне эту песню, – отмахнулся Строганов, сделав богатырский глоток вина из серебряного кубка. Огромный в росте и плечах лидер Глефы чем-то напоминал медведя. Даже волосы его большой головы были чем-то похожи на мех животного. Правда, лицо у Строганова было добродушное, как у любого храброго воина из старых сказок.

– Нет, сеньор. Особенно в сфере последних событий, – сказал Данила и замаялся на полуслове. – Мой напарник – предатель. Я его спугнул, когда он решил ослабить наших воинов. Вот какая-то книга, в которой он читал заклинания.

– Неужели? – удивился Строганов, и, нахмурившись, выслушал описание происшедшего. – Ну! Товарищ мой дорогой! В таком случае ты более других заслуживаешь сего звания. Давай сюда книгу. Ага. Ну, я мало что в этом помаю, – положив её в походную сумку, пробормотал Строганов. – Дадим магам разбираться. А теперь выпьем же!

– Сеньор! Мой Сеньор! – прокричал кто-то, подбегая к Строганову.

– Что стряслось? – нахмурился сеньор. Его вновь прервали в попытке испить вина.

– Мастер Фолио. – задыхаясь, пробормотал рыжебородый боец с кровоточащим предплечьем, – убит. Жутко. А Патранакс. Он словно тот, что принесли. А самого больного нет. Только следы.

– И? – нетерпеливо пробормотал Строганов.

– Словно тварь какая-то прошла. неизвестная.

* * *

Гвоздь поднял всех разом, заставив в кратчайшие сроки приготовиться к выступлению. Несчастную Альму расталкивали всем отрядом, влив в неё мамонтову долю настойки целуфатоса вперемешку с огненной водой. Последнее произвело на неё достойное впечатление, кашлем выбив последние остатки сладкого Мира Грёз.

– Давай собирайся! – прикрикивал Бочонок. – И так спала целый день!

Альма залилась краской. Как она впоследствии призналась, использованная ею у ручья магия далась ей впервые в жизни. До этого все попытки координировать действия перемещаемых объектов оказывались провальными. Узнав сие «приятное» обстоятельство, Гвоздь в командной, не терпящей возражений и оговорок форме, объяснил, что дальнейшие эксперименты стоит «засунуть в самые дальние концы академических аудиторий», или себе в место, предназначенное для опоры.

Когда солнце только-только выглянуло из-за горизонта, лизнув хмурое небо, бойцы славной Республики с каждой минутой приближались к заветной цели миссии – Шестнадцатому Валу. Несмотря на сообщение о неизвестности происходящего впереди, бывалые вояки ни в коем разе не выказывали озабоченности по поводу предстоящего. Теперь, когда отряд двигался в полном составе, полностью доверив разведку Ромунду, ежеминутно получавшему информацию о происходящем в трёх-четырёх километрах вокруг (юноша неплохо управлялся с поисковыми заклинаниями), люди почувствовали большую лёгкость. Белка и Стрелка перманентно острили в сторону Бочонка, который, умело парируя плоские, и, на взгляд Ромунда, неумелые выпады, сам давал жару шутникам, иной раз заставляя покраснеть Альму, а Медведь, шедший рядом с юношей, комментировал словесную дуэль, порой ненароком принимая ту или иную сторону удачно вставленной фразой. Гвоздь с эльфом хранили достойное молчание, соответственно возглавляя и прикрывая двигавшийся отряд. Наверное, командир предчувствовал, что ожидать что-то хорошее от предстоящей разведки Шестнадцатого Вала не представлялось возможным, поэтому давал некоторую свободу солдатам, дабы те немного развеялись и сняли лишнее напряжение, возникшее после того, как Ромунд сдуру разболтал о полученных сведениях.

Приложившись юноше кулаком по животу, Гвоздь дал понять, что вся информация идёт исключительно к командирам, но никак не к рядовым бойцам. Поэтому на все дальнейшие расспросы сотоварищей по оружию Ромунд отвечал односложным отказом, чем немало позабавил Белку и Стрелку.

Двигаться вперёд оказалось не так просто. Во-первых, в густых чащах обитало множество всевозможных тварей, с которыми лучше не встречаться и не терять время на бессмысленное растраниживание ценных сил, а во-вторых, покрытая утренней росой земля превратилась в месиво, которое порой трудно отличить от зыбучих песков. Несмотря на все

старания Ромунда, немного неповоротливый Бочонок умудрился попасть в одну из таких природных ловушек. Пришлось вытаскивать и очищать незадачливого вояку. Опасаясь всевозможных препятствий, отряд двигался крайне медленно, делая достаточно долгие обходные манёвры. Однако всё было бы хорошо и благополучно, если б не кое-какие обстоятельства. Примерно через полтора часа после выступления магия Ромунда начала давать сбои. Первым, что подало тревожный знак, была стычка с несколькими хмурыми цианосами, устроившими привал под большой ветвистой пальмой. Никаких данных заклятие поиска не предоставило, и отряд вышел на существ совершенно неожиданно для них и для себя. Первым опомнился Мердзингер, уложив двоих противников молниеносной стрельбой из лука. Ещё двое пали от одновременно пущенных огненных стрел Ромунда и Альмы. Первородные племена не шибко церемонились с людьми, ненавидя их всем сердцем, поэтому действовать по отношению к ним, к сожалению, приходилось соответственно.

После такого происшествия Гвоздь повторно сделал внушение в живот молодому магу, не получив, однако, конкретного объяснения. Начавший сомневаться в способностях Ромунда Гвоздь был сильно озадачен заявлением Альмы о своём полном бессилии вести разведку. Она даже не смогла определить передвижение бабочки в нескольких метрах от себя. Причины были ей неизвестны. Ромунд же кое-что улавливал в эманациях заклятия, хотя повторное «слушание ветра» ничего не принесло. Слегка проникшись попытками Ромунда теоретически объяснить происходящее, Гвоздь выслал Белку и Стрелку на ближайший осмотр местности, чем немало угадал, когда наступило второе и самое тревожное обстоятельство: полный отказ магии поиска. Как только Ромунд почувствовал, что более не получает никаких данных, он поспешил заявить об этом командиру, но в тот же момент из густых зарослей вынырнули два ловких близнеца, и с бледными озабоченными лицами посоветовали сделать крюк, обойдя лагерь гоблинов у Вертских холмов, за которыми в паре сотнях метров начинались первые укрепления. Теперь, потеряв всякую весёлость, члены разведотряда смотрели в оба, ожидая в любой момент встретить врага.

– Придётся выйти на заброшенную дорогу и по ней до Полуденного тракта. Шариться в этих кустах мы можем хоть сутки! – заявил Медведь, когда Гвоздь решил сделать короткий привал для оценки ситуации.

Не согласиться с ним было просто невозможно. Отряд и так потерял три с половиной часа на расстояние, которое мог преодолеть максимум за час или полтора.

– Нельзя на дорогу, – коротко бросил эльф. – Только вдоль неё, под прикрытием зарослей.

– Ага, точно, а то будем как на ладони, – кивнул Бочонок. – Чикай из лука потихоньку, и всё.

Гвоздь, обведя всех взглядом, вновь выслал вперёд братьев-близнецов, приняв решение о необходимости как можно скорее донести сведения командованию о произведённой разведке, и повёл отряд в сторону заброшенной дороги.

Некогда тракт забирал слегка южнее, чем шёл сейчас, заглядывая по пути в довольно крупную деревню: туда стекались потоки хозяйственных продуктов от фермеров приграничной зоны. Местечко было достаточно известное и прибыльное, но однажды деревня просто исчезла. Официально Сенат заявил о вылазке войск Таргоса, но по свидетельствам пришедших позднее с фронта ребят, никакого проникновения противника зафиксировано не было. Шестнадцатый Вал не пропустил бы ни одного бойца, не говоря о таком количестве солдат, что способны стереть деревню с лица земли. Все в отряде знали о загадочных обстоятельствах гибели населённого пункта, но молчали, сделавшись угрюмыми и озабоченными.

Конечно, выходить из-под сени спасительных зарослей никто не собирался. Поросшая высокой травой грунтовая дорога узкой лентой пролегла сквозь джунгли, и по её бокам кусты и деревья позволяли спрятаться целой армии. Отослав на ту сторону Белку, а на

этой пустив вперёд Стрелку, отряд медленно и максимально тихо двигался по дуге старой дороги. Ощущение чего-то унылого и печального резко навалилось на сердце. Ромунда была крупная дрожь, но он старался не показывать этого. Да ещё и Альма, бледная как смерть, жалась всё ближе к нему, чуть не наступая на ноги. Он пытался всячески успокоить испуганную девушку, но ничего не получалось. Ей было ещё страшнее, ведь она особым женским чутьём лучше ощущала приближавшуюся опасность. В воздухе витали тошнотворные запахи смерти.

В какой-то момент с той стороны дороги, где шёл Белка, донёлся предупреждающий свист. Отряд тут же остановился и залёг в разросшийся папоротник, напряжённо вслушиваясь в тишину.

По прошествии нескольких минут раздался шум и треск, затем душераздирающий вопль и в секунду всё стихло. Сердце Ромунды ушло в пятки. Бойцы бездействовали. Гвоздь поднятым вверх сжатым кулаком приказал всем оставаться на месте. Но тут в метрах десяти из кустов на дорогу выскочил Стрелка, и, выкрикивая самые черные ругательства в адрес неизвестного, с мечами наголо рванул на ту сторону, нырнув в зелень зарослей. Через пару минут донеслось его ауканье и призывы откликнуться, обращённые к Белке. Гвоздь отдал приказ Бочонку, Медведю и эльфу двинуть на подмогу.

Целый час отряд обыскивал округу в поисках пропавшего воина, но безуспешно. Ничего, кроме одинокой сабли Белки с окровавленным эфесом, валявшейся в кустах далеко от дороги, обнаружить не удалось. Стрелка побродил вокруг да около, но с понуренной головой согласился с необходимостью продолжить путь. Они на войне.

На этот раз в разведку отправился эльф. Оставшийся в живых брат-близнец шёл позади остальных бойцов, погрузившись в себя.

Ромунд что было сил корил себя за происшедшее, но никак не мог взять в толк: как у него не вышла самая простая магия? Или, точнее, почему она не возымела должного эффекта? Он не мог определить. Один из самых лучших адептов магии воздуха оставался бессильным в том, чтобы выявить источник проблем, тогда как это азы магического искусства!

Один раз, не выдержав, юноша всердцах бросил на землю походную торбу, вытащил чашу, и, игнорируя ругань сотоварищей, решил снова попробовать слушать ветер. Но ничего. Ровным счётом ничего. Словно вокруг безвоздушное пространство.

– Проклятье! – рявкнул Ромунд, и хотел швырнуть ни в чём не повинную чашу в ближайшую пальму, но цепкая рука возникшего откуда-то эльфа сдержала его.

– Не стоит, – тихо молвил он.

Ромунд, высвободив кисть, кинул негодный инструмент, но только на землю, и сжал кулаки от злости. Отряд молчаливо и надменно наблюдал за потугами юноши.

– Не понимаю. Как же так? – взмолился юноша, поглядев на серое небо, еле проглядывавшее из-за густых крон.

– Что ты не понимаешь?! – раздражённо кинул Гвоздь и угрожающе двинулся на юношу. – Не понимаешь, почему ты не способен справляться со своими обязанностями? – подошедший вплотную командир попытался провести удар правой, но Ромунд был готов, и спокойно отбил атаку, приняв боевую стойку. Глаза Гвоздя налились кровью, и он хотел броситься на дерзкого мальчика и раздавить, как котёнка, но между обоими противниками возник тонкий силуэт Мердзингера.

– Успокойся, командир, юноша здесь ни при чём. – тихо проговорил он.

– Как? Что? – захлебнулся желчью Гвоздь. – Из-за этого уроды пропал мой боец! – примечательно, но брат Белки оставался безучастным к конфликту.

– Он ни при чём. – повторил полуэльф.

Гвоздь издал что-то вроде стоны отчаяния, и, повернувшись, сплюнул в землю.

– А кто тогда? – рявкнул он.

– Думаю, стоит дать магу высказаться, – подал голос Медведь, искоса поглядывая на застывшего Ромунда.

Юноша опустил руки, и, поглядывая в землю, запинаясь стал объяснять, что к чему. Однако его пояснения не действовали на командира. Привыкший полагаться на свои руки и добрый меч, вояка никак не мог взять в толк, что есть вещи, не зависящие от человека.

– Ты же маг, чёрт тебя подери! – утверждал он. – Ты зачем пять лет учился? А? Небось, деньги государственные с бабьём просаживал!

– Да нет же!

– Заткнись! – зарычал командир.

– Послушайте! – вдруг вступила Альма. – Если другой чародей будет использовать магию, то это почувствует даже второкурсник, только-только приступивший к изучению защитных заклинаний! Да и как вы смее нести такую чушь на Ромунда, когда именно он уничтожил вражеских магов, там, у реки, где весь легион попал в засаду? Именно он безошибочно определил место ведущегося огня! Именно он пробил их защиту и спас не один десяток таких вояк, как вы! Всё, что вам оставалось делать без него, это забиться в кусты и ждать, пока вас поджарят! – на последнем слове Альма осеклась, заметив, как расширились от гнева глаза командира, но он промолчал.

– Действительно, скрыть воздействие магии нереально, – развёл руками Ромунд.

– Нет, есть один способ, – сказал Мердзингер. – Если направить воздействие на сами потоки силы.

– Но это неподвластно человеку! – запротестовал юноша.

– А кто сказал, что мы имеем дело с людьми? – резко бросил эльф. При этих словах все уставились на него.

– То есть как? – пробурчал Бочонок.

– Это лишь догадки, – поднял вверх руки эльф, словно защищаясь.

– И на чём же они основаны? – спросил смягчившийся Гвоздь.

– Ну, первое, на моём личном чутье. Уж поверьте, папка оставил мне некоторые способности, – сказал Мердзингер, сверкнув глазами. – Ну и по тому, что мы увидели на месте гиб... исчезновения Белки.

– Что же? – встрепенулся Стрелка.

– Отсутствие каких-либо следов. А шуму и треска было предостаточно. Нечто тащило Белку, сломав его телом пару кустов, но потом исчезло.

Повисло молчание. Альма в страхе зажала рот руками, переводя испуганные взгляды с одного бойца на другого. Медведь, ухмыляясь, водил большим пальцем по своему страшному оружию, Бочонок вновь раскурил трубку, а Стрелка с Гвоздём напряжённо сверлили взглядом землю.

– Как бы то ни было, нужно продолжать двигаться дальше, – проговорил Гвоздь. – Примерно через сотню метров деревня, за ней шагах в ста Пыльные сопки – а это тыл Шестнадцатого вала. Посмотрим, что к чему и уходим.

– А что смотреть-то? – хмыкнул Бочонок. – Мы не наткнулись ни на один патруль, чёрт возьми!

– Заткнись, Боч, – посоветовал Медведь. – Пойдём и узнаем, понял?

– Да я-то что. Я так. – забормотал воин.

– Мерд, двигайся вперёд. Всем остальным укрыться под сенью зарослей, дабы не смогли обстрелять нас с той стороны, – приказал Гвоздь, и, ткнув пальцем в сторону Ромунда, бросил: – Ты! Во главу колонны!

Юноша, кивнув, подчинился. Да и как иначе? Он и так проявил изрядную долю противления воинскому насилию, за которую ему придётся ответить в будущем. Он не сомневался: система наказывает.

Окружавшая тишина давила на сознание. Каждый старался ступать максимально тихо, чтобы, не дай бог, под ногами не треснула какая-нибудь палочка, иначе в гнетущем молчании людей и природы можно легко выдать себя. Да и темнота... Несмотря на то, что утро вступило в свои права, в густой чаще деревьев свет проникал сквозь кроны крайне неохотно, и сколько бы Ромунд не жмурился, вглядываясь в дальние заросли, ничего толком разглядеть не мог. Плюнув на всё, юноша предложил отряду использовать магию острого зрения. Пока они не на свету, она поможет. Гвоздь, сверкая глазами, отрицательно покачал головой. Ещё шагов пятьдесят, и джунгли кончатся. Далее, перед сопками, будет прогалина, и там много света. Ромунд, пожав плечами, двинулся дальше.

– Ни одна пташка не вякнет, – сетовал Бочонок. Он шёл и постоянно что-то бурчал под нос. Гвоздь запретил ему курить, и тот сильно расстроился. – Сдохло тут всё.

Бочонок был прав: местность больше напоминала не сочные джунгли, где бурно кипит жизнь, а умерщвлённую пустыню. Ромунду совсем не нравилось, что в округе нет активности. Это напомнило ему заметки магических экспедиций в Мёртвые земли на севере Гипериона, прочтённые в библиотеке.

Но, к большому счастью бойцов отряда, их героическое прохождение через джунгли, вселяющие недоверие и страх после исчезновения Белки, прошло без новых сюрпризов, и на пути возникла деревня. Здесь дорога покидала густоту зарослей и выходила на поросшую высокой травой равнину, посреди которой высились ветхие крыши покосившихся домов, а далее Сопки, на которых расположены первые посты Шестнадцатого Вала. С них должна быть видна вся деревня.

У последних кустов, перед открытым пространством, засел Мердзингер, внимательно осматривая округу. Гвоздь сделал знак остановиться и залечь, а сам тихонько, в наклоне, двинулся к застывшему эльфу. Ромунд, чувствовавший ужасную боль в ногах от тяжёлых поножей и сапог, уселся на землю невдалеке от командира и Мердзингера.

– Ну, что там? – еле слышно спросил Гвоздь, но Ромунд разобрал слова.

– Тишина. Гробовая, – ответил эльф.

– Та самая деревушка? – осведомился Гвоздь.

– Да, она. Посмотри на траву вокруг, – кивнул другой. – Не примята. Здесь давно никого не было.

– Тогда лучше не соваться? Или что?

– Чёрт его знает. Если пройдем сквозь неё, сможем быстро вбежать на холмы. Обойти не получился. Дома всё перегородили.

– А как же сопки? Оттуда нас перебить, как раз плюнуть! – удивился Гвоздь.

– Не знаю. На сопках вроде никого.

– Значит, наших нет?

– Нет. Однако чую я, что скрылось нечто в домах.

– Проклятье, Мерд! Вечно ты что-то чуешь. Ты мне скажи, вести туда ребят или нет?

– Вести. Только предупреди магов, чтоб были наготове. При малейшей опасности пусть выжгут здесь всё.

Гвоздь кивнул и вернулся к отряду:

– Значит, быстро, не задерживаясь, двигаемся через эту рухлядь и к холмам. Не отставать, нос не совать, куда не надо. Придётся идти по главной дороге деревни, иначе по мелким улочкам заплутаем, да и в капканы какие-нибудь угодим. Всё ясно?

– Так в засаду угодить проще простого, – отметил Медведь.

– Так и так. То, с чем мы имеем дело, может быстро поменять диспозицию. Есть ещё вопросы?

Все напряжённо молчали.

– Хорошо, тогда пошли. Чародеи. – Гвоздь ядовитым взглядом скользнул по лицу Ромунда, – не подведите в этот раз.

– Тучи надвигаются, – пробормотал на ухо магу Бочонок, внимательно поглядывая на темнеющее небо. – Сейчас бы табачку.

Первым на равнине показался Мердзингер, и стрелой помчался к ближайшему двухэтажному дому, с раскуроченным боковым окном. Упёршись в стену бедром, эльф вытащил свои тонкие клинки и дал знак остальным двигаться к нему. Следующим был Ромунд. Бросив взгляд на лысые вершины сопок, некогда оголённых Большим Огнём, потом на угрожающий силуэт сторожевой башни, а затем на источавшую опасность деревню, Ромунд что было сил побежал вперёд, к сотоварищу, опасаясь в любой момент получить стрелу или огненный шар в спину. Всякая защита имеет свою слабинку. Но ему повезло: никто из возможных врагов не удосужился обратить внимание на его скромную персону, как, впрочем, и на весь отряд: через несколько минут все бойцы были у стены.

– Идём по два. последние втроём, – тихо проговорил Гвоздь, и, подумав немного, добавил: – Идём не быстро. Чёрт его знает, на что можем напороться.

Везучему сегодня Ромунду досталось идти в первой паре вместе с Мердзингером. Всё внутри юноши сжалось в комок, когда они вступили на главную улицу мёртвой деревни. Потемневшие от многочисленных дождей, полусгнившие, источавшие зловоние тела домов грудой надвинулись на возникших из ниоткуда людей. Черные провалы окон взирали злоеющей темнотой, провожая всё дальше вглубь ужаса. Каждый шаг отдавался болью в сердце. Каждый шаг приближал опасность. Внутри Ромунда просто выло от страха, призывая бежать, но от чего и куда?

Главная улица пролежала, не петляя, сквозь посёлок, шагов через триста упираясь прямо в сопки. От основной дороги лучами отходили улочки помельче, теряясь среди многочисленных обветшавших зданий. Судя по всему, населения здесь было семей минимум сто. Да и как иначе? Торговая точка! Здесь текли золотые жилы, но однажды никого не стало. Лишь поломанные предметы быта, детские игрушки, части людской перепачканной одежды, напоминали о том, что здесь некогда бурлила жизнь. Двери и ставни у большинства домов были взломаны, одиноко валяясь в пыли, кое-где стены имели следы насилия. Словно их грызли и скребли когтями. Однако трупов не было. Скорее всего, убрали спасательные экспедиции Республики. Но сокрыть следы непонятной деятельности они не смогли. Да и не хотели, наверное.

– Что это такое? – пробормотал Ромунд. – Что ж здесь было-то?

– Тихо, – приказал Мердзингер.

Эльф мягко ступал по пыльной дороге, переступая щепки, куски черепицы, горки угля и золы, о происхождении которых Ромунд не хотел задумываться. Юноша старался подражать спутнику, но иной раз тихий треск раздавался из-под его сапог, заставляя эльфа хмуриться и кусать нижнюю губу. Ему было не по себе. Он что-то чуял.

Ромунд никак не мог отделаться от мысли, что за ними наблюдают. Всё чаще и чаще приходили на ум вычитанные описания Мёртвых земель, где день всё равно что ночь, а мёртвая каменистая округа полна любопытных глаз. Так и здесь. Налетевшие откуда ни возмись тучи застлали солнце, от чего вокруг стало ещё темнее, и Ромунд поспешил вновь задействовать острое зрение.

Ромунд был готов поставить пять золотых на то, что кто-то неустанно следит за ними. Или это просто наваждение? Глупые иллюзии страха?

Когда отряд оказался на середине деревни, у одного из домов с провалившейся крышей внутри что-то хрустнуло, и через какое-то время за стенами скорбного жилища раздался звук падения чего-то тяжёлого. Душа Ромунда ушла в пятки, ноги затряслись так, что, казалось, сейчас откажут.

Мердзингер подал знак отряду остановиться. Пару минут напряжённо вслушиваясь в тишину, эльф ткнул Ромунда в плечо, показал на проклятый дом и начал стаскивать с плеча лук.

– Приготовь огонь, – пробормотал эльф. – Откроешь дверь и отскакивай. Я встану перед дверью и пальну, если что.

Вне себя от ужаса, молодой маг медленно двинулся к дому. Ему с трудом удалось достать шепотку пороха – руки тряслись и не хотели слушаться. Подойдя ближе, юноша посмотрел на застывшего в трёх шагах от него Мердзингера с натянутым луком в руках, затем на остальной отряд, напряжённо ждавший в стороне, и что было сил ударил ногой в прогнившую дверь, отчего та влетела внутрь. Пospешив отойти, Ромунд приготовил порошок к колдовству. Но всё было тихо.

– Дай света внутрь! – сказал эльф.

Ромунд не сразу сообразив, что от него хотят, вернул порошок в мешочек, и, прочтя лёгкое заклинание, сотворил в руках маленький шар света. Покружив в его руках, он проскользнул в открытую дверь и застыл посреди просторной комнаты, озарив помещение. К дому поспешили Медведь с Бочонком и ворвались внутрь. Через пару минут в дверном проёме возник Медведь, и, пожимая плечами, пробормотал:

– Пусто. Никого.

– Командир! – раздался оклик Бочонка из-за дома. – Командир, взгляни.

Гвоздь, окинув взглядом отряд, вошёл в дом. Ромунд, не справившись с любопытством, решил войти следом. Да его никто и не останавливал.

Домишко оказался вполне обычным жилищем какого-нибудь крестьянина-средняка: кухня, две спальные комнаты, столовая, посреди которой валялись обломки изрубленного стола, и лестница, ведущая наверх, к кладовке. Повсюду разбитая посуда, куски рваной ткани. Мебель преимущественно разгромлена, будто её кромсали топором. Впрочем, ничего примечательного, если б не чьё-то тело, лежащее на животе внизу лестницы. Подойдя к нему, Гвоздь перевернул труп и отшатнулся. Смотреть было едва возможно. Кусок мяса, изорванный в клочья. Комок подкатил к горлу Ромунда, и он еле сдержал приступ тошноты.

– Судя по гербу на груди – наш, – проговорил Гвоздь, справившись с отвращением. – Кровь недавно запеклась. Убит часа три назад. Судя по следам на лестнице, скатился вниз. Почему? Вот это интересно. Да и вообще, какого он делал тут?

– Хотелось бы знать. – пробормотал Бочонок.

– Командир, – сказал эльф, держа лук в руках и не убрав стрелы, наложенной на тетиву. – Заведи всех в дом. Нужно обдумать, что делать дальше.

– Все сюда! Живо! – коротко сказал Гвоздь, продолжая осматривать тело. – Что ж с ним сделали? Когтями, что ли, рвали.

Когда отряд вошёл внутрь, Мердзингер резко сказал:

– Впереди что-то есть.

Оторвавшись от созерцания трупа, Гвоздь кивнул.

– Это ясно. Что делать будем? Шагов сто – сто пятьдесят до сопки.

– Это не люди, – пробормотал эльф.

– Тоже понятно. Кто-то из диких племён.

– Сомневаюсь, – покачал головой Мердзингер.

Командир закатил глаза.

– Ну а кто, чёрт тебя подрал?! – заявил Гвоздь. – Кто ещё может быть?! Видно, деревню тогда помяли уродцы из первородных. Кому ещё придёт в голову стены грызть?

– И ты думаешь, Сенат стал бы врать и винить во всём Таргоса, когда нападение диких стало бы хорошим предлогом для крестового похода за отличной добычей? Всякие защитники слабых и обездоленных племён заткнулись бы и не смогли бы помешать окончательному уничтожению недобитых первородных! А тут. – эльф замялся. – Как будто древнее зло из старинных легенд.

– Да не морочь мне голову! – скривился Гвоздь. – Легенды, зло. Чушь собачья. Решай давай, как нам через деревню пройти и не засветиться!

Послушав этот не совсем ясный разговор, Ромунд отвернулся и выглянул в ближайшее окно. Здесь, за стенами, жуткий страх слегка отпустил и пыльная улица казалась вполне обычной. Пустынной и просто заброшенной улицей. Ромунд слегка улыбнулся своим страхам. Гвоздь был прав: весь страх нагнало их собственное воспалённое последними событиями сознание. Скорее всего, какие-нибудь твари, вроде цианосов или ненормальных тропосов, решили поживиться чем-нибудь в заброшенной человеческой деревне, устроив сначала засаду на зашедшего слишком далеко вояку, а затем на засветившийся отряд. Удовлетворившись сим объяснением, юноша хотел с улыбкой выйти из дома и хорошенько плюнуть на один из темных домов, подтвердив своё презрение, как на перпендикулярной главной дороге улице показался человек. У юного мага перехватило дыхание. Человек улыбаясь, направлялся к дому, где находился отряд! Ужас встряхнул Ромунда снова, когда он заметил, что у гостя распорото брюхо и нет полруки, а сам он не кто иной, как Белка!

Сидевший рядом Стрелка кинул рассеянный взгляд в окно, и, как только заметил происходящее, его глаза расширились от удивления, и он, не мешкая, вскочил на ноги и бросился к появившемуся из ниоткуда брату.

– Белка! Ты ли? – крикнул он, выпрыгивая из дома.

Всё происходило слишком быстро. Ромунд не успел остановить Стрелку, схватить за руку, удержать. Он видел, как силуэт Белки начал ненормально быстро уноситься обратно, в ту сторону, откуда пришёл. Стрелка рванул туда, окликая брата.

– Стой! – вырвался глухой стон из груди Ромунда, но было поздно.

К тому времени, когда бойцы выскочил наружу, Стрелка исчез из виду. Бочок с секирой наперевес хотел побежать следом, как с той стороны, где исчез второй брат, донеслись страшные вопли, будто кого-то рвали на части, а затем всё стихло. Начавший движение Бочок застыл на месте.

– Что же убивает нас, чёрт подери? – зарычал Медведь, до боли в костяшках сжав Моргенштерн. – Дикие племена, да?

И тут деревня наполнилась нечеловеческими криками и леденящим душу воем. Казалось, стонет сама земля! Ромунд заткнул уши и упал на землю. Тысячи голосов наполнили голову. Кровь хлынула из носа. Он еле оторвал взгляд от земли и увидел, что со всех концов к ним рвались тысячи теней. Из домов выползали какие-то твари с крыльями и острыми зубами. Плелись самые настоящие зомби! Их шли убивать!

– Маги, огня! – заорал Гвоздь, и Ромунд с Альмой, забыв о страхе и дикой боли в висках, приступили к делу.

Слова заклятий срывались с их губ быстрее молний. Гром взрывов Большого огня и огненных шаров заглушил вопли и стоны злых духов. Теперь здесь властвовал огонь! Он рвал на части разрушенные дома, рвал на куски летящих тварей. Всю округу заполнило пламя, лившееся от щедрой магии двух чародеев отряда. Не чувствуя усталости, они уничтожали всё, что хоть как-то источало опасность!

– Бежим к сопкам! – прокричал Гвоздь, и оставшиеся в живых бойцы поспешили исполнить приказ.

Ромунд и Альма забрасывали заклинаниями дома на пути, превратив всю деревню в пылающий котёл. Однако их никто не тронул. Бегом они добрались до сопки, не повстречав больше никого. К тому времени строения посёлка охватил огонь, безжалостно выжигая последние останки. Только когда отряд взобрался на холм, Гвоздь дал приказ остановиться и сделать передышку. Жар, исходивший от горевшей деревни, обжигал даже здесь.

– Что ж это за дерьмо такое? – вытирая кровь, залившую лицо, пробормотал Бочонок. Кровотечение из носа у всех остановилось только сейчас.

– *Ту сан'ай гра.* – пробурчал по-эльфийски Мердзингер, держась за окровавленный бок. Видно что-то задело его.

– Что? – раздражённо спросил Медведь.

– Воронка. – ответила за него Альма, от чего Ромунд почувствовал, как жёсткий комок подкатил к горлу.

Они в ловушке.

* * *

Мерзкий смрад сочился из пор изувеченной земли, стелясь едким жёлтым туманом по каменным равнинам, залегая в оврагах и отступая лишь перед острыми холмами, в беззвучной злобе окружая безмятежные вершины. Он был настолько непереносим, что, казалось, его всеуничтожающая сущность въедается в самый мозг! Под сенью злого неба, полного пепла и алого огня горящих вулканов, гниющий кусок мировой плоти источал самый настоящий яд.

Мерлон чувствовал, что нечто хотело убить его плоть, но в отчаянии разбиваясь об стену непреодолимых препятствий, отступало, чтобы накинуться каскадом различных сюрпризов, исходивших из каждого уголка непривлекательного для смертных места. Но не серные дожди, чьи разъедающие камни струи, ни потоки чистого огня, ни вихри пыли и грязи, ни толпы безумных зомби, не могут сдержать Мерлона на пути к заветной цели! Цели, которую он не знал, но стремился, ибо так говорили голоса. Ведь они обещали жизнь и дали её. Они обещают власть и ведут к ней! Но чем больше он прислушивался к ним, тем больше оставшейся частичкой сознания убеждался в своём окончательном помешательстве и смерти прежнего себя. Он сыпал в голоса проклятия, и они молчали. Они проклинали его, и он внимал им. Тупая тоска, боль. Где прежний Мерлон? Где беззаботная душа? Разве он хотел власти? Великих богатств?

Это Харон, приятель, здесь всегда тянет размышлять.

«Возможно и так! Какая от этого разница?» – отвечал иной голос.

Молчи, несчастный! Глупец! Что твои пустые размышления? Они принесли тебе жизнь? Нет! Её принесли Мы! И только Мы есть и альфа и омега, и только Мы знаем Истинный путь!

«Путь горя и страданий?»

Путь владычества и Истины!

Путь пропащих душ, – заключал про себя Мерлон, уже в сотый раз вычлняя этот диалог среди гомона тысяч голосов.

Куда он идёт? Точно неизвестно. Куда-то на восток, в самый центр Харона. На восток. через ядовитые туманы и серные дожди. По острой, как бритва, земле, изрубившей в жалкую требуху сапоги Мерлона, которому почему-то было всё равно. Нет гнева. Лишь безутешная тоска, рождавшая отчаяние. Порой ему хотелось забиться куда-нибудь в угол, и зарыдать, как ребёнок, но что-то грозное внутри распыляло огонь, заставляя ярость очнуться и поглотить его! Всё человеческое должно быть смыто!

– Зачем? – завопил как-то Мерлон и повалился на землю, скребя камни и расцарапывая руки в кровь. – Зачем?! – орал он, поднимая окровавленные ладони к грязному небу, чувствуя, как они заживают за доли секунды. – Почему? Почему мне не сказали, какова цена? – срываясь на рыдания, продолжал он кричать.

А помогло бы?

– Нет! Молчи! Молчи! – Мерлон вскочил на ноги, и ему почудилось, что перед ним возник его прообраз с надменно ухмыляющимся лицом. Такой же грязный и оборванный, только с чёрными, как смоль, глазами. – Молчи, поганая тварь!

Неужто? Что же ты сделаешь, а? Вот скажи, Мерлон? Ты бы выбрал смерть там, на Гиперионе, захлёбываясь кровью в агонии? – голос двойника говорил в сознании, но Мерлон рефлекторно закрыл уши.

– Молчи! Молчи! Молчи! – бормотал он, зажмутив глаза.

А ведь тебя предупреждали... Делай выбор обдуманно!

– Вы использовали меня! Вы меня предали!

Ну! Наверное. Ты оказалась в дураках!

Не выдержав, Мерлон дал волю голосовым связкам, хлестнув округу, словно розгой, обезумевшим криком, на ходу из боли рождая гнев, из гнева – всесокрушающий огонь!

Цепи холмов превращались в пыль, равнины обращались в глубокие расщелины. Болотистые гнилые озёра испарялись в ядовитый пар!

Брось эти глупости. Найдётся, что измельчить на атомы.

– Пошёл ты! – рявкнул Мерлон.

Я-то пойду, – ещё сильнее расплылся в улыбке двойник. – Только от судьбы ты не уйдёшь!

И пламя, пожиравшее округу, взялось ещё сильнее! И сам Мерлон взвился под огненные облака, кромсая яростью несчастные камни! Он мчался вперёд, оставляя после себя ничто. Он был частью этого места! В симфонии мёртвой земли, злого неба и всесилоного гневного себя!

Пускай сегодня правит разрушение! И гром рвущихся взрывов будет слышен далеко вокруг, заставляя съжигаться каждого Стража на своём опасном посту..

Грядёт что-то очень-очень страшное!

* * *

Четверо людей, закутанных в почерневшие от пыли и грязи одежды, напрямик пробились сквозь ядовитый туман, стелившейся недалеко от болотистых ручьев и озёр, коих в Чёрной Долине Харона распласталось предостаточно. Конечно, будь путники без защиты, пропитанный отравой воздух давно превратил бы их лёгкие в кусок гноящейся плоти, но в рядах Стражей дураков не водилось. Трудная служба вдолбила в головы покорных солдат, что есть некоторые вещи, соблюдение которых обязательно, и оговоркам не подлежит. Идёшь за территорию Цитадели? Будь добр, используй всё своё или чужое искусство для защиты тела от тысячи и одного способа Харона прикончить тебя. А то рискуешь не вернуться обратно. Поэтому ядовитых облаков Стражи не боялись, и шли напрямик, минуя обходные тропы. Нужно было спешить.

Путь Стражей пролегал через Южные Катабеллы – район руин, некогда бывших каким-то городком до Войны Сил. Название пристало к этому месту по имени капитана Стражей, который лет сто назад с пятью десятками бойцов держал оборону на Южном тракте против сотен зомби, угрожавших слиться в один поток с тварями, рвавшимися к Цитадели по Северному пути. Этому капитану удалось настолько долго удерживать руины, что в результате поток тварей с северной дороги дошёл до Цитадели без подмоги южных, был

ослаблен и легко разбит на подступах к крепости. Катабелла, как водится в таких героических случаях, пал, и воплотился духом этих земель. Так, по крайней мере, говорили. Но сейчас Стражей подобные сказки вряд ли заботили. Они спешили обратно, после увиденных в небесах катаклизмов.

Будучи свидетелями неизвестной мощной активности, встряхнувшей район Чёрной Долины, пробиравшиеся по болотам люди оглядывались по сторонам, поминутно проверяя магическую защиту. На их глазах, километрах в двух отсюда, Мрачный пик (один из высочайших холмов, острой вершиной уходивший ввысь) рассыпался на сотни мелких камней, устлав собою округу. После этого инцидента души у храбрых Стражей ушли в пятки, и теперь они спешили как можно быстрее вернуться домой, хотя и не гнушались перебраться парой слов, тем самым хоть как-то сгоняя страх. В этих землях таиться было нечего. Если надо – услышат и так: всевозможные твари ориентируются больше на запах, и могут улавливать недоступные человеческому слуху звуки.

– Это были вулканы, Трам! Ну, послушай же! Я три года отучился в Академии Естествознания, и знаю, что к чему! – утверждал низкорослый коренастый мужчина, перепрыгивая через острые камни.

– Знаем мы, чему ты там учился! Балбес! Ты лучше дурам в Цитадели рассказывай, а не нам голову морочь!. Фигура в небе мне привиделась, что ль? Или нужно больше доверять твоему примитивному уму, чем своим глазам? – горячился спутник, шедший впереди коренастого.

– Да мало ли что со страху привидится! И вообще, мои знания...

– Грош цена, – хихикнул замыкавший шествие человек.

– Ой, Андре, тебя не спрашивали! Ты хоть читать умеешь? – не унимался карлик.

– Я хорошо мечом владеть умею. Хочешь проверить? – сверкнув глазами из-под капюшона, отозвался Андре.

– Да ну тебя! Знаю и так.

– Вот и рот закрой, – посоветовал четвёртый Страж, шедший в голове отряда. – Наше дело достать информацию. Заниматься её обработкой не входит в нашу компетенцию.

– Да, да. – проворчал карлик. – Заговорила душа сановника.

Карлик моргнуть не успел, как получил увесистый удар в ухо, сваливший его с ног. Находясь на земле, он вдобавок заработал мощную оплеуху, от чего жёлто-красный мир Харона наполнился тысячами искр. Повалившись спиной на камни, он в бессилии закрылся рукой.

– Моё прошлое не твоё дело, идиот! – брызгая слюной, орал четвёртый. – Закрой свой паршивый рот, или я вырву тебе язык! Усёк?

Но карлик не хотел сдаваться.

Его противник, охваченный гневом, подошёл слишком близко, тем самым совершив ошибку. Пока он произносил целую тираду сильных и громких ругательств, обиженный воин со всего маху ударил того под колено, защищённое лишь кожаной прокладкой поножей, заставив согнуться в приступе дикой боли, и затем второй ногой лягнул в лицо, оказавшееся слишком низко. Поверженный соперник рухнул без сознания на землю. Остальные два Стража оставались безучастными и стояли в стороне. Когда карлик медленно поднялся, Андре, вытащив меч, подошёл к лежавшему без движения бойцу, и одним ударом в сердце прервал его жизнь.

– Суд Сильных, – проговорил он, вытирая кровь с клинка. – В нашем деле не должно оставаться разногласий, – карлик в ужасе смотрел на мёртвое тело недавнего товарища. – Иначе это чревато предательством в бою с тем дерьмом, что лезет на нас из глубин Харона. Согласен Найджел?

– Д-да, – пробормотал карлик.

– Вот и славно, бери свою торбу, и идём. О славном Ансе позаботятся и без нас, – кинул он на прощание мертвецу.

Дальше отряд шёл в полном молчании. Лишь изредка Трамп что-то напевал себе под нос. Уничтоженный произошедшим, Найджел тупо смотрел в землю и плелся следом за Андре, остававшимся, как всегда, бдительным, и пару раз, благодаря его внимательности, бойцы стороной обошли костяных кадавров – полуживых гомункулусов, созданных культистами в страшные времена Войны Сил. Они напоминали пауков с шестью костяными конечностями, и с верхней частью туловища человека, слепленной из разных кусков. Отвратительное зрелище. Такая тварь опасна и непредсказуема. Быстрая, ловкая, и чудовищно сильная. Противостоять ей в одиночку очень трудно, а если их ещё несколько...

– Часа три-четыре до Цитадели, если ползти по туманам, – пробормотал Андре.

– Ты предлагаешь обойти эти места и поплутать подольше? – озадачился Трамп.

– Нет, конечно. Так, мысли вслух, – сухо ответил мечник.

Трамп хмыкнул и ничего не ответил. В таком месте всегда хочется поговорить. Пусть и с самим собой.

Когда они спустились в небольшую ложину, образованную кольцом крутых холмов, Андре почувствовал что-то неладное. Словно чьи-то глаза внимательно следили за ним. Он приказал остановиться, и стал вслушиваться в тишину. Но ничего, кроме далёких раскатов небольшого вулкана к северу, не услышал.

– Почудилось, видать, – пробормотал он, и в следующую секунду чуть не отпрыгнул в сторону от удивления, обнаружив в трёх шагах от себя неизвестного человека, закутанного в тёмный плащ. Появился тот из ниоткуда, просто из воздуха!

– Что за...? – пробормотал позади Трамп.

Незнакомец дико рассмеялся, держась за бока, а затем медленно вытащил из-за полы небольшой кинжал.

– В сторону! – приказал Андре, выхватывая меч.

– Глупцы. – прогремел голос пришельца, да так сильно, что показалось, будто он звучит с самых небес! – Поиграем? – вновь расхохотался он, и в какую-то секунду мир превратился в ад. По краям ложины на десятки метров ввысь взметнулся огонь, создавая непроходимую преграду. Внутри очага стало нестерпимо жарко. Поднялся сухой испепеляющий ветер.

Андре не стал ждать и атаковал сплеча, да так стремительно, что незнакомцу пришлось отступить и пригнуться. Что-то коротко пробормотав, чародей взмахнул кинжалом, и в руке у него появился тяжёлый палаш, который он спокойно крутил в руке, словно не чувствуя веса. К бою подключился Трамп, размахивая двумя небольшими топорами.

– Ну, как же, джентльмены? – смеялся пришелец. – А честный бой?

Не говоря ни слова, Стражи вместе атаковали, заставив врага защищаться. Их задача – победить. С тварями Харона никто расшаркиваться не будет.

Но неприятель оказался неожиданно ловким: он спокойно отражал атаки, не переставая смеяться. Всевозможные финты воинов он угадывал заранее, но почему-то сам не атаковал. Он словно играл, отлично зная, как закончить дело. Осознавая это, Андре прокричал Найджелу, чтобы тот присоединился и помог, но тот застыл на коленях в стороне, совершая какие-то немыслимые пассы.

Через некоторое время неизвестному мастеру надоела оборонительная позиция, и, резко перейдя в атаку, он двумя точными движениями срубил обоих нападавших. Трамп умер сразу, лишившись головы, Андре завалился на землю, зажимая раненую шею.

– Как странно. – пробормотал неизвестный, превратив оружие обратно в кинжал и убрав под плащ. Огонь вокруг ложины исчез так же внезапно, как и появился. – Никогда не учился владению оружием. Магия, всё магия. – ухмыльнувшись, он подошёл к корчившемуся в муках стражу, рывком приподнял его голову, отдернул руки, запустил пальцы в

рану, и, придавив жертву к земле, разорвал горло. – Даже не знаю, что мне в этом больше нравится. – пробормотал он, рассматривая окровавленные руки. – Наверное, я свихнулся. – Он обернулся в сторону сидевшего на коленях последнего бойца. – Богам молишься? Ну, молись, молись. Скоро он тебя повидает.

– О, Повелитель! Смилуйся над своим верным служителем! – запричитал тот, припав лбом к земле.

Незнакомец, опешив, остановился.

– Повелитель? – пробормотал он. – Что за чушь?

– «И восстанет Он из мёртвых, и придёт его тёмный час. И умоется кровью мир неверных! Отмеченный Хаосом и Принятый Тьмой, принесёт покой и Истину в дом детей наших!» Песнь седьмая Проклятых псалмов! Это предсказание. Все члены Ордена предупреждены о вашем пришествии. Пророчества исполняются.

– Так значит, всё это... – проговорил тёмный пришелец. – Кому ты служишь?

– Великой Тьме! Я член Тёмного Ордена! – прошептал тот, не поднимая головы. – Прошу, Повелитель, сохраните мне жизнь, дабы я узрел пришествие Истины!

Чародей неожиданно разозлился, быстро подошёл к Найджелу, и, сбив с него шлем, схватил за волосы.

– И какого ты решил, что я какой-то меченый? – проревел он.

– Ваш лоб, мой Повелитель! На нём печать Хаоса. А ваш кинжал... Это Дар Тьмы, – пролепетал несчастный. – Только оно может менять форму! Посмотрите на лезвие. Этот рисунок! Дар Тьмы выбирает сильнейших! До вас им владел Первый Мастер Культа!

Отпустив Найджела, Мерлон коснулся головы. Он не заметил, как во время боя с него спал капюшон. Пальцы коснулись гладкого черепа, лишённого волос, а затем чего-то горячего, словно выжженного, на лбу. Шестиконечная звезда.

– Повелитель, прошу, – пропищал Найджел. До сего момента он не шибко верил рассказам Ордена, к которому всегда относился задним числом. Да и вступил-то в него, в прямом смысле, случайно. Из-за глупой таверной девки! А сейчас надо хоть как-то выкручиваться. Дурацкая легенда о Мстителе начинала оживать! Благо он удосужился прочитать главную книгу Ордена – Проклятые псалмы.

– Что ж, если ты говоришь правду, осел несчастный, это хорошо. – произнёс Мерлон. – Ты знаешь путь к башне Культа?

– Да, Повелитель! – прохрипел тёмный.

– Тогда веди. До конечной цели, быть может, ты ещё и поживёшь. И рассказывай мне всё, что тебе известно о происходящем в мире. Всё. И как тебя звать?

– Найджел!

– Хорошо, Найджел, – криво улыбаясь, пробормотал Мерлон. – Веди. У нас с тобой долгая дорога.

* * *

Сторожевая башня, стоявшая на самой вершине голой сопки, была заброшена. Лишь лёгкий ветер свистом гулял сквозь щели между досками. Само сооружение представляло собой вытянутый конус с множеством бойниц, раскиданных в произвольном порядке по четырём смотровым этажам. По идее – очень удачное укрепление (при поддержке магов, естественно). Но ни стражи, ни следов – ничего. Тишина.

– Так, ладно! – заявил Гвоздь, когда все этажи башни были проверены отрядом. – Я хочу знать, куда мы попали, почему попали и как отсюда выбраться!

– Да уж, товарищи маги, объясните нам, – поддержал командира Медведь, опершись на свой Моргенштерн. – Бочонок, достань пока еды.

– Хорошая идея, – кивнул тот и принялся рыться в заплечной торбе.

– Пусть маги поедят тоже, – заметил Мердзингер, держась за раненный бок. Во время одного из взрывов, кусок деревяшки от дома угодил в него, разорвав кожаную броню и задев тело. Альма обеззаразила рану и остановила кровь, поэтому рана была не опасна. Однако манёвренность полуэльф потерял. На время, конечно.

– Так, вяленое мясо, – Бочонок понюхал один кусок и откусил от него, проверяя на вкус. – Солёное! И даже с перчинкой. Неужто наши повара решили поменять стиль? – на самом деле Бочонок не знал, что по Положению боевой канцелярии Пятого Военного Отдела бойцам, направляющимся в поход, обязательно полагались специи, дабы моральный дух не был испорчен поганой едой. – Так-с, вот тут хлеб есть. Ух ты! Погоди-ка, даже овощи! Ха! Ну, друзья, сегодня пир! Командир? Вина разрешаете?

Гвоздь сначала нахмурился, но потом утвердительно кивнул.

Когда Бочонок разделил всем полагающиеся порции, командир потребовал ответа на ранее заданный вопрос.

– Если честно, то ничего определённого сказать не могу, – разжёвывая чёрствый кусок мяса, проговорил Ромунд. – Во-первых, вывод о том, что мы в воронке, достаточно спорен хотя бы потому, что науке неизвестны вторичные признаки данного явления. Мы видели нечто, – юноша махнул рукой в сторону горящей деревни, – что можно узреть при иных обстоятельствах. Хотя, конечно, призраков никто не видел со времён Войны Сил.

– Однако есть одно «но». – вдруг произнесла Альма. – Кто не любит летучих мышей?

Боровшийся до этого со куском мяса Бочонок вылупил глаза от удивления и отложил еду.

– Я. – пробормотал он.

– А часть тварей в деревне была точь-в-точь гигантскими летучими мышами. Кто боится призраков? – не унималась Альма.

– Да все боятся, – заявил Медведь, тем самым дав понять, что о злых духах подумал именно он.

– Так-так, – пробурчал Ромунд. – А о зомби подумал я. Значит есть доказательство.

– Доказательство чего? – грубо спросил Гвоздь.

Ромунд вздохнул: объяснение будет долгим.

– О данном феномене нам стало известно из экспедиции Чарли Давенга к горам Полумесяца, да, да, тем самым погибельным горам востока. Собственно до цели они не дошли. Из того немудрёного похода выжил лишь сам Чарли, вернувшийся едва живым к воротам Умрада спустя полгода. Бедняга успел сказать немного, и то под воздействием чар. Не смотрите так на меня – не я этим занимался. Вы знаете методы нашего. эм, Сената. Чарли умер по прошествии недели после возвращения, но вот что он успел рассказать. – Ромунд сделал небольшую паузу, чтобы отпить вина. – Когда он и его люди оказались на южном берегу Алмазного озера, что-то пошло не так. Будто тяжесть навалилась. Солнце стало тусклым. Все запахи мерзкими. Но обращать внимание на такие мелочи brave исследователи не хотели, и шли вперёд. Тогда-то и начался кошмар. Тридцать человек состава экспедиции погибли у него на глазах. Причём всевозможными способами. Как он утверждал, сии способы рождались в их головах и затем реализовались. наяву. Причём было совершенно необязательно думать о какой-нибудь твари. Могло и землетрясение начаться, и кислотные дожди, и, в общем, очень много различных весёлостей. – последнее Ромунд сказал, увидев, как побелели лица членов отряда. Медведь хмыкнул и отпил вина. – Вот, собственно и всё. Как мы сюда попали? Вопрос достаточно сложен. Некоторые магистры считают, что воронка имеет территориальное воплощение с вполне чёткими границами, а другие настаивают на том, что это некая астральная активность, то есть что-то вроде общего транса, когда люди

оказываются в вымышленном мире. Впрочем, могут быть и иные предположения, потому что другие экспедиции не вернулись вовсе, и новой информации не доставили.

– Или она оказалось засекреченной. – пробормотал Бочонок.

– Тоже верно, – кивнул Ромунд.

– Проклятье! – бросил Медведь, облившись вином.

– Как он выжил? – спросил Гвоздь.

– Кто? Чарли-то? – допивая вино до дна, сказал Ромунд. Ему было страшно, как и всем, однако захвативший азарт исследователя немного подогревал храбрость. – Да толком никто не понял. Он утверждал, что в какой-то момент измотался от постоянной беготни, и просто уснул.

– Просто уснул? – удивился командир.

– Так он сказал. Почему его не убили во сне? Трудно сказать.

– Есть предположение, что аномалия работает с сознанием через его восприятие. Во время сна мы не контактируем с окружающим миром, и он для нас не существует, – вставила Альма.

– Так что? Возьмём да и уснём, что ль? Вон башенка. На чердаке вроде бойниц нет, поспать можно! – улыбнувшись, предложил Бочонок.

– Есть один момент. – сказал Ромунд и прочистил горло. – Срок, проведённый в воронке, составлял около шести дней. На шестой день он и уснул. Когда была потеряна связь с Шестнадцатым Валом?

– Три дня назад, если я ничего не путаю, – ответил Гвоздь.

– Так-так.

– Но опять же, это не означает, что воронка будет действовать обязательно шесть дней. Это лишь предположение, – сказала Альма.

– Известно досконально лишь одно: эта аномалия чертовски вредна для жизни, – заключил Ромунд.

– Ясно. – одновременно выговорили Бочонок и Медведь.

– Почтим-ка память Белки и Стрелки, – вдруг сказал Гвоздь. – Хорошие ребята были. Боч, плесни всем на разок. – когда Бочонок закончил наливать, командир высоко поднял кружку и сказал: – Кто бы он ни был, пусть даже кто-то из богов, он ответит за ваши смерти! Но пока, покойтесь с миром!

После окончания трапезы, Гвоздь отдал команду двигаться вниз к подножьям холмов по другую сторону от злосчастной деревни, где стояли складские сараи, обозы, и ещё пара сторожевых башен.

– Значит ещё три дня, говоришь? – бросил Ромунду Гвоздь, когда весь отряд был в сборе. – Здесь гарнизону тысяч десять, не меньше. Не думаю, что погибли все. Парня в деревне совсем недавно прикончили. Надо найти хоть кого-то и попытаться прояснить ситуацию. Верно? Может, все ваши заумности лишь чистый вымысел. Впрочем, в любом случае пока рано уходить отсюда. Назад дороги нет, а командованию такой бред в качестве разведанных не предоставишь.

Как и стоило ожидать, в сараях, кроме какого-то строительного хлама, отряд ничего существенного не обнаружил, если не считать следов борьбы и пятен крови на стенах. Побродив вокруг непродолжительное время Мердзингер нашёл нечто сильно не понравившееся Гвоздю: остатки тела, превращённого в кровавую кашу. Чьи-то неприглядные останки лежали в помойных рвах невдалеке от сторожевых башен.

– Такое ощущение, что беднягу переварили. – пробормотал Бочонок, разглядывая найденное.

– Боюсь, что бедняг, – кинул Мердзингер, и, сняв с плеча лук, наложил стрелу на тетиву.

Последовав примеру эльфа, Ромунд изготовился к возможным неприятностям и ментально сплёл простенькое, но достаточно мощное заклинание из школы магии Высших Порядков. Конечно, искусный маг легко отобьёт грубую атаку этого заклятия, но всякие твари...

– Так-так. – пробормотал Гвоздь, остановившись у одного из сараев. – Сейчас мы находимся на третьей линии, в основном состоящей из коммуникационных соединений. Если я не ошибаюсь, к северу на протяжении километров восьми-девяи ещё семь таких небольших баз и где-то в центре главный склад с управляющим аппаратом. Есть там кто-нибудь? Расстояние большое, всё открыто. Разве что на главном складе кто сумел укрыться. Нет, вряд ли. Чересчур уж привлекательное для атаки здание. Только времени много потеряем. К северо-востоку, в трёх километрах отсюда, начинается вторая линия укреплений, а за ней ещё через два километра – первая. Главный фронт сплошь состоит из окопов да боевых укреплений, поэтому никакого толка искать там людей нет. Но вот на второй линии обороны... Насколько я знаю, вдоль всех оборонительных позиций проходит подземная система сообщений, достаточно обширная, чтобы вместить уйму народу. Там казармы, помещения штаба, погреб, запасы оружия, провианта, и так далее. В общем, нам туда.

– Проклятье. – пробурчал Бочонок. – Ненавижу замкнутые пространства. Мне бы в поле. секирой махать!

– Ну-с, дружище, – сказал Медведь, хлопнув товарища по плечу. – Придётся ею потыкать! Впервой, что ль?

– Ой, кто бы говорил! – буркнул в ответ тот и двинулся за командиром.

Ромунд хотел сделать шаг вслед за Бочонком, но его что-то остановило. Какое-то неожиданное замешательство, помутнение рассудка на какую-то долю секунды. Юноша обернулся и встретился глазами с эльфом. Его горящие очи прожгли душу насквозь.

– Смотри в оба, – сказал он. – Чую, самое страшное впереди.

– Кто ты, Мердзингер? Почему наблюдаешь за мной? – вдруг в лоб спросил Ромунд. – Кто ты такой?

– Это неважно, – пожал тот плечами. – Поверь, совсем неважно. Моя ниша останется прикрытой, если не возражаешь. Всю жизнь я жил по закону. Остальное – моего ума дело. Что же касается наблюдения, то, – эльф на какой-то миг замаялся, – обратись к лекарю, как вернёмся. Эта болезнь даже вроде как-то называется.

Он прошёл вперёд, нарочно задев Ромунда плечом.

– Да нет. – пробормотал юноша. – Всё далеко не так просто.

* * *

Даратас давно пришёл в себя, но, не желая подавать вида, продолжал лежать с закрытыми глазами, вслушиваясь в тишину маленькой кельи. Тело саднило, а руки вообще отказывались слушаться. Закрученные в мокрые от лекарственных настоек тряпки, они бессильно лежали на груди, словно у покойника. Правда у покойников лежбища получше. Каменные лежанки эльфов, наверное, худшее, что приходилось на долю мага. Даже встреча с Сильвестором прошла куда в большем комфорте. Мягкие красные кресла, виски. Ах! Как давно он вдыхал аромат этого напитка! Да нет, скорее аромат собственного мира, из которого его садистски вырвала насмешница-судьба. Весь вид Сильвестора напомнил ему прежний мир. Там, на Родине, остались близкие, любимая девушка, друзья. Там осталась его жизнь. Здесь он играет в образ, но не живёт. Проклятый Сильвестор читал его мысли, и специально создал такую обстановку, чтобы подавить его волю к сопротивлению, но не тут-то было. Хотя, если честно, не вступи в дело красный шарик, его, Даратаса, уже могло бы и не быть. Как печально. Он оказался пешкой в игре невиданных сил.

Неожиданно навалилась грусть, тоска. Вчерашний огонь и азарт грядущей битвы потухли, залитые изрядным дождём неприятных и тяжёлых мыслей. Вчерашнее всеилие разбилось о глухую стену противоречий, с которыми он столкнулся после встречи с противником, который и желал ему смерти, и давал советы, как её избежать. Враг хотел уничтожить мир, и тут же подсказывал, что предрешённое не значит свершившееся. Враг был сильнее его, но Феникс... Нет, нет, это не было видением, это был настоящий Феникс! Даратас точно видел, как он безудержной мощью огня стремился ввысь, и эти глаза. Эти обезумевшие глаза Сильвестора в тот миг, когда идеальная сила встала на его пути. Судьба.

Издав тяжёлый стон, Даратас приподнялся на ложе, но почувствовал, как кружится голова, и медленно опустился вниз. Удивительно, ему выделили отдельную келью, но ведь раненых сотни. Как он понял, битва выиграна, теперь оставался вопрос, какой ценой.

За дверью слышались шаги, чьи-то голоса. Затем тяжёлая створка открылась, и в келью прошёл Мильгард, а за ним, согнувшись в три погибели, Дариана.

– Ольвен, успокойся, мы ничего плохого не сделаем! Ты брату своему не доверяешь, что ли? – прошептал Мильгард.

– Всё, что я делаю, так это охраняю алахое, брат, – донеслось из-за двери.

– Ну и охраняй! Мы здесь при чём?

– Ни для кого нет исключений, – упирался Ольвен. – Если надо, алахое сам позовёт вас, когда возжелает! Тебе ли не знать наших традиций, брат! – последние слова прозвучали, словно удары молота о наковальню.

– Да, конечно, ты прав. – вдруг замялся Мильгард.

– Нет, оставайтесь, – с огромным трудом выдавил Даратас. Ему ещё и собственные связки плохо подчиняются!

– О! – щёлкнула пальцами Дариана, словно сняв проблему с повестки дня. – Наш герой очнулся.

– Алахое, можно нам остаться? – вдруг спросил Мильгард, согнувшись в низком поклоне.

Даратас чуть не опешил от такого жеста.

– Да. – просипел он. Его голос звучал так, будто он всю жизнь дымил самым отвратительным табаком, выжегшим горло.

Дверь в келью закрылась. Видно, Ольвен не нашёл более оснований для споров, и вернулся к своему посту.

– Как ты? – спросила Дариана, присев на край каменной кровати.

– Не спрашивай! – скривившись, произнёс маг. – Какова ситуация?

Дариана покачала головой.

– Только с того света вернулся, и сразу о делах государственных! – усмехнулась волшебница.

– Контроль над происходящим полностью в наших руках, алахое, – возвестил Мильгард. – Враг уничтожен до последней твари. Они не сопротивлялись. Наши потери составили семь с половиной тысяч убитыми и две тысячи ранеными. Спустя день после сражения наступил переходный период – все, кто принимал зелье, отходили от его действия и возвращались в обычный ритм. Прошло без эксцессов. Без смертей. Только несколько десятков заболевших. В настоящий момент передовые отряды заняли ключевые позиции на самых важных рубежах третьего яруса. По сообщениям разведки, Источник остаётся неактивным. Туман смерти исчез.

Даратас нахмурился. Всё получалось крайне просто. К тому же Сильвестор упоминал местоимение мы, рассуждая о том, как некая компания называет уничтожение миров. Судя по словам безумного мага, а им Даратас почему-то был склонен доверять, Семена были лишь проводниками, далеко не оружием от надвигавшихся обстоятельств. Другое дело, конечно,

в том, насколько сказанное Сильвестором соответствует действительности или, по крайней мере, как Даратас понял смысл его слов.

– А ты хорошо поспал. Три дня, – усмехнулась Дариана.

– Так, так. – проигнорировав замечание волшебницы, пробормотал Даратас. – И каковы же результаты сей героической войны? – фраза далась Даратасу с трудом, и он зашёлся в кашле. Весь организм был изнеможён. Маг, держась за грудь, кивнул головой гостям, что всё нормально. Бывает, мол.

– Источник молчит. Враг разбит. Жители возвращаются к повседневным делам, – сухо проговорил Мильгард. – Зализываем раны и хороним мертвецов. Жжём бесчисленные трупы тварей, – когда эльф произносил эти слова, Даратас заметил некое напряжение на его лице. Губы еле шевелились, на лбу образовались глубокие морщины, уши стояли торчком.

– Когда венчание на царство, Мильгард? – напрямую спросил маг.

Принц резко встрепенулся, бросил косой взгляд на Даратаса и сказал:

– Его не будет.

– Как так? – просипел маг. – Недмэ просчиталась?

– Ныне покойная Недмэ была права, – тихо сказал эльф. – Только кандидатура на царство не моя.

– Чья же? – нахмурился Даратас.

– Ваша.

– Что? – до глубины души изумился маг и подавился кашлем.

– Да, так и есть, – кивнула Дариана. – День спустя после битвы оставшийся в живых герольд Мильгарда собрал военный совет и предложил своего принца на царство, но воины наотрез отказались. Они, конечно, признали боевую удачу своего славного вождя, но отлично понимали, что битва выиграна не на том поле, где они были. Все видели окровавленного Даратаса. Все тем более знают, кто ты такой.

– Ой, ну и аргументы! – попытался всплеснуть руками маг, но вышло у него коряво и смешно.

– Достаточные, – стальным голосом произнёс Мильгард. – Мой народ храбро сражался, и он имеет право знать правду и видеть своего героя. Мы умеем чтить отвагу, если это слово вообще применимо в данном случае.

– Я не знаю, что применимо в данном случае, Мильгард, и можно ли назвать временный выигрыш победой, – сипел Даратас, постоянно прочищая горло. – Война не закончена, и этот бой...

– Неважно, – отрезал эльф. – На военном совете, а затем и на Совете Старейшин, принято однозначное решение.

– Проклятье, да я же не эльф! – взмолился маг.

– Не имеет значения, – вздохнула Дариана. – Законы формально не запрещают. Формулировки не знают конкретных указаний, а лишь употребляют формы неопределённых лиц. Тот, кто. Каждый, иной, возможный. В древности никому и в голову не пришло проводить границы. Всё казалось само собой разумеющимся.

– Но как же утверждение Недмэ, что эльфы не знают обходных путей, и что только ничтожные люди закрывают благом свои корыстные дела и...

– Недмэ умерла вместе со старым порядком, – потупив взор, сказал Мильгард. – Наша старая жизнь нарушена. Всё вокруг угрожает существованию моего рода. Тира отвернулась от нас. Мы не оказались достойными её благодати – не сломили врага, как завещали предки. Мы проиграли. Победил человек. По праву лидерства, сильный ведёт слабого. Иного не дано.

– Но послушай же, это абсурд!

– Нет. Это реальность, – убедительно сказал Мильгард. – Выздоровливайте алахоэ, вы нужны моему народу как можно скорее. А теперь прошу простить. Мне необходимо идти и проследить за приготовлениями.

Эльф взялся за ручку двери, резко её открыл и вышел прочь.

– Бред, – прохрипел Даратас, опробовав ноги на подвижность: согнув и разогнув пару раз.

– Увы, так сложились обстоятельства.

– Нет, поверь, они сложились ещё хуже. Неужели Кельвин не знал, что делает? Проклятье. Назначь он любого из своих сыновей регентом, у того было бы больше прав!

– Не думаю, что Кельвин поступал неразумно, – вкрадчиво произнесла Дариана. Магу что-то не понравилось в её словах, но он смолчал, продолжая слушать. – Ольвен умом недалёк, Мильгард слаб духом. Они не смогут взять на себя сей тяжкий груз. А вот ты... Что ж, мессир, не расскажешь ли ты, каким богам задал трёпку?

– А с чего тебе рассказывать? – прищурившись, спросил маг.

Девушка лукаво улыбнулась.

– А я знаю, как вернуть тебя к жизни, – нежно проговорила она, нарочно проводя пальцем по глубокому декольте.

– Однако. – улыбнувшись в ответ, сказал Даратас. – Даже не знаю, опасаться тебя ещё больше, или начать доверять?

– Эм, как хочешь. – верхняя петелька платья незаметно расстегнулась.

– Кажется, силы начинают пребывать. Только жёстко здесь будет.

– Расслабься лучше, – бросила девушка, медленно развязывая петельки. Даратас почувствовал лёгкое магическое покалывание на коже рук, и каменная кровать вмиг стала мягкой. – Наши процедуры предусматривают состояние гармонии.

– М-м-м, кого с кем? Или, вернее, чего с чем? – снова улыбнулся Даратас. Всё тело болело, кроме. определённой части...

– Ой, замолчи уж, наконец! – с притворной злостью бросила Дариана, и распахнула платье.

Несколькими часами позже, Даратас, обнимая обнажённую Дариану, не спеша рассказывал всё, что произошло с ним в загадочных пространствах Междумирья. Конечно, он не собирался выкладывать ей всю информацию, даже несмотря на замечательный подарок, преподнесённый ею. Фильтруя сказанное, маг давил на то, что некий очень сильный маг по имени Сильвестор (с ударением на последний слог) играл в непонятную игру слов, путая высказанные мысли и извращая их значение, стараясь выиграть время. Он не стал говорить, что этот более чем непонятный субъект пророчил гибель всего сущего, в то же время давая советы, как её избежать. В общем, он дал представление о некоем фанатике неизвестной веры, решившем покорить сущее. Но тут вмешалось другое Семя Судьбы, и фанатика не стало. Вот таков был конец.

Конечно, Дариана отлично осознавала его недоверие к ней и всяческими уловками пыталась вывести иные обстоятельства, но даже расслабленный невероятно приятным событием маг был непреклонен, и девушка, не узнав ничего нового, уснула у него на груди.

Сильвестор и его причудливая армия бесчисленных тварей беспокоили Даратаса, не давая забыться хотя бы на пару часов. Сложный и противоречивый разговор с представителем неких разрушительных сил окончательно запутал мага. До этого момента всё казалось достаточно просто: плохие парни из Культа затеяли нечто тёмное, и доблестным воинам и волшебникам, как обычно повествуют хмельные барды, в очередной раз пришлось сразиться за правду, справедливость, добро, Свет, Творца и за остальное в похожем духе. Однако данный незатейливый расклад был бессовестным образом перепутан парой свежих карт.

Начнём с простого. Во-первых, Сильвестор не сделал никакого намёка в сторону Хаоса или Тьмы, коими клянут всё на чём стоит белый свет, приспешники Культа и Ордена. Да и магией он пользовался далеко не тёмной. В его заклинаниях были сплетены потоки многих сил, в чём, признаться, он, Даратас сильно уступал Сильвестору.

Во-вторых, сей непонятный тип из Междумирья действует не один, если, конечно, у него не раздвоение личности, и он не имеет в виду воображаемого компаньона, употребляя слово мы.

В-третьих, Источник – суть материя неразумная, использованная в качестве оружия, можно сказать, некоего материала. Не стало владельца – исчезли и мерцающие твари. Хотя как быть с тем добром, что испускал Источник до прорыва неизвестной энергией плоти мира? Непонятно. В-четвертых, разрушение эльфийского царства не входило ни в чьи планы. Цель была одна: уничтожить сущее. Остальное издержки. За сим можно сделать вывод, что неясно ровным счётом ничего. Кто? Что? Зачем? Почему? Всё развивается стихийно: Дарли, Прорыв, Источник, Твари, Сильвестор. А в мире тем временем растёт напряжение, войны грохочут без остановки. Ни врага, ни цели, ни фронта. То ли всё вокруг – хорошо спланированная игра высших сил (кстати, исчезновение Ткача так ничем и не объяснено) или очень смыслённых политических кругов, то ли всё совсем иначе, за гранью представления Даратаса. Да и эти Семена. Кстати, «подарочек» Кельвина случайным тоже не назовёшь. Старик определённо просчитал такую возможность! Неужели и он впутан в эти дела? И что тогда? Кто же получается самой главной пешкой в этой интересной игре?

Даратас поёжился. Он терпеть не мог политику. Его удел – созерцание жизни, всевозможных явлений, волшебства. Исследования, эксперименты. А тут за считанные дни – смерть ученика, война, регентство и царство. А только на той неделе он думал посетить южные земли, навестить островок Патрос, провести некоторые исследования, заодно приобщиться к миру живой природы и отдохнуть от своей каменной и безжизненной тюрьмы. Да, если честно, и в Мёртвых землях дел предостаточно. Как всегда: мы предполагаем, жизнь располагает.

Впрочем, роптать – последнее дело. Нужно смело смотреть на ситуацию и брать быка за рога. Проблема, где эти рога отыскать: бык в некотором роде «не той формы». Ну да ладно!

Судя по тому, что Источник в данный момент затих, можно предположить, что удалось выиграть время. Теперь необходимо узнать, что стало с той энергией, которая ушла на Харон. Прояснить положение Культа, провести разведку. И как это сделать? Есть масса способов, но почему-то Даратас уверен, что лучше собственные руки да глаза. К тому же надо помнить, что мёртвый материк сложен в энергетическом плане и не поддаётся закланиям поиска или исследования. Обращаться к посредникам бессмысленно. Харон чрезвычайно опасен, и чтобы выжить на нём, нужно иметь очень хорошие знания и магические навыки. А пусти туда хоть сто тысяч бойцов в лучшем вооружении, ничего, кроме бестолкового шума, они не сделают.

Об отряде разведчиков и говорить нечего. Сгинут, и поминай потом. Те же Стражи ходят в десяток очерченных мест, а чтобы соваться в центр, ни у кого и мысли не возникнет! Даже ассасины Шепростана связываются с миром только посредством телепортов – ни шагу за границы замка... Но разве такие вещи могут испугать Даратаса? Да он исходил вдоль и поперёк этот материк, изучая явления, различные процессы, аномалии. Знает, где Башня Культа, знает, где их главные заставы. Знает возможные ловушки и опасности, подстерегающие странника на пути. Ни монстры, ни магия, ни Хаос, ни его подружка Тьма не смогут остановить его, не смогут удивить чем-то новым! Но вот незадача: что делать с царством, неожиданно свалившимся ему на седую голову? Куда деть обескровленный народ, потерявший веру в себя?

Впрочем, цель ясна: Харон. Именно там происходит нечто странное. Изучать Источник не имеет смысла. Даратасу всё больше и больше кажется, что недавняя кровавая бойня – лишь репетиция. После возведения на Престол, которое, скорее всего, состоится, нужно действовать максимально быстро и чётко. А пока... Пока можно слегка вздремнуть. И убавоканный этими мыслями Даратас заснул за пару минут.

Есть вещи, которые хорошо усваиваются во сне, словно Мир Грёз, как некий связующий канал между миром бытия и сущим, даёт нам откровение, которое постигается душой, но не разумом. И, овеянный сладким дурманом сна, в объятиях прекрасной леди, могучий волшебник отдыхал, и не слышал, как некто беззвучно прокрался в келью, обнаружив разбросанные повсюду одежды, нашёл женское платье, тихо засунул в него небольшой кусок пергамента и вышел прочь.

* * *

Сумерки в дневное время пугали больше, чем мысли о воронке и тех опасностях, которые затаились впереди. Ромунд пытался заставить себя не думать о том, что произошло, и о том, что может произойти, но голову раздирали мысли одна ужаснее другой.

Все три километра пути, пройденные отрядом, лежали по спускам и подъёмам холмов, через долины, поросшие редкими кустарниками. То тут, то там валялись оставленные телеги, набитые провиантом, брошенное оружие, доспехи. Попалась и пара мёртвых тел, изорванных похожим способом, что и бедняга в деревне. Солдаты отбивались до последнего: все клинки в крови и зазубринах, но это их не спасло.

Уже на подходе к видневшимся вдали первым боевым башням, грозной мощью вознёсшихся к небу, отряд набрёл на несколько домов, совсем не походивших на строгие военные здания. Обнесённые резным забором ухоженные хаты с небольшими садами явно служили для чьего-то комфортного, отрешённого от армейских забот, жилья.

– Офицерские семьи, – пробормотал Гвоздь, обследуя первый дом. Под кованными сапогами хрустели осколки посуды, щепки выбитых досок. Вокруг царил настоящий хаос. Повсюду – следы размазанной крови и сломанное оружие. – За них рубились, не щадя себя.

– Для многих ребят, что годами живут в холодных ямах на треклятом фронте, – скрепя зубами, проговорил Бочонок, – дети командиров всё равно, что свои. А жёны словно матери. Мы могли бросить поле брани, только чтобы спасти то, что являлось для нас частичкой родного домашнего тепла. И здесь не исключение, – последние слова он чуть не прошипел, выудив из-под осколков маленькую тряпичную куклу, перемазанную засохшей кровью.

– Тел нет, – заметил Медведь, сжимая побелевшими от напряжения руками свой Моргенштерн.

– Сожрали, небось, твари, – скривившись, словно от зубной боли, сказал Бочонок. Ромунд заметил, как он медленно положил куклу себе в карман.

– Ладно, пора. – бросил Гвоздь. – Тут вряд ли кто-то есть, – командир вложил меч в ножны и двинулся к выходу. Не успел он пройти и трёх шагов, как в проёме возникла чья-то фигура. Ромунд стоял в нескольких метрах от замершего Гвоздя и хорошо видел гостя, коим оказалась девушка, облачённая в белое короткое платье. Длинные, развевающиеся на откуда-то взявшемся ветру, рыжие волосы завораживали и приковывали взгляд. А глаза! Чистые, полные доброты, глаза! Бездонные океаны невинности! Ромунд был готов поклясться, что в тот миг, когда их взоры встретились, ему захотелось сбросить с себя оружие и упасть на колени!

– Иди сюда, – прошелестел её голос по дому. – Иди ко мне! Я подарю тебе любовь! – сладко мурлыкала она, и Гвоздь, стоявший ближе всех, после недолгого замешательства медленно двинулся к ней. Она протянула руку. Ещё секунда, и...

В воздухе что-то просвистело, и девушку швырнуло в сторону. Раздался жуткий вой, и всё вмиг затихло. Наваждение как рукой сняло.

Выхватив меч, Гвоздь выбежал на улицу. За ним остальные члены отряда.

В нескольких метрах от дома валялось нечто трудно различимое сквозь языки ревающего пламени. Видно было только несколько пар рук, ног, и большую голову, лопнувшую от меткого попадания огненного шара. Чуть в стороне стояла Альма, замороженно смотревшая на огонь.

– Месмер, редкая дрянь, – сказала она. – Легко входит в контакт с сознанием и порождает галлюцинации. А затем сжирает.

– Где ты была всё время? – строго спросил командир.

– Со мной, – бросил вынырнувший из-за спин Медведя и Бочонка эльф. – Ты пошёл внутрь, но я подумал, что прикрытие не помешает. Оказался прав.

– Да уж, – хмыкнул Бочонок. – А то нашему командиру...

Договорить он не успел. Под ногами Гвоздя земля разверзлась в стороны, и огромные челюсти змееподобной твари раскусили того пополам. Сработав на рефлексе, Ромунд и Альма полоснули тварь молниями, выпустив ей бурный поток оранжевой крови. Издав оглушающий вопль, тварь исчезла под землёй.

На какой-то миг всё стихло. Каждый боец неотрывно смотрел на истерзанное тело Гвоздя. А точнее, его часть, истекающую кровью. Ещё пару минут назад живые глаза командира теперь застыли навсегда.

– Боги. – прошептал Бочонок.

– Нам нужно убираться. – начал Медведь, чувствуя как нарастает дрожь земли.

– Бежим! – взвизгнула Альма, но Ромунд не шелохнулся. Корка земли тряслась так, что устоять на ногах представлялось большой трудностью, а бежать – просто сумасбродством!

– *Аморе Ансента Нар!* – выкрикнул он, вознеся руки к тёмным небесам. От напряжения потемнело в глазах, но юноша выстоял, удерживая канал. В какой-то миг всех членов отряда окружила огромная золотая сфера, и в ту же секунду об неё разбились десятки вырвавшихся из земли огромных тел, похожих на кольцевых червей. Они сгорели, осыпав людей пеплом.

Всё стихло.

– Двигаемся! Быстро! – скомандовал Ромунд. – Долго я не удержу! За грань шара ни ногой!

Отряд побежал. Они рвались к видневшимся башням, осыпаемые пеплом погибающих земляных гадов. Золотая сфера окружала их повсюду, даже под ногами, прорубая в почве колею и сжигая тварей, прорывавшихся снизу.

Земля ходила ходуном, и устоять на ногах было чрезвычайно сложно. Бойцы падали, но поднимались вновь. Один раз Бочонок чуть не вылетел за грань сферы, обжёгшись щекой о магическое поле. Благо Медведь вовремя подхватил его.

Через пару минут они были перед распахнутой дверью в первую круглую башню.

– Альма, замкни энергию на себя, иначе мы разрушим всё к чертям собачим! – проревел Ромунд, концентрируясь на лезших отовсюду тварей. Он даже заметил несколько зомби, по дурости сунувшихся к живым.

Вбежав в холл башни, отряд, не останавливаясь, влетел по лестнице на верхний этаж. Сфера защиты исчезла, а Ромунд повалился на землю. Альма немедленно подала ему флягу с настойкой целуфатоса.

– Ох, ну и дела, – пробормотал Бочонок.

Тем временем эльф, опустив лук, бесперебойно расстреливал кого-то на первом этаже. Причём не обычными стрелами, а изрядно приправленными магией. Его безжалостные снаряды сжигали врагов, заставляя их выть от боли. На десятой стреле всё смолкло.

– Зомби, – кинул эльф, рассматривая.

– Что это за гады, выскакивающие из земли? – прохрипел задыхавшийся после битвы Медведь. На себе он нёс изрядную долю снаряжения, но от остальных не отстал.

– Варсонги, – ответила Альма, сняв шлем и поправляя длинные каштановые волосы, – или земляные черви, как их называют на Хароне Стражи. Эти твари в камнях прорываются, не то что в земле. Ох, не знаю, сдержит ли их башня. На мёртвом материке любую базу Стражи начинают с закладки десятиметрового фундамента. И то не всегда спасает.

– Так-так, кто подумал о варсонгах? – проговорил эльф. – Не Бочонок и не Медведь. Из подобных существ они наслышаны только о глотах, но те живут над землёй, – оба воина кивнули. – Не я, так как, к моему стыду, допустил малодушную мысль о зомби, коих получил в достатке. Остаётся вы, господа маги.

Ромунд покачал головой.

– Я был настолько поражён увиденным в доме, что моё сознание переполняли мысли о семье. – пробормотал он.

– Я же была с тобой, Мерд, – сказала Альма. – Ты высказался о мертвецах.

– А что относительно Месмера? – не унимался эльф.

– Ребята и названия-то такого не знают, – уверенно сказал Ромунд. – Насчёт себя точно уверен, Альма вроде обосновала свою позицию.

– Ясно. Тогда что же получается? – нахмурился Бочонок.

– Что думаешь, Ромунд? – прищутив глаза, спросил Мердзингер.

Юноша пожал плечами, встал и выглянул в бойницу. Холмистая местность, изрытая ходами червей, хранила тишину.

– Тут два варианта, – наконец сказал он. – Или кто-то неподалёку размышлял о варсонгах, либо...

– О них подумали до нас. – закончила за него Альма.

– Верно! – щёлкнул пальцами Ромунд. – Значит, твари имеют способность оставаться вне зависимости от породившего их сознания.

– Рождаются не только в нашей голове, но и в материальном мире, – кивнув головой, сказал эльф. – Причём, обрати внимание, количественной характеристики мои мысли о зомби не содержали, а появилось ровно семнадцать. Нет, не полные два десятка, а семнадцать.

– Что ты хочешь сказать? – поёжившись, спросил Ромунд.

– То, что сила имеет ограниченные резервы, и не может, допустим, взять и породить сотню зомби, которые разом бросятся на нас..

– Ага, значит, нужно расходовать энергию ещё на кого-то, так? – согласился юноша.

– Стойте, стойте! – подняла руки Альма. – Это предположение верно лишь в случае, если рядом с нами никого не было.

Ромунд покачал головой.

– В таком случае напасть должны были на подумавшего. Неустранимый изъян в теории.

– Да какая, к чёрту, теория! – зло рыкнул Бочонок, сунув трубку в рот. В руке он держал мех с вином. – Командир пал, а вы о теориях. Потом подумаем! Нужно почтить смерть храброго Гвоздя!

– С такими темпами вскоре будем петь задушевные песни в обнимку со страхами, – попытался отшутиться Ромунд, но его замечание проигнорировали.

Сделав по затяжному глотку в память о Гвозде, бойцы сели в круг, задумавшись о дальнейшем походе.

– Ну что, Мерд, по старшинству ты теперь главный. Решай, что и куда. – сказал Бочонок, убирая мех в торбу.

– Точно, – согласно кивнул Медведь.

– Так-так. Под землёй небезопасно, – сказал Мердзингер после недолгого молчания, водя стрелой по каменному полу. – Твари смогут проникать сквозь ненадёжный фундамент. Боюсь, внизу мы найдём лишь трупы.

– Не думаю, – сказал Ромунд. – Живые есть, и они точно не прячутся в джунглях. В зарослях опаснее, чем в помещении, где нападение можно ожидать только с двух сторон.

– Чёрт, да откуда ты знаешь? – всплеснув руками, сказал Медведь.

– Я чувствую.

– Нам бы твоё чутьё слегка пораньше! – сверкнув глазами, сказал он и отвернулся. Это замечание сильно кольнуло юношу, но тот смолчал.

– В словах мальчика есть резон, – пропыхтел Бочонок, вусмерть накуриваясь отвратительным солдатским табаком. – Да к тому же нам толку бродить по округе нет. Налетят полки этих гадов, и спрятаться будет негде.

После некоторого размышления, эльф согласно кивнул.

– Однако наша миссия – разведка. – запротестовал Медведь. – Я, конечно, понимаю, героизм и всё такое, но здесь армия нужна, а не порядком прореженный отряд! По-моему, уже есть что донести командованию.

– Армия здесь бесполезна. – твёрдо молвил Ромунд, и Медведь с недоумением поглядел ему в глаза. – Представляешь, если страхи тысяч солдат сойдутся воедино? Вот потеха будет. Боюсь, что здесь произошло то же самое. Нет, дружище. Маленький отряд сделает больше. По крайней мере, мы можем определить: надо здесь кого-нибудь спасти или выжечь всю местность к чёртовой матери, не разбираясь, что и как.

– Ага, как бы нас самих не пришлось спасать. – хмыкнул в ответ вояка.

– Не придётся. У нас ещё двое суток. – с виноватым лицом заявил эльф.

– Какого? – изумился Бочонок.

– Если связи с нами не будет по прошествии сорока восьми часов, территорию зачистят массированным Огнём. Здесь будет ад, – пояснил Мердзингер.

– Но мы под землёй.

– Без разницы. Они запустят пламя и сюда. Я видел, как однажды выкуривали один из бункеров, занятых чересчур умным противником. Впоследствии мы нашли там только угольки.

– М-да, ребята. – процедил сквозь зубы Медведь. – Тем более основание делать ноги.

– Мы убежать не сможем, маг тебе объяснил, – хмуро проговорил Боч. – Там, – он махнул в сторону выхода, – не одна сотня милых червячков. Как я понял, защитную магию Ромунд может держать недолго. Как только она закончит действие, мы разделим участь Гвоздя. У нас два дня. Чёрт! Этого хватит, чтобы завоевать Королевство Таргоса! Ха! Чует моё сердце, в подземельях мы найдём кое-что интересное.

– Что тогда? Вниз? – обеспокоенно спросила Альма. Ей совсем не хотелось идти туда.

– Да, но не сразу, – поднимаясь, сказал Мердзингер. – Какое-то время побудем здесь. Для начала пойдём наверх, и зажжём сигнальный огонь. Если кто на других башнях есть, надеюсь, ответят.

И эльф не ошибся. Когда дрова разгорелись, на всех башнях, насколько хватало глаз, зажглись огни. Стоявшие на смотровой площадке члены отряда немедленно разразились бурным потоком радости, махая и улюлюкая ближайшей башне. Но всеобщее веселье преклось предупреждающим знаком Мердзингера, сохранявшим невозмутимость и до рези в глазах рассматривавшим противоположные сооружения в неожиданно наступивших потёмках.

– С нами решили поиграть, – медленно проговорил он.

– Что?! – в один голос изумились Ромунд, Альма и Бочонок.

– Это не люди. Поверьте моим глазам. Это тени.

Ромунд судорожно сглотнул и пригляделся получше. Он чуть не слетел вниз от страха, когда увидел, как напротив огня на противоположной башне резко встала некая фигура и помахала ему.

– Умные твари, – сквозь зубы проговорил эльф и приказал спускаться вниз. Сам он затушил костёр. В тот же миг погасли другие огни на укреплениях.

Наказав Медведю, Бочонку и Альме прикрывать вход в башню, Мердзингер, взяв Ромунда, решил обследовать будущий путь. Открыв большой люк в дальнем углу нижнего этажа, эльф первым спустился вниз, через пару минут позвав за собой Ромунда. Уже тогда, когда они открыли проклятый проход в подземку, Ромунд почувствовал сладковатый запах разложения, затхлой сырости, и почему-то грибов. Спустившись по вертикальной лестнице на неровный пол катакомб, он чуть не зажмурил глаза от царившей здесь вони! Такое разительное отличие пятью метрами ниже первого этажа башни, продуваемого свежим ветром, слегка ударило по голове. Хотелось забраться наверх и ни шагу сюда!

– Факелы горят, – сказал эльф, медленно продвигаясь. Длинный коридор, тускло освещаемый редкими огнями, уходил метров на двадцать вдаль, затем резко сворачивая направо. По бокам коридора располагались проёмы, двери которых были выбиты или сломаны наполовину. Под ногами хрустели щепки и пыль.

Обследовав несколько помещений, Мердзингер и Ромунд смогли с уверенностью заключить, что здесь шли бои. Жилые помещения, в нормальное время наполненные бытовой утварью, захламлены разбитой и изодранной в клочья скромной мебелью и немудрёными наборами глиняных сосудов. Тут и там размазана запёкшаяся кровь. Точно как в домах офицеров.

– Странно, но люк в башне цел и невредим. – пробормотал эльф, рассматривая кусок повисшей на петлях двери.

– Значит, нечто приходило из подземелий. Оттуда, откуда не ожидали, – кивнул Ромунд.

– Как всегда.

Завернув по коридору направо, оба бойца не удержались, чтобы не зажать пальцами нос. Трупная вонь была просто непереносимой! Изувеченные тела лежали по всей длине коридора, шедшего метров на двадцать, далее заворачивая налево. В комнатах по бокам ситуация была не лучше.

– Тут десятка три. – сквозь зубы процедил эльф. – Ты точно уверен, что мы здесь найдём кого-то живого?

– Уверен, – кивнул Ромунд, хотя в глубине души сомневался.

Следующий поворот не принёс ничего нового, разве мертвецов стало поменьше.

– Нам нужна карта, – сказал Мердзингер. – Обыскивай солдат. У любого офицера должна быть карта. Даже у простого лейтенанта!

– Ты издеваешься? – выпучив глаза, спросил Ромунд. Ему совсем не улыбалась перспектива обыскивать разорванных в клочья людей.

– Делай, что я сказал, и не умничай! – резко сказал эльф.

Ромунд, вздохнув, склонился над первым же несчастным, и, с трудом преодолевая тошноту, стал водить руками по тем местам на жилете, где приблизительно должны быть карманы. Почти все бойцы были без доспехов, в простых рубахах или кожанках. По-видимому, их застали врасплох. При таком положении дел определить, кто офицер, а кто простой вояка, трудно. Никаких отличительных знаков на ребятах не было.

Ромунд обшарил порядка пятнадцати останков, один раз чуть не выпустив на волю недавний обед, когда наконец-то эльф зашуршал вожделенной картой в руках. Юноша чуть не вылил на него поток всевозможной словесной грязи, когда узнал, что проклятый половинчатый задавала нашёл карту в чудом уцелевшей тумбочке, случайно заглянув в комнату.

– А раньше подумать было нельзя? – свирепо прошипел Ромунд, отплёвываясь и остервенело вытирая руки платком.

Эльф гневно взглянул на него, но промолчал, продолжая рассматривать карту. Старый кусок пергамента носил на себе множественные следы людской неаккуратности: кляксы от чернил, жирные пятна, въевшуюся чёрную грязь. Юноша хотел пошутить по этому поводу, быстро отойдя от произвола новоявленного командира, когда со стороны входа в катакомбы донёсся лязг металла и множественные крики.

Переглянувшись, эльф и человек что было сил побежали обратно к люку. Они знали: товарищи в беде. И были правы. Не успел Ромунд высунуть голову на верхний этаж, как нечто тяжёлое пролетело в нескольких сантиметрах от носа, с грохотом ударившись о стенку башни. Бросив туда ошалелый взгляд, юноша увидел кусок тела с головой и плечом; кожа да мясо носили следы долгого гниения. Зомби.

– Лезь, чёрт бы тебя побрал! – прокричал снизу эльф.

Но Ромунду окрик и не требовался. Он видел, как десятки мертвецов рвались к трём отчаянно отбивавшимся в середине зала фигурам, и спешил на помощь. Медведь чётко работал Моргенштерном, разнося в клочья воющих и стонущих зомби чьи останки летели во все концы башни, а Бочонок, прикрывая колдующую Альму, косил снопами наступающие орды, что, правда, не шибко меняло ситуацию: зомби не было конца.

Пока мертвецы были заняты храброй троицей, у Ромунда было немного времени оценить ситуацию и принять нужное решение. Атаковать огненными шарами опасно – можно задеть своих. Цепные молнии ещё опасней. Требовалось нечто быстрое и эффективное.

– Справа! – проорал в ухо Мердзингер. Юноша, не поглядев на источник опасности, нагнулся, и вовремя – мутная тень мелькнула, обдав диким холодом, отчего у мага подкосились ноги.

– Что за? – вырвалось у него, когда он заваливался на спину. Перед ним застыло нечто тёмное с косой в руках. Медленно занесло её...

– Сгинь, мразь! – воскликнул эльф и спустил стрелу с тетивы. В воздухе она превратилась в сгусток пламени и шарахнулась о тварь. Нечто взвыло и исчезло. – Вставай, чародей! Наших жмут! – крикнул юноше эльф, не переставая расстреливать зомби.

А те наседали, не считаясь с потерями. Медведю стало трудно размахивать убийственным оружием, поэтому он орудовал двумя небольшими кинжалами, закинув Моргенштерн за плечо. Бочонок, дико ругаясь, пинал мертвяков ногами, вдогонку посылая удары секиры. Альма ничем другим, кроме как молниями, отбиваться не могла. В такие минуты в хороших сказках обычно появляется добрый волшебник и одним взмахом магического посоха лишает жизни врагов. Но то сказки. В жизни в ход идёт всё, что эффективно. Раз огнём не сладишь, можно попробовать и нечто иное...

– **Уномар!** – воскликнул Ромунд, когда один зомби вдруг отвлёкся от общего веселья и поплёлся к нему. Лёгкое чёрное облачко окружило голову восставшего мертвяка.

– *Уномар*, – прохрипел шатун и развернулся в сторону собственных товарищей.

Раз – и большая лапа зомби сносит с ног ближайшего мертвяка. Два – и голова другого слетает с плеч. Три – ещё один мертвец разваливается на двое.

– **Уномар!** – произносил Ромунд, обращая на свою сторону новых и новых мертвецов. Уже более двух десятков обернулось против своих, и принялось кромсать бездумно ползущих вперёд мертвяков. Те не могли уразуметь, что их убивают свои же, и просто рвались вперёд, к живому мясу. И гибли. В отличие от инферналов, зомби умирают после поражения главных частей – головы или тела. Самая простая магия Смерти удерживает их жизнь только с привязкой к целостности их *res extent*. При нарушении целостности, чары неминуемо испаряются.

– Скорее в люк! – с трудом проговорил Ромунд, чувствуя, как растёт напряжение в голове, и как сильно стучит сердце. Он никогда не ориентировался на магию Смерти и лишь пару раз практиковался на мёртвых кошках.

Смекнувшие, что к чему, воины отряда поспешили убратся с дороги подконтрольных Ромунду зомби.

– За нами должок, парнишка! – крикнул пробежавший мимо Медведь.

А зомби тем временем проявили некую долю сознательности (хотя вряд ли они. скорее их контролёр), и, видя как убегает, казалось, загнанная в угол добыча, неистово взвыли и поспешили атаковать дерзкого мага, разделавшись к тому времени с «предателями». Тут уж Ромунд был щедр на раздачу огня и молний. Всё вокруг смешалось в полотно бушующего огня, не дававшего мертвецам пройти к удиравшему в подземелья отряду. Ромунд под прикрытием ревущего пламени поспешил следом за своими.

Когда крышка люка захлопнулась, все вздохнули с облегчением.

– Странно, – пробормотал Ромунд, запирая оба стальных засова. – Там стихло.

– И никто не пытается нас достать. – улыбнувшись, проговорил Медведь.

– Неудивительно, – сухо бросил Мердзингер. – Нас сюда хотели загнать.

– Ребята, – прозвучал голос Альмы. – Ребята.

Бойцы недоуменно посмотрели на девушку, затем в сторону её указательного пальца.

– Не смешно, – пробурчал Бочонок, сжимая секиру.

Метрах в десяти от воинов застыло горбатое существо с длинными руками, опущенными на землю. На его бледно-фиолетовом теле кое-где виднелись обрывки одежды в цветах армии Республики, а голову увенчивал открытый ратный шлем. Яркие голубые глаза твари горели яростным пламенем, а из перекошенного рта лилась мерзкая жёлтая слюна.

Ромунд ругнулся всердцах. Ну зачем он подумал про инфернала! Проклятье. Это уже более изощрённый способ поднятия усопших. С некоторыми, так сказать, модификациями в виде мутации конечностей и восприимчивости к повреждениям.

– Все назад! – рявкнул Ромунд. – Эту тварь можно убить только одним способом – отстрелить башку!

Эльф только успел вскинуть лук, как инфернал, не медля ни секунды, рванул вперёд, прыгая в разные стороны и не давая прицелиться. Если бы не Бочонок, вовремя дёрнувший Ромунда назад, лежать тому с распоротым брюхом по соседству с сотнями бедолаг!

Промажнувшийся по первой цели гад сцепился с могучим Медведем, обхватившим ему запястья. Человек и мертвец вступили в неравную борьбу.

Несмотря на грандиозную мускульную мощь, человек уступал магической силе инфернала, и его руки постепенно разъезжались в стороны. Пыхтя и надрываясь, Медведь, глядя в синие глаза безжизненной твари, пытался сопротивляться, но тщетно: чудовище было намного сильнее его, и, казалось, не испытывало никаких трудностей. Разве только слюна текла обильнее.

Неизвестно, чем бы закончилась битва сил, если бы смекалистый Мердзингер не прыгнул сзади на инфернала и не вонзил кинжал тому в затылок. В ту же секунду тварь обмякла и беззвучно повалилась на пол. Дело было сделано.

– Вот дерьмо! – нервно бросил Медведь, потирая растянутые руки. – Поначалу мне показалось, что гад слабак, но потом словно камень! Хоть бы хны!

– Да уж, – кивнул Бочонок и для проверки рубанул секирой по шее инфернала. – Вот теперь точно. всё.

Мердзингер, выругавшись, повалился на каменный пол. Альма, постоянно кривя нос от стоявшей в воздухе вони, стала проверять содержимое торбы, звеня колбами.

– Спасибо, – кивнул Бочонку Ромунд. Если б не он, то всё...

– Однако, однако, – пробормотал Бочонок, отмахнувшись от Ромунда, мол, обычное дело. – Вонь здесь знатная. Похожая на ту, что принесли с собой зомби.

– Неудивительно. Здесь полным-полно мертвецов, – слегка задыхаясь, сказал Мердзингер.

– Ясненько. Итак, мы здесь. Причём, как мне кажется, не только по собственной воле, – с некоторой издёвкой молвил Медведь. – Куда дальше, командир?

Эльф не ответил, присосавшись к фляге с водой.

– У нас проблема, – сказал Бочонок, снимая шлем. – Сумка с припасами осталась там, наверху.

Повисла тишина. Согласно тому, что Ромунд успел ухватить на кратких лекциях по особенностям боевой обстановке, каждый в таких ситуациях чаще всего думает о трёх вещах: почему я? Почему так? Что делать дальше? Однако, как утверждал хмельной учитель, очень и очень многие люди первую мысль посвящают попытке найти виновного.

– М-да, – пробурчал Медведь. – Я, конечно, обязан тебе, чародей, но, по-моему, предложение спуститься сюда было ошибочным.

– Да какая, к чёрту, разница? – сконфузилась Альма. – Подумай сам, с чем бы мы встретились на открытых пространствах? С червями да полчищами зомби?

– А что мешает им появиться здесь? В том же составе? – улыбнулся в ответ Медведь, и девушка осеклась.

– Уже не имеет значения, – спокойно сказал отошедший от боя эльф. – По плану в этих коридорах располагаются казармы для стражей башен. Все, кто дежурил сверху, почивали здесь. Эта система сообщений лежит вдоль всего Шестнадцатого Вала и упирается в глухую скалу. Однако километра через два с половиной отсюда располагается проход, ведущий в глубины всей системы. Там казармы, кухни, оружейные и пищевые склады, погреба. Будет чем пополнить запасы. Там же и будем искать людей. Хотя на самом деле меня беспокоит другое.

Согласно чертежам, на самом глубинном уровне мы можем найти огромное помещение, метров сто на сто. Да, да, представьте себе! И если я не ошибаюсь в почерке, надо заметить, скверном, сия комната содержит в себе нечто, что обеспечивает тепло в подземелье. Чувствуете? И, кстати, горение факелов.

– Ого! – нахмурился Ромунд. – Может, те самые разработки, которые предложил некогда Франческо?

– Вряд ли, – покачал головой Мердзингер. – Однако, возможно, что именно там мы найдём ответы на свои вопросы. Думаю, нужно двигаться. Я понимаю, все устали, но среди трупов спать не хочется. Найдём еды, попробуем отыскать в меру чистое помещение. Ничего, кроме как надеяться, нам не остаётся. Подъём!

И они пошли. Медленно, покачиваясь от усталости, воины двинулись за высокой фигурой эльфа, ведшего их. Никто не знал, что ждёт впереди. Если честно, никто и не хотел думать. В этом месте лишние мысли крайне опасны.

* * *

Зелёный пейзаж зарослей до рези и жжения рябил в глазах усталого Данилы. После того, как начальство посетило разгромленный в лагере Глефы лазарет, был отдан немедленный приказ обшарить рошу и найти: первое – нечто, что расправилось с мастером Фолио, второе – недавнего напарника Данилы Яра. Три отряда добровольцев, составом по десять бойцов, под командованием трёх сенешалей, отправились в тыл укрепрайонов с чётким заданием: проверить прилегающие к лагерю леса.

У Данилы не было никаких сомнений, что враг, кем бы он ни был, давно покинул ближайшие к лагерю Глефы территории и скрылся в долинах. Но руководство хотело точно убедиться, что неприятель не зарылся где-нибудь в соседних кустах и не ждёт, пока все начнут отходить от напряжения и расслабятся. Хотя какое расслабление теперь? Неприятель только недавно был у ворот. Теперь спать можно ровно столько, сколько позволит противник, а он коварен и опасен. Хотя, конечно, такие потери, которые Глефа нанесла соединённой группировке Ренессанса, Реньюна и Бреган Дэрт, будет трудно быстро восстановить, но их альянс превышает оставшиеся силы Глефы в несколько раз. Сегодняшняя победа – лишь следствие удачного манёвра, но гибель полторы сотни воинов Глефы против тридцати десятков вояк Лиги (так, судя по слухам, альянс трёх кланов назвал себя) может фатально сказаться на будущей кампании. Ну да ладно. Всё решится в честной мужской борьбе грудь в грудь. А пока нужно найти двух очень неприятных субъектов, которые по форме, наверное, различаются, но гадят совершенно одинаково.

– Чёрт, я хочу есть и спать! – вдруг занял один из воинов, еле передвигая ноги.

– Заткнись, Андрюха, – посоветовал коренастый крестonosец. – А то сейчас по уху дам, и идти станет легче.

Несчастный жалобно поглядел через плечо на жёсткого бойца, поохал, но промолчал. Ещё бы.

Данила понимал настроение солдат, но сделать ничего не мог. Нужно выполнить задачу, а затем можно поспать.

– Дэрил, Макс, на левый фланг, прочесать вон те буреломы! – скомандовал охотник, чувствуя необходимость разогнать кровь в жилах подопечных. – Ром, Энденс, в ямы на правом фланге, живо! – в клане каждый знал друг друга в лицо и по имени. Так уж повелось. – Марк, Олег, на разведку перед отрядом метров на сорок вперёд. Бунтак, Леменс, посмотрите-ка вон те заросли. Я и Майнус замыкаем.

Из головы Данилы никак не выходили картины увиденного в палатке лазарета. Сплошное месиво. Убитый Фолио, изуродованный магией Патранакс. Жгучая боль вины и потери пожирала сознание Данилы. Из-за его глупости погиб друг, погибли соклановцы. Охотник со злостью поглядывал на приколотый золотой значок глефы на правом плече, окаймлённый платиной – знак сенешаля. Получилось так, что он привёл в Лагерь предателя, а теперь, скорее всего, какую-то дрянь в полуживом Селтике, а его наградили. Хотелось сорвать эту пустышку, да швырнуть в кусты, но...

Сухая трава хрустела под ногами воинов, лишая маскировки и эффекта внезапности, но делать было нечего. Магов с собой не дали, бросив всех на восстановление укреплений и лечение раненных, а еле тащивших ноги вояк хоть палкой лупи – всё равно будут идти как увальни. Им бы сейчас поспать, а не рыскать в кустах.

– *Чисто*, – донеслось по каналу трансферанса сразу несколько докладов.

– *Командир, иди сюда, погляди*. – неожиданно откликнулся один из воинов, вроде бы Марк.

– *Марк, ты? Что стряслось?* – устало отозвался Данила.

– Тут, – ответил боец, откинув густые ветки высокого куста. – Мы прошли метров двадцать и наткнулись на это.

Скрипнув зубами, охотник поспешил к Марку, проклиная всё вокруг. Ну что могло быть там такого? Толпы зомби? Привидения? Монстры? Трупы? Дайте вина! Женщин! Постель!

Продравшись сквозь кусты, оказавшиеся с колючками, Данила скользнул взглядом по краю глубокого оврага, где увидел чьё-то тело. Подойдя поближе, охотник разглядел ещё четверых. Все мертвецы имели знаки Глефы на искореженных доспехах.

– Это что такое? – нахмурился Данила.

– Их трудно узнать, но вон тот, что без рук, похоже, Энг. Сосед мой по палатке, – хрипло проговорил Олег, стоящий с той стороны оврага. – А вон тот, на краю, похоже, Далт. Он всегда носил идиотское перо на шлеме.

– Постой-ка! – махнул рукой Данила. – Это что же? Отряд Антареса?

– Видимо, да, – кинул головой Марк. – Только где ещё пятеро, мы не знаем. Тут вокруг кровь да поломанное оружие. Они сражались... Но проиграли.

– Осталось понять, кому. Парни! Все сюда! – крикнул Данила, подзывая бойцов.

– Как бы и нам. – хотел было сказать Марк, но тут кто-то дико завопил, веером брызнула чья-то кровь, залил лица Даниле и Олегу, и начался кромешный ад. Вся растительность пришла в движение, залившись нестерпимым воем. Кто-то бежал, кто-то кричал, кто-то пытался сопротивляться. Данилу сбили с ног, и он покатился в овраг, перемазавшись чужой кровью. Хаос ошарашил его, лишив возможности принять хоть какое-то конструктивное решение! Пока он встал, всё кончилось. Крики пресеклись, всё стихло.

Медленно вскинув арбалет и зарядив его, Данила стал карабкаться по склону вверх. Тишину нарушал слабый ветерок, колыхавший листья, и бешеные удары сердца, переполненного страхом. Бывалый охотник видал всякое, но чтобы нечто расправилось с целым отрядом за пару секунд... Это уж слишком!

Первое, что увидел Данила, было чьё-то разодранное тело, лежавшее в ближайших кустах. Затем ещё одно, чуть дальше. Охотник стал медленно двигаться вдоль зарослей, внимательно вслушиваясь в окружающие звуки. Метров через пять он обнаружил ещё двоих. затем ещё одного. Углубившись в кустарник, Данила, к своему ужасу, нашёл ещё троих. Все готовы. Проклятье!

Даниле захотелось убежать. Он бы любому порвал глотку, назови кто его трусом, но всю жизнь он имел дело с людьми. с плотью, которую можно мять, бить, колоть, стрелять. А здесь нечто, действующее крайне изощрённым образом. Чтоб её! Магию.

Слева послышался хруст сухой травы под чьими-то ногами. Из-за густых ветвей не было видно, кого принесла нелёгкая, и Данила хотел откинуть одну веточку и посмотреть, как кто-то схватил его сзади за шею и сдавил мёртвой хваткой, закрыв ладонью рот.

– Тихо, – прошипел некто ему на ухо. – Ни звука.

Меж тем кто-то или что-то приближалось.

– Командир! Эй, командир! – прозвучал стон. Это был Дэрел! Охотник хотел дёрнуться, но его пленитель был чудовищно силен. Не давал головы повернуть. – Командир, помоги!

С другой стороны донёсся хруст.

– Командир, ты? – чуть не плача прокричал Дэрел. – Командир, эта тварь оттапала мне руку, командир! О Боже! Нет, не ты! Нет! Нет!

Судя по звукам, воин попытался убежать. Нечто тёмное промелькнуло мимо куста, где был пленён Данила, низкий визг разрезаемого чем-то острым воздуха, а затем нечеловеческие крики убиваемого Дэрела. Пара секунд, и всё смолкло.

– Великолепно, – процедил сквозь зубы держащий Данилу человек.

– Отпусти меня, – зло проскрипел охотник.

– Но, но! Ты полегче! Я тебе жизнь спас! А ты так грубо! Хам! – последовал ответ. – Я отпущу тебя, только не выходи за круг. Видишь? Да, да, вон на земле бледное сияние в радиусе трёх метров. Тварь рядом, и если хоть волоском пересечёшь линию, нам с тобой конец. И не думай сделать ноги! Зверюга бежит, словно ветер! Видал, как она твоих ребят уделала? Трое слегли отдыхать, не успев повернуть головы на посторонний звук. Раз! И всё. И говори тихо. Я ещё не понял, защищает ли щит нас полностью или есть некий изъян, который я не заметил.

Руки говорившего разжались. Данила развернулся вокруг оси, выхватывая кинжал (арбалет выпал из его рук, когда незнакомец сдавил горло) и делая выпад, но некая сила замедлила его удар, затем вовсе обездвижив.

– Ну что за идиот! – всплеснув руками, тихо сказал человек в кожаной куртке со знаком красного меча, вонзённого в сердце. – Вы, вояки, все на голову туги?

Данила с ненавистью взглянул в глаза неприятелю, тут же признав в нём Яра! Гнев в жилах вскипел ещё сильнее, но чародейство позволяло лишь с трудом дышать.

– Я же сказал, не шуми! Чёрт! Или нужно по слогам? Не пы-та-й-ся ме-ня у-би-ть, так как э-то бу-дет слиш-ком гром-ко! Ну что за глупости! Я думал, ты поумнее. Ладно, оставлю тебя пока так, а то ещё вздумаешь баловать. – Яр осёкся, внимательно вслушиваясь в тишину, а затем, отойдя подальше от внутренней границы круга, опустился на землю, достал небольшой мех, и, откупорив его, стал безудержно глотать содержимое.

– Знаешь, а ведь мы толком и не познакомились, – сказал он через некоторое время, когда его жажда была, наконец, утолена. – Прошу любить и жаловать: Ян Рудный, мастер убийств первого класса, школа Шепростана. Также мастер маскировки и эксперт по внедрению. Чего глаза выпучил? Что? Ловко я обвёл всех вокруг пальца? Зелёный юнец. Таковым меня считал? Знаешь, хороший грим и не так человеку молодости придаст! Тогда, когда ты звезданул мне по лицу, я больше боялся, что макияж потечёт, но вроде прошло гладко, – он вновь резко замолчал, вслушиваясь в тишину окружающей природы, а затем снова заговорил: – Ты смотрю, сильно серчаешь на меня, но! Прошу заметить: я не предатель, я наёмник, выполняющий свою работу. Ты ведь слышал о Яне Рудном? Что? Чего глазами хлопаешь? Слышал наверняка! Внезапные смерти трёх митрополитов в администрации ныне покойного Патриархата? Череду убийств высокопоставленных должностных лиц в Совете Банг-виля? Резкая смена управления в Реньюне и Элите? Да, да, дорогой начальник, моих рук дело. М-да. Не скрою, я просто соткан из золотых нитей тщеславия! И нутро тоже золотое, прошу заметить. Не нужно пошлости в мою сторону. Да, кстати, а как тебе моё владение мечом? Великолепная защита без толики умения нападения! Ты ведь это подметил, но особого значения не придал. Ведь так? Да так, так, знаю я. Вижу я человечешков насквозь!

Ян умолк. Осмотревшись, он принялся закупоривать сосуд, некоторое время провозившись с непокорной пробкой, а затем, положив мех в торбу, резко поднялся и несколько раз обошёл вдоль линии магического щита. Данила меж тем оставался недвижим.

– На эту тварь не действует ни сталь, ни огонь. Удивительно! Одна такая мерзость истребила целый ваш блок-пост! И заметь, здесь главный акцент не на том, что он *ваш*.... А на том, что *целый* блок-пост! Одна тварь. Когда ты меня вынудил бежать, я чуть лицом к лицу не столкнулся с тремя такими, разделявавшими ваших в тылах. Отряд Ромула вроде, так? В безвыходном положении я применил самое первое, что пришло в голову из способов маскировки и преломил солнечные лучи, тем самым сделав себя невидимым. И ты знаешь, мне повезло. Перебив всех стойких вояк, пытавшихся сломить их строем, и, кстати, неплохих магов, поливавших тварей огнём и молниями, эти чудные создания не заметили меня. Почему? Сказать трудно. Некий просчёт или особенность данного вида. Впрочем, для нас важен результат. Остальное оружие отскакивает от них, не причиняя вреда. Пламя – слегка портит макияж. Молнии не в счёт. Холод им неприятен, отскакивают, прячутся. Но их скорость компенсирует некоторую брезгливость к морозу. Маги порой и пошевелить губами не успевают.

С северной стороны донёсся душераздирающий вопль. Затем ещё один, и вскоре несколько подряд. И снова тишина, лишь лёгкий ветер, шелест листьев и редкий щебет птиц. Несмотря на то, что день только-только начал постепенно застилаться дымкой вечера, в роще было темно. И, ко всему прочему, душно и неприятно. Запах смерти повис в воздухе.

– Вот и последний отряд окончил свой бравый путь, – развёл руками Ян. – Нужно уходить.

Данила почувствовал, что держащая его магия рассеялась, и он, не устояв от неожиданности, повалился на землю.

– Надеюсь, теперь у тебя хватит ума, чтобы не рыпаться? Вообще, по канонам, я должен давно перерезать тебе глотку и оставить на закуску этим тварям, но, к моему огромному сожалению, я очень привязываюсь к людям. Ты уж прости, что подвёл тебя к алтарю смерти, там, в бою, но я делал свою работу. Сейчас же я просто человек, который хотел бы выжить, предлагающий другому человеку со схожими желаниями и находящемуся в той же ситуации, руку взаимопомощи.

– Что-то ты болтливый для убийцы, – сухо сказал Данила.

– Меньше читай всякой общественной литературы – мозги засоряешь стереотипами и всевозможными анахронизмами. Я вот в свободное от дел время пишу стихи, сочиняю музыку, и, кстати, провожу много времени в закрытых писательских клубах.

– Убийца-романтик, – усмехнулся Данила. – Может, ты просто работаешь на вычитанный в детских сказках образ доброго парня с плохим прошлым?

– Я не читал детских сказок. И некому было читать их мне. Родители когда-то погибли при нашествии какого-то мелкого клана, коего, насколько я знаю, уже нет. В шесть лет меня доставили в Шепростан. Кто и как, не скажу даже под калёным железом.

– Какого чёрта тебе надо было в нашем клане?

– Доставить посылку и убрать Строгонова. Первое с успехом я сделал, не заронив в твоём наивном сердце ни намёка на опасность, а второе не удалось – тебе спасибо.

– Какого чёрта? – удивился Данила.

– По моему плану вас должны были сжать в кольцо и перебить всех разом, а ваш бравый сеньор, спеша к вам на помощь, подскочил бы на минимальное расстояние и оказался бы в пределах действия заклятия. Тут-то ему и хана. Но ты меня сбил, и мне пришлось бежать. Увы, раньше я никак не смог бы уничтожить свою цель, так как не хватало ни времени исследовать все подходы в Лагере, ни оценить маршруты движения стражи, смены караулов, часовых. Пришлось клепать план на ходу, что я просто не перевариваю, ну и, соответственно, результат. Придурки, которым было поручено размазать вас по роще, то ли прохлопали ушами момент удара, то ли вообще не приняли моё сообщение к сведению... Короче, теперь придётся скрываться несколько лет, благо золота Тёмный Орден дал в задаток немало, потом, может, вообще отойду от этого дела. Знаешь, ещё в детстве никак не понимал, зачем нас учат убивать (за что, кстати, получал немерено палками по заднице), а потом, по «выпуску», занялся тем, что умел. Вот. Ну да ладно, это немного сентиментально, а для такого боевого волка как ты, сии темы не близки. О! Кстати! Нужно бы запомнить рифму! Как-нибудь напишу поэму о своём путешествии в стан славного клана Глефа!

– Постой-ка, ты сказал Тёмный Орден? – хмурясь, спросил Данила. Честно говоря, он уже не понимал, врёт ему этот мальчишка или правду говорит. В первый раз наёмнику удалось обвести его вокруг пальца.

– А ты не знал? Сейчас эта мерзопакостная организация протянула свои руки на весь Север и затронула частично Центральные и Восточные земли. Ренессанс теперь их союзник или ставленник – никто толком не знает. Реньюн и Бреган Дэрт вообще их вассалы уже лет двадцать. Теперь, после гибели Святой Инквизиции, они хотят полностью подчинить эту территорию, однако войск-то у них не хватит, чтобы схватиться со всеми кланами (вон какого жару вы им задали!), посему они и испробовали новое оружие. Чёрт знает какие времена! Теперь власть у нас не достигают честным клинком или лучистой магией. Теперь всех побеждает хитрость. Боже мой! О чём будут читать дети лет через десять! Кто будет главный герой? Уж точно не благородный рыцарь без страха и упрёка.

– Какой же ты болтун! – разозлился Данила.

Ян, сверкнув глазами, сделал пару резких движений, и Данила уже лежал на спине, не смея двинуться под острым клинком профессионального убийцы.

– Сказал же! Я сейчас не на работе! – рывкнул он, брызнув слюной.

– Ладно, ладно, парень, остынь! – подняв руки, сказал охотник. – Не бесись! Просто в моём понимании...

Ян фыркнул, убрав нож.

– Пора, – сказал он. – Пока твари отвлечены охотой, нужно делать ноги.

– Куда? Что? Я не брошу свой клан! – запротестовал Данила.

– Вали. Мне плевать, – пожал плечами Ян. – Не думаю, что меня там примут с распростёртыми объятиями. Либо ты со мной, и мы делаем всё вместе, либо разбегаемся. Другого не дано.

– То есть, если я не иду с тобой, ты бросаешь меня на смерть? – почёсывая подбородок, спросил Данила.

– Да, – немного рассеяно бросил Ян, закидывая торбу на плечо. – Наверное, так. Ты, конечно, мужик хороший, и если хочешь, помогу выбраться из этого дерьма, но в пекло прыгать за тобой не стану. Клан твой уничтожен, поверь. Судя по тому, что я видел, в этой рощице действует штук двадцать таких гадов, и не забудь добавить тех, кто попался недавно им в лапы. Создатели работают над своими чадами, постоянно улучшая их природу. Как помнишь, тварь изменяла тело Селтика около суток. Сейчас же эти мрази часа за три готовы к бою. И не сомневаюсь, что, проиграв вам в честном бою, Орден всеми своими ушлыми умами направлен на ваше уничтожение. Думаю, ещё десяток милашек бросят на подмогу. Даю тебе пять минут. Подумай немного, и решай. Да, кстати, сегодня у нас что? Четверг? Плохо. В субботу нужно быть в Санпуле на заседании клуба. Успеть бы...

– Да какого клуба?! Ты что, с ума сошёл? Люди...

– И что? Люди гибнут всегда, а заседание клуба не каждый день. У тебя три минуты. Прошу поспешить.

Данила, слегка приподнявшись на локтях, так и застыл в позе недоумения и крайних сомнений. Со времён бурной молодости он настолько привык к одному месту и одним людям, что теперь не мог и представить, что в один день всё может перевернуться с ног на голову, хотя ещё лет пятнадцать-двадцать назад, засыпая, не всегда был уверен, что проснётся. А теперь предстояло сделать нелёгкий выбор. Трусит ли он? Да, наверное так. Но лишь из тех соображений, что он просто не в силах противостоять силе, с которой столкнулся. Как, впрочем, и десятки его соклановцев. Однако в его голове никак не укладывалась мысль, что есть нечто в сущем, чему нельзя противостоять. Нужно понять хотя бы, как. Убежать с этим ненормальным – броситься с головой в пучину неясных событий, способных привести к совершенно непредсказуемым последствиям. Плюнуть и двинуться к лагерю опасно. Выбирать, по сути, не из чего.

– Время вышло, прощай! – заключил Ян и резко развернулся.

– Постой. Дай свяжусь хотя бы с кем-нибудь из Лагеря.

– Несносный старик! – взвыл наёмник. – Ну, валяй! Только быстро!

– Хорошо, – буркнул Данила и сконцентрировался, для уверенности сдавив виски.

Сашика, а Сашика, ты слышишь меня? – послал он сигнал по трансферансу.

Ответа не последовало. Охотник решил позвать другого знакомого, коего видел живым перед выступлением в злосчастные поиски, тот тоже не ответил. Затем ещё одного, но не добился результатов. Потом, плюнув на всё, Данила воззвал к сеньору, к Строганову, но тот также хранил молчание. Странно было не то, что они не отвечали. Странно то, что на том конце не чувствовалось никакой жизни. Пустота. Так, в основном, определяют смерть того, чьё тело не могут найти.

– Проклятье. – всплеснул руками охотник. – Что же это?

– То, что я тебе говорил. Бери арбалет и пошли. Идём тихо. Магия моя действует эффективно только в статическом положении, иначе можно легко заметить искажающееся пространство.

– Куда идём-то? – спросил подавленный старик.

– В Ватрад Вил. Дальше поглядим. Есть несколько вариантов, – бросил через плечо наёмник.

Ян отошёл метров на десять, осторожно двигаясь на юг, как Данила осознал всю плачевность ситуации и поспешил присоединиться к этому странному человеку. Вместе выжить проще.

Может быть.

* * *

В этих местах горячий сухой ветер порой задувал так, что двигаться вперёд было невозможно! Приходилось все силы тратить на то, чтобы противостоять сумасшедшему напору воздушных масс и не упасть, покотившись по велению стихии куда-нибудь в кипящие ядовитые воды, или, того хуже, в поток лавы, тёкшей в огромных расщелинах со всех сторон. Стражи не часто ходили этими путями, и все рейды, прошедшие по столь неприветливым дорогам, обошли Найджела стороной. Он, в основном, путешествовал по туманам, да несколько раз по горным тропам, в окрестностях разрушенной цитадели Кануак, а остальное время торчал в караулах да играл в карты. Теперь же, терпя боль в натёртых до крови ногах и безумное жжение на коже лица от раскалённого ветра, он должен был идти чёрт знает куда и чёрт знает с кем!

Проклятому незнакомцу были нипочём ни жар, ни яд, ни отравленный пылью воздух. Он уверенно двигался вперёд, увлекая за собой бедного Найджела, который всё чаще и чаще вспоминал маму и добрую сердцем сестрёнку, со временем заменившую мать. Порой хотелось упасть и заснуть, свернувшись в клубок страхов и жалости, но Страж должен быть сильным, этому их учили в Цитадели. Здесь нет места простым человеческим чувствам. Здесь война. Странно, но даже сейчас Найджел думал, что исполняет свой долг, хотя и ведёт спутника к врагу, попутно выкладывая всё, что знает. Найджел не мог представить иного. Он хотел верить, что если умрёт, то умрёт за дело, а не как ничтожная трусливая тварь.

– Так ты уверен, что нынче в мире нечто происходит, Найджел? – громыхал голосом ужасный спутник.

– Да, да, хозяин.

– И твой Орден недавно достиг некоторых успехов, не так ли?

– Так! Так!

– И сейчас он приступил к очищению неверных на захваченных территориях?

– Да, так оно и есть. Мои лидеры создали какое-то новое оружие, которому не может противостоять ни магия, ни сталь.

– Что ты такое говоришь, дурак?

– Я... я что слышал.

– Тогда вырежи себе уши, глупец. Что создано магией, то от неё и погибнет.

– Да, несомненно! Не смею спорить.

– Ну, так и?

– Так вот. Сейчас Север очищается, мой лорд. Враги падут рано или поздно. У них не найдётся средств, чтобы противостоять великому Ордену! А теперь, когда вы с нами, час неверных предreshён! – завывал Найджел, уподобляясь проповедникам Ордена, полоскавшим мозги малефикам тёмного клана каждый день.

– Слушай, давай без этой твоей орденской дряни, усёк? – раздражённо бросил Мерлон, потирая странный знак на лбу. – Ещё раз, и тебе конец.

– Да, Хозяин! – воскликнул уничтоженный и втоптаный в землю Страж. Он проклинал тот день, когда попал в проклятый Орден. Хотя, кто знает, быть может, это спасло ему жизнь.

– Однако не думаю, что вашим малефикам долгое время удастся скрывать кровавые расправы. Главам кланов это может сильно не понравится.

– Не понравится и уже давно не нравится. Однако что они могут сделать? Кроме того, все видят не Орден, а сильные кланы (Ренессанс, Реньюн, их союзников), озабоченные своими меркантильными интересами. К тому же все знают – Ренессанс не гнушается любых средств. Что же касается отношений сильных мира сего между собой, то вот, например, Сюреал и Элита не переносят друг друга ещё с Войны Трёх Кланов, Нейтралз недавно потерпели сокрушительное поражение от войск Ренессанса на левом берегу реки Темерны, и теперь зализывают раны. Хранители... Чёрт их знает. Возможно, попытаются помутить воду в Совете Бангвиля, но скорее закроются в своих мрачных замках и будут ждать лучших времён. Воевать с ренами им нечем – последняя война обескровила их тщеславные ряды. Остальные же кланы... У них бесконечные уособицы за контроль тех или иных территорий, и бить их поодиночке – самое простое. Быть может, варвары Остермана, из Восточных Степей могут представлять кое-какую силу, особенно если Нейтралз решатся бросить в бой остатки войск им на помощь, исполнив союзнические обязательства, но всегда можно сыграть на недовольстве той же Элиты нарушениями её торговых сфер влияния, в которые будут вынуждены ворваться варвары, воюя с Ренессансом. Да, да, это касается напряжённой обстановки вокруг владений Купеческой гильдии на Перекрёстке, что к северо-западу от Честорского леса. Но там также вплетены интересы вездесущего Сюреала. В общем, состояние разрозненности приведёт неприятелей к неминуемому поражению. Во времена Войны Сил ещё жили кое-какие остатки братства, продиктованного необходимостью защищаться от диких племён. Но теперь, когда гегемоном стал человек, каждый хочет урвать кусок у другого, да побольше.

– Слишком у тебя просто выходит. С такой логикой можно хоть весь мир завоевать, – прогремел Мерлон. – Помолчи пока, я обдумаю то, что ты сказал.

Они брели по выжженным холмам и туманным равнинам. Они дышали отравленным воздухом и медленно жарились в безумном пекле, исходявшем от лавных потоков, тёкших в глубоких расщелинах. Гейзеры чистой кислоты выбрасывали смертельное нутро на десятки метров вверх, поливая голые камни, плавившиеся под неукротимой силой разрушения. Здесь был настоящий ад! Найджел задыхался, он слабел на глазах. Но проклятый незнакомец неумолимо шёл вперёд, не обращая внимания на муки спутника. Вскоре запасы воды иссякнут, и начнёт мучить жажда.

От невыносимой боли в груди бывший Страж скинул с себя доспехи, разорвал рубаху, и тёр, что было сил, грудную клетку, сдирая поражённую кожу в кровь. Ему было дико больно, но он молчал и не давал повода тёмному отродью усомниться в его способности идти дальше. Он знал: если сейчас он упадёт и не встанет, то его просто оставят здесь умирать. Или, хуже того – бросят на съедение всякой живности в этих ужасных местах. Сейчас мерзкие твари скрылись, расступившись перед сыном Хаоса и Тьмы, но как только простой человек лишится его покровительства... Найджел кусал губу, глотая солёную кровь, но молчал и шёл дальше, покуда в глазах не стало темнеть. Но тут незнакомец остановился, поводил носом в разные стороны, громко втягивая воздух, и резко сменил направление, вскоре набредя на небольшую пещеру. Одним взмахом руки он выжег всё и всех внутри и приказал Найджелу спать. Тот лишь кивнул, и, упав на голые камни, заснул.

Когда он проснулся, то обнаружил себя лежащим на подстилке из грубой ткани рядом с небольшим костром, над которым незнакомец водил руками, заворожённо глядя на пляску огня.

– Ты отдохнул? – громыхнул голосом хозяин.

– Да, спа...

– Не за что меня благодарить. Мне нужно ещё чуть-чуть информации. А если б ты сдох, то, было бы немного обидно. Хотя путь к Башне Культа я вызнал... не знаю откуда, но вызнал. Пришло, словно наваждение. А может, из твоей головы. Проклятая карта теперь перед глазами, – хозяин гневно сжал искалеченные огнём кулаки, на которых частично обгорела и полопалась кожа. – Мне хочется немного тебя послушать. Совсем чуть-чуть.

Найджел сглотнул. Повинуясь порыву, он хотел спросить, что с ним будет, когда он закончит рассказ, но осёкся. С таким сумасшедшим нельзя столь прямо строить диалог.

– Что вы хотите знать? – пролепетал он. Он чувствовал себя немного лучше, но голова кружилась от усталости.

– Всё. Говори. Ну!

– Эм. – запнулся Найджел, сбитый с толку неожиданно резким ответом незнакомца. – Не всё, конечно, так хорошо, как хотелось бы. На Фебе, там, где, по сути, были все свои, кто-то начал играть по своим правилам, и сильно подпортил развитие планов. Главнейший союзник Ордена, adeпты Тавро, коих неразумно называют варварами Одера-Табу, попали в щекотливую ситуацию. Мощнейшая боевая машина Сюреала по договору с Республикой обратилась против них. Сейчас их войска победоносно движутся вглубь земель наших собратьев, сметая заградительные посты. У них новая тактика. Теперь их ни лёгкими уколами, ни сильным кулаком, не взять. Раньше, когда Республика опрометчиво отправляла бойцов на смерть, повинуясь общественным настроениям, война шла по классическому сценарию вторжения и поиска генерального сражения. Но никто им такого удачного шанса не давал, и летучие отряды адептов Тавро спокойно разрывали по кускам неприятеля, в конце концов лишив его припасов, подкреплений и сил. Теперь враги действуют по иному. Разбившись на мелкие отряды, войска Республики и Сюреала надвигаются шквалом, выжигая всё на пути и пополняя запасы за счёт захваченных деревень. Прошёл всего день после вторжения, а войска адептов уже отброшены на пятьдесят километров. Противник наступает, как заведённый.

– Постой. А как же ты обо всём узнаешь? – нехорошо поинтересовался незнакомец.

– Так в Ордене хорошо налажена поточная передача информации по каналам трансферанса! Каждый малефик должен быть в курсе дел. Хотя бы в тех рамках, в которых позволено. Просто наша деятельность такова, что, будучи неосведомлённым в политической жизни, можно наделать много глупостей, причинив клану уйму вреда, разгребать который придётся всем Орденом.

– А как же вы пресекаете утечки важной информации?

– Дело в том, что все данные поступают под строгим контролем специальных заклятий, разработанных великими умами современности! Когда сознание кого-либо из соклановцев обращается к информации, полученной под такой магией, об этом тут же узнают Старшие или Наблюдатели.

– А потом и самого болтливого, и того, кто сведения от него получил, убирают? – дико улыбаясь, спросил Мерлон.

– Да. – прохрипел Найджел, жалея, что рассказал всё начистоту. Хотя куда там! Разве он смог бы соврать на лету? Да ещё и кому...

Незнакомец рассмеялся раскатами настоящего грома, содрогнув своды пещеры.

– Ну, в таком случае рассказывай ещё! – потребовал он, улыбаясь во всё обезображенное лицо. Бывшему стражу захотелось вырвать.

– Это самая последняя информация. – тихо ответил Найджел и вжал голову в плечи, ожидая развития событий.

– Ну да... Что ещё можно ожидать от простого посыльного. Ну а скажи, что интересного тебе известно о Культе?

– Ничего большего, чем написано в пергаментях по истории и ничтожно мелких брошюрках Ордена. Знаю лишь то, что от самого Культа давно нет никаких ответов, приказов и распоряжений. Все гонцы пропали.

– Ясно, – пробормотал Мерлон и посмотрел Найджелу в глаза. – По сути, теперь ты мне и не нужен. Однако почему-то не хочу я с тобой ничего делать. Дурак ты какой-то. Сдохнешь всё равно, от моей руки, или нет. Предавший всё и вся не имеет приюта. Как, например, я. Отдохни ещё, я пока поразмыслю. Учти, остановки будут очень редкими, и лишь по самым крайним случаям. Усёк? Помрёшь – горевать не стану, поверь.

Услышав эти слова, Найджел медленно опустил на подстилку и закрыл глаза. В его душе творилась буря, но ему почему-то казалась, что она где-то в стороне. Словно внутри его двойника. Всё это происходит не с ним! Не с ним! Ведь будущее всегда казалось таким светлым! Ведь мама всегда пророчила ему вселенские блага...

– Эй, Найджел, – вдруг окликнул его хозяин. – Осторожнее с желаниями. Они имеют привычку исполняться. Только не так, как хотелось бы.

* * *

За свою достаточно долгую жизнь Даратас побывал на многих процедурах вручения суверену верховной власти, и мог уверенно заключить, что эти процессии похожи друг на друга напыщенностью, яркостью и глупостью, чарующие людей сладким дурманом богатства и всеобщей покорности. Но то, что узрел мудрый чародей в огромных подземельях Золотых Ручьёв, поразило его оригинальностью! Однако перед тем, как стать не только свидетелем, но и реальным участником потрясающего события в жизни дивного народа, Даратас успел занять пару лишних причин для укорочения его земного срока.

На следующий день, как он умудрился встать с постели и кое-как собрать остатки своего духа и разбитого тела, Мильгард стал готовить его к церемонии возведения на Престол. Несмотря на протесты вымученного мага, эльфийский принц лишь упрямо мотал головой, летая со скоростью молнии от одного ответственного лица к другому, успевая на лету рассказывать необходимые подробности роли Даратаса в самом действии. Поначалу тот пытался что-то запоминать, записывать, зубрить, но постоянно путался, оговаривался, и в конце концов послал всех в самые далёкие места. Принц, пожав плечами, согласился взять все формальности на себя, попросив лишь запомнить пару фраз на эльфийском, которые необходимо сказать Жрицам.

Безумно злой Даратас махнул рукой, взяв пергамент со словами, и удалился к себе в уютный уголок, где предался самым грустным размышлениям. А работа по приготовлению тем временем кипела.

Во все стороны эльфийского царства неслось эхо ударов молотков и кувалд, визги сотен тяжёлых пил и рубанков. Даратас начал заметно нервничать, внутри своего любопытного сознания интересуясь происходящим, но он предпочёл оставаться в уединении, думая, что ему делать дальше. Но сие удовольствие продлилось недолго.

Вскоре к магу постучалась армия всевозможных писарей, принёсших ворох государственных бумаг, требовавших исследований и подписей. Опешивший Даратас с выпученными глазами принялся разбираться с государственной макулатурой, уйдя в это дело с головой. Тут были и подписные листы о состоянии арсенала, складов провианта, всевозможного сырья и готовой продукции для продажи на внешних рынках (в основном, табак); сотни

дарственных грамот, вручавших памятные награды семьям погибших храбрецов, ещё сотни листов со сводками потерь; указы и распоряжения о назначении лиц на всевозможные государственные посты, на прочтении названий которых у Даратаса заплетался язык. Поначалу он пытался вникнуть в суть всех дел, но от объяснений облепивших его должностных лиц становилось ещё хуже.

– Какой ещё Кантобрий Восьмой Руки? – орал заведённый Даратас. – Где ты видишь у меня восьмую руку? Да хотя бы третью? Что за бред вообще? Расформировать!

– Как же так, алахоэ? – возмущался один из эльфов, с трудом выговаривая фразы на человеческом языке. – Как расформировать?

– Да не расформировать. ладно. Бездна! А это что? Леган Второго Откровения Оста-раама. Ну а это просто писк: Артадунтийская Академия Мудрых Слов Андрианы, если я вообще это правильно перевёл. Вы что? С ума посходили? Зачем нести мне всю эту бумагу, если я толком не знаю вашей системы управления. Так! – решительно воскликнул Даратас и вскочил с занимаемого до этого табурета. – Ольвен! Ольвен!

В забитом писарями проходе началось оживление, и вскоре в келью втиснулся обла-чённый в мифрил принц, отталкивая мешавших деятелей государства.

– Выгони всех отсюда! Вон! Выбери самых толковых, и пускай мне доходчиво объяс-нят суть вашей, эм, администрации.

– Адми чего? – изумился эльф.

– О боги! – схватился за голову маг. За что ему такое проклятье? Как он будет управлять этой сворой? – Так, ладно, всех отправь готовиться к церемонии, все бумажки в печку, а меня на уединённый отдых и спокойствие. Никого не впускать! Ну, разве что церемония начнётся.

– Как прикажете, алахоэ! – поклонился эльф. – Все слышали? Ну! Чего стоите?

Несколько минут топота и недовольного ропота, и маг снова остался один. Осталось надеяться, что слова насчёт печки они восприняли в качестве шутки.

– И как же теперь наладить всё в этом государстве? – рассуждал вслух Даратас. – Когда Мильгард говорил, казалось всё просто. М-да, век живи – век учись. И какого... это свали-лось ему? Нет, ну это нонсенс! Какой смысл вручать бразды правления тому, кто ни черта не смыслит в этом деле? Я вольный исследователь, люблю магию, но терпеть не могу пуб-лику, лишнее внимание и уж тем более государственную суету. Политика никогда меня не интересовала, надо признать, порой до крайностей. Ха! Да из-за меня иной раз некоторые кланы выигрывали и проигрывали войны лишь потому, что я по рассеянности просто брал и продавал новое изобретение на сторону, которое тут же хорошенько пристраивалось как мощное оружие. Проклятье... Однако я люблю мир и ценю добро, хотя воспринимаю эти явления как некоторые абстракции. Для меня ценна жизнь, причём не только моя, но и чужая, хотя первое намного перевешивает все вторые. Но! Такова жизнь. Все мы попали в стреми-тельный водоворот событий, и теперь остаётся гадать, куда нас выкинет. Отправляясь на поиски Дарли, я и не думал, что такое может произойти. А ведь казалось, что судьба в моих руках. Лишь казалось. Как там, интересно, мой шалаш? Не разграбил кто? Вряд ли, конечно. Слишком мощны заклятия охраны. Но повидать его очень хотелось бы...

В раздумьях он просидел несколько часов, когда неожиданно в дверь громко постуча-лись.

– Кто? – сухо спросил Даратас, пребывая в мирах своих мыслей.

– Я, Дариана, – послышался женский голос.

– Входи.

Дариана протиснулась через узкий вход, держа в руках кучу каких-то тряпок.

– Что это за мусор? – холодно спросил маг.

– Это твои парадные одежды, – улыбнулась девушка.

– Забери и разрежь себе на чулки, – махнул рукой Даратас.

– Думаю, меня за такое в политические преступники запишут.

– Нет, я не разрешу. Режь!

– Ладно, перестань! – надулась она. – Эту мантию, перчатки и довольно элегантные портки, тебе придётся надеть на время церемонии. Того требует этикет.

– Знаю, давай сюда, – сказал Даратас и принял одежду от Дарианы, попутно развязывая узлы на серой робе, которую получил взамен своего превосходного магического обмундирования (эльфы смастерили рубаху специально на человеческий рост, пока маг пребывал без сознания). – Посох, надеюсь, можно взять свой.

– Даже нужно. Для многих он символ власти.

– А когда-то для Франческо он был просто инструментом, – пробормотал маг, обнажая торс, перевязанный тряпками, смоченными лечебными эликсирами.

– Болит? – задумчиво спросила девушка, осматривая тело мага.

– Немного. Не суть важно, – отмахнулся он, принявшись застёгивать огромное количество креплений. Вышитый золотом пурпурный «доспех» вступал в некоторое противоречие с эльфийской сдержанностью.

– Что ты будешь делать? – спросила Дариана, когда маг закончил одеваться.

– Отправляюсь на Харон, – пожал плечами чародей.

– А эльфы?

– А что эльфы? Они лучше меня разберутся. Назначу уполномоченного. Думаю, им будет Мильгард. Пускай у них лидер останется в лице меня, но мне нужен управляющий. Это государство совсем не такое, как у людей. Здесь совсем иные порядки. Пока я буду изучать эту галиматью, наши враги нанесут удар в спину. Всё не так просто, как хотелось бы.

– Ты уверен, что наша цель на Хароне?

– Наша?

– А ты думал, я брошу тебя одного? – дёрнула волшебница бровью.

– При чём здесь брошу?

– Хватит. Этот разговор не имеет смысла, – строго отрезала девушка.

– Знаю, – легко согласился маг.

– Тогда зачем подмечаешь?

– Настроение плохое, – нахмурился Даратас.

– Да.

Они помолчали. Даратас сел на кровать и устался на своды низкого потолка. Девушка села рядом с ним, взяв его облачённую в перчатку руку. Она старалась быть осторожной, ведь за красной шёлковой тканью скрывались перевязанные раны.

– Скоро начнётся? – спросил маг.

– Насколько мне кажется, да.

– Кажется! Ха! Этих эльфов не всегда поймёшь.

– Перестань.

Маг вновь махнул рукой. Дариана подобралась поближе и легла головой ему на грудь, стараясь не задеть больные места.

– И что дальше? Ты уверен, что принц справится? – поинтересовалась она.

– Да, я думаю. Да. Ведь если ты внимательно слушала его аргументы, вся проблема заключалась в духе перемен, а не в самих переменах. Он справится.

– А что будем делать мы?

– Отправимся на аудиенцию к старым друзьям, – ехидно улыбнулся маг.

– И что? Скажем им – привет! Мы вернулись?!

– Нет, разнесём им головы, а потом станем задавать вопросы.

– Великолепная тактика! – сплеснула руками девушка.

– А что ты можешь предложить? Вести переговоры?

– Да тебе понадобится армия! Башня Культа! Ты решился биться в одиночку с целым войском?

– Да нет, как минимум втроём. – улыбался маг. – Ольвен ведь увяжется за нами, подчиняясь наказу отца.

– Ты сумасшедший!

– Нет. Просто я знаю, чего стоит Культ. Без Первого Мастера они никто.

Глаза девушки сузились и на скулах заиграли желваки.

– Конечно, никто не будет штурмовать Башню, ибо смысла нет, – продолжал размышлять Даратас. – Как ты видела, армии в этой войне не решают ровным счётом ничего. Разве что только в деле сдерживания и выигрыша времени. А так – это просто мясо. Боюсь, мы можем стать свидетелями, как через Харон на живой материк станут прорываться орды тварей. Рази их сотнями тысяч – это не исправит положения. Ты знаешь, что такое рекогносцировка?

– Да. в позапрошлой жизни я – студентка военного факультета, в прошлой – гордая воительница. Однако, несмотря на то, что сейчас я просто милая девушка, сие слово мне известно.

– Ну, так вот, – пробормотал Даратас, несколько озадаченный длинным монологом Дарианы. – Для начала необходимо отправится на место и все хорошенько разузнать. Но сейчас...

В дверь постучались.

– сейчас настало время для некоторых официальных мероприятий.

Лёгкой простотой идеи лилась гармония эльфийской мелодии сквозь пространство Золотых Ручьёв, гордо и непоколебимо возносясь к сводам тёмной твердыни, постепенно покорно растекаясь по углам, спускаясь затем обратно и замирая в крохотных ямах и руслах высохших подземных рек. Она неслась сквозь воздух, она неслась сквозь время. она парила в сознании и играла всердцах! В безумной пляске сотен огней, бросавших блики с огромных столбов на каменные стены, музыка древнего народа рождала нечто, что хотелось называть чувством, но нельзя было назвать эмоцией. Это было чистым откровением тех, кто исполнял, и всего того, что внимало, трепеща сердцем и струнами души, даже если этим был просто камень, рождённый из пыли Хаоса.

Даратас лишь несколько раз в жизни слышал музыку эльфов, но сейчас, выйдя на широкий пурпур Царского пути, он был бесповоротно захвачен силой и наивной чистотой, звучащими в каждом звуке, в каждом вздохе, в каждом чувстве. Играющие во всех концах огни, размещённые на гигантских помостах по всем Золотым Ручьям, добавляли некой проникновенности, некоторой глубины. Маг знал, что это – лишь игра его внутренних мозговых процессов, но в те минуты ему было всё равно. Наслаждаться сутью невозможно. Наслаждаться тайной сути можно долго. Наслаждаться образами и иллюзиями сути – вечно.

В окружении бронированных мифрилом стражей будущий царь эльфийского племени медленно брёл по выложенному под ногами полотну. Стараясь сохранять прямую гордую осанку, Даратас был не в силах удержаться, чтобы не покрутить головой, будучи зачарованным происходящим. Конечно, и у людского племени есть талантливые музыканты, способные сотворить переполох в душах слушателей одним движением лёгких пальцев по струнам; есть и кудесники иллюминации. Но в подземных чертогах, на фоне огромных статуй Вождей, под покровительственным взором которых творилось действие, когда со всех сторон оживает воздух и искрится пыль, всё кажется немного иным.

Сначала маг не заметил, что происходило высоко над головой, но затем, резко подняв голову, узрел тысячи сменяющихся световых образов, повествующих о тех или иных событиях из истории эльфийского царства – от восшествия на Престол новых царей до великих

сражений. Но это могло бы показаться в некотором роде избитым, если бы не один оригинальный факт. Проходя в окружении стражи по середине пурпурной дорожки, Даратас сначала не обратил внимания на то, что творились вблизи, по обоим бокам процессии. А там царил самая настоящая вакханалия плоти. На специально изготовленных выгнутых лежанках, под светом нежно-розовых магических огней, в ворохе пурпурных перин и одеял, сотни эльфов соединяли тела в актах самой откровенной любви. Глаза мага расширились от удивления, но он постарался не подать виду, сконцентрировав внимание на приближавшейся скульптуре Тиры, вокруг которой собралась официальная публика, но сладострастные стоны, доносящиеся более отчётливо после того, как маг сосредоточил на этом внимание, привлекали, и глаза порой безвольно отрывались от намеченной цели и принимались блуждать по развратным картинам. По сути, ничего нового, но по факту природа брала своё.

Ароматы, звуки, шикарные картинные позы. Для человеческого сознания официальные мероприятия исключали интимность, но для эльфов сие действо представляло настоящий акт счастья. Всеобщего счастья, открывающего все стороны сложной эльфийской души.

У освещённого множеством факелов монумента стояли всевозможные государственные чины, представленные, в основном, дряхлыми стариками, не сумевшими принять участие в прошедших сражениях, жреческие компании, сиявшие милыми мордашками. Вся братия стояла строго под стягами своих домов. Дружная процессия стала послушно расступаться перед движущейся охраной, пропуская кандидата на Престол. Даратас, внимательно вглядываясь в суровые лица придворных мужей, проследовал к каменному изваянию обольстительной Тиры, где не обнаружил никакого Престола в своём понимании. а лишь роскошное ложе на несколько персон, стоявшее на позолоченном помосте и увенчанное пурпурными одеялами. Сохраняя небольшую надежду, что главное действие не здесь, маг обернулся, внешнее выказывая полное спокойствие.

Он осторожно скользил взглядом по сомкнувшемуся ряду важных лиц, надеясь предугадать последующее развитие событий. Все они, разодетые в парадные искрящиеся наряды, безмолвно ждали, внимая звукам любовных утех у себя за спиной. Почти все хранили каменное выражение лица. Кроме Жриц. Эти маленькие проказницы так и стреляли глазками в сторону замершего Даратаса. Приглядевшись, маг различил множество пустых лож чуть левее от места церемонии. Неужто они – для занятых пока скучным долгом государственных мужей и жён?

Вдруг строй молчаливых эльфов заколыхался, и к Даратасу вышел Мильгард, облачённый в малиновый доспех с фиолетовым плащом, висящим за спиной. В руках он держал большую тяжёлую корону, искрившуюся дождём всевозможных огоньков и блёсток, и деревянный посох с огромной жемчужиной в роли набалдашника. Магу показалось, что посох символизировал некоторую часть мужского тела.

Подойдя к магу, эльф поглядел ему в глаза, заметив некоторое смущение, и еле заметно кивнув, развернулся к остальным, подняв над головой принесённые предметы.

– Братья и сёстры! – воскликнул он по-эльфийски мощным голосом, перекрывшим звучавшую музыку. – Настал час великого Откровения! Настало время Великих Перемен, предсказанных Остарааом в незапамятные времена. Наш прежний царь скончался. Старый уклад рушится на глазах, а привычные идеалы втоптаны в каменные полы пещер! Враги точат клинки, переполняясь мыслями о нашем скором сокрушении. Отечество в крайней опасности! – здесь принц сделал маленькую паузу, давая собравшимся прочувствовать сказанное. – И что же велит нам наша гордость? Велит сражаться! Что шепчет нам вера? Стоять и верить крепко! Что утверждает наш закон? Принять силу сильного! Храбрые воины на совете приняли решение, что царём будет тот, кто сразил врага. Мы знаем, что битва была выиграна не под сводами Старинного Зала, а в измерениях, о которых нам трудно помыслить. С врагом, который никому из нас не под силу! И кто же нас спас? А спас нас этот человек, кото-

рого мы нарекли кандидатом на Престол. Лишь благодаря его мужеству мы сегодня можем праздновать победу, предаваясь мирским утехам и простому счастью! Тогда ж восславим лучшего из лучших! Сильнейшего из сильных, руками которого принесена слава в наш дом! И возложим в его десницу нашу судьбу. Жрицы! Прошу начать обряд!

Повернувшись в пол-оборота к магу, эльф загадочно улыбнулся и уступил дорогу целому отряду обольстительных жриц. Стражи, двигаясь за девушками, стали охватывать Даратаса, служительниц культа и приготовленное ложе со всех сторон, замыкая в кольцо и разворачиваясь к остальным сплошной стеной щитов. Чуть неподалёку, где-то справа, кто-то запел нежным голосом, подхватил плавную мелодию арфы. Уже сообразивший, в чём дело, Даратас внимательно рассматривал похотливых служительниц Тиры, облепивших его со всех сторон и медленно тянувших на мягкие одеяла. Их было столько, что маг испугался за своё здоровье. Он не знал, чем продиктована возбуждённость девушек, но глаза их пылали безумством, игравшим огоньками в нежных душах.

Поначалу маг был несколько неуклюж и неповоротлив по сравнению с извивавшимися вокруг него Жрицами, стянувшими с него почти всю одежду, но когда окружающее заполнил сладковатый туман, задурманивший сознание, страсть в его сердце разгорелась неукротимым огнём. Он вспомнил, что суть возведения на Престол – отдача мужчины во служение Тиры. Эльфы понимали это так. Что ж, никто и не видит ничего плохого!

– *Вернен, Аль ту на вир, эль ту ар!* – прошептал Даратас требовавшиеся слова и полнотью отдался чувствам.

В этот день стены Золотых Ручьёв содрогнулись под мощной волной всеобщего экстаза!

* * *

Бывший отряд Гвоздя, а ныне Мердзингера, продвигался медленно, прислушиваясь к каждому шороху и останавливаясь перед каждым поворотом: в любой момент можно ждать засаду. Идти по пропахшему смертью коридору представлялось далеко не самым приятным занятием, но всё приняло совсем плохой оборот, когда одежда на теле пропиталась омерзительным ароматом разложения, и избавиться от него в данных условиях было невозможно! Какое-то время Ромунд делал всё возможное для борьбы с недугом, но затем его стало тошнить, причём так, что тело начинало сжиматься в комок. Он взмок. Голова кружилась, и мысли путались. Не выдержав, он попросил отряд остановиться, дать передохнуть, смочить горло.

– Блюй, парень, станет легче, – говорил Бочонок, подавая мех с остатками воды. – Мы, знаешь, однажды семь дней в траншее лежали, головы поднять не могли. Таргосовские ублюдки вели по нам обстрел Большим Огнём и пушками, не давая передохнуть. Многих сносило волной, не зажаривая. Они лежали вокруг нас, и... А впрочем... Ладно.

Ромунд старался не слушать бредни бывалого вояки, от которых становилось ещё хуже, и держал всё в себе, пытался, по крайней мере. Но, в конце концов, не справился, и его согнуло пополам в приступе дикой рвоты. По характерным звукам он понял, что одновременно с ним стало плохо ещё кому-то из отряда. Пока его выворачивало наизнанку, эльф внимательно осматривал карту, стараясь обнаружить хоть какие-то намёки на дополнительные проходы, тайные ходы, скрытые двери.

– Проклятая бумажка, – злобно ворчал он. Даже у него стали сдавать нервы. – Ни черта полезного нет!

– Сколько ещё до прохода вглубь? – спросил Медведь, вытирая пот со лба. Почему-то в подземельях вдруг стало душно и жарко.

– Метров семьсот, – бросил тот. – Ромунд, ты в порядке?

Слегка отошедший от приступа юноша легонько покивал головой. Он сидел на полу, прижавшись спиной к стене, стараясь прийти в норму. Отряд подвергался большой опасности, находясь в узком пространстве.

– А ты, Альма? Нормально? Ну, хвала богам! Пять минут, а потом вперёд.

Пока зрение принимало нормальный фокус, Ромунд блуждал взглядом по грубой стене коридора, испещрённой множеством зацепок, порезов и истёртостей. Видимо, бойцы республиканского гарнизона не сильно щадили казённое имущество... Однако стена так и осталась бы не заслуживавшей внимания стеной, если бы хаотичный взор юноши не напал на еле различимый знак, вырезанный в камне: ровный квадрат, перечёркнутый двумя линиями по диагонали и одной поперёк. На далёких туманных границах сознания что-то всплыло из того, что он когда-то читал, но настолько неразборчивое и неясное, что Ромунд не успел его ухватить и как положено обработать: Мердзингер приказал начать движение.

Проходя мимо болезненно ссутулившейся Альмы, Ромунд неожиданно для себя взял её нежную ручку в свою обтянутую грубой кожей перчатки ладонь и тихонько сжал, внимательно вглядываясь в затравленные глаза. Синяки и характерные мешки под глазами служили лучшим доказательством того, что девушка изнеможена, и организм потихонечку начинает сдавать позиции. Она что-то прошептала, но юноша, не успев разобрать, двинулся вперёд.

Унылый свет факелов освещал их короткую дорогу до необходимого перехода, где последовала новая остановка, во время которой эльф снова принялся исследовать карту, а Ромунд утишать Альму, которая чуть не плакала. Они сидели в углу, и, вжавшись в стену, обнимали друг друга, будто старались защитить себя и другого от возможных бед. Маг чувствовал себя немного неуютно, вспоминая об Эмми, но сейчас они были в такой ситуации, когда личные проблемы не в счёт. Не в счёт, и всё. Пока девушка жалась к его груди, Ромунд случайно наткнулся взглядом на мятый кусочек бумаги, на освещённой стороне которого застенчиво выглядывал недавно подмеченный на стене знак. Стараясь не взбудоражить Альму, юноша потянулся и взял бумажку, проворно спрятав в карман.

«Это становится интересным», – подумалось Ромунду. Уставшей и несчастной девушке было невдомёк: она находилась в сладком дурмане заботы и нежности, пускай самой малой части.

– Что-то маги наши приуныли, – пробурчал Бочонок, пыхтя трубочкой.

– Зелёные ещё. – кивнул Медведь. Невозмутимый великан стоял напротив прохода, и, сложив руки, всматривался в сумрачный коридор, уходящий под углом вглубь. – Хотя без этих салаг мы бы пропали давно. Вернёмся – я мальчишке бочонок вина, а девчонке горю цветов. Слово даю! – сказал воин и искренне улыбнулся, подмигнув Ромунду.

– Идём, – сухо бросил эльф, складывая карту.

Туннель, ведущий вниз, был куда хуже освещён, однако чуть более просторен, и не так сильно завален мертвецами. Три-четыре убитых бойца на пару десятков метров. Видимо, многих застали врасплох именно в караульных переходах. С обеих сторон через каждую дюжину шагов чернели провалы иных коридоров, пролежавших к казарменным помещениям, как пояснил Мердзингер. Судя по спёртому и отвратительному запаху, искать кого-то из живых там нерезонно.

– Не удивлюсь, если ребят били прямо на топчанах, – скривившись от невыносимой вони, сказал Бочонок.

– Уродство. Сдохнуть в трусах на кровати можно и в старости, – сжимая кулаки, пробурчал Медведь.

Метров через пятьсот туннель вышел в просторную овальную залу, озарённую светом десятков факелов. Аккуратные линии вбитых в пол столов, заставленных стульями, занимали немалый объём помещения, предполагая большое количество голодных и усталых

военных персон. На этот раз бойцы отряда не стали свидетелями хаоса и разрухи, царивших в прежних местах, где им не посчастливилось побывать за долгий поход.

– Странно. Ничего не понимаю, – сказал Бочонок, озадаченно оглядывая помещение.

– Что ж, у тварей есть зачатки культуры, – усмехнулся Медведь. – Да, Ромунд?

Юноша не ответил. Он стал медленно обходить зал, внимательно расследуя проходы между столами, и наткнулся на трёх человек в мастистых робах магистров Академии, лежащих треугольником ногами в центр.

– Теперь яснее, – крикнул он. По трапезной раздалось эхо.

– Что там? – заинтересованно спросил Медведь, в два прыжка оказавшись рядом. – Ага.

– Видимо, маги сдерживали натиск наступающих орд, давая возможность выжившим спрятаться, – заключил юноша, присев на корточки рядом с телами чародеев, которые не подверглись тлению. – Судя по всему, из них вырвали душу.

– Что? – изумился Бочонок, невольно хватаясь за висевший на поясе кинжал.

– Видите? Тело не разложившееся. Такое бывает, когда атакуют на ментальном уровне.

– На каком уровне? – переспросил Медведь.

– Эм, когда бой идёт силами духа и сознания, без материального воплощения магических потоков. Это достаточно сложная сторона магического искусства, которую изучают на кафедре Небесной Магии. Специалистов в этой области по пальцам пересчитать. А тут целых трое. мёртвых.

– Да ты по делу говори, болтун, – нахмурился Бочонок.

– Короче, то, что пришлѐпнуло этих магов, обладает невероятной силой. Я был свидетелем, когда пять элементалистов сражались с одним менталистом и проиграли. А вот что вырвало души из этих трёх...

– Ладно, не нагоняй страху. И так уже в штаны наложили, – недовольно сказал эльф. – Возможно, нас ждёт удача, и мы найдѐм кого-нибудь из живых. Кстати, заметили? Здесь не так воняет.

– Так, я хочу есть, – резко сказал Медведь, быстро выбросив из головы недавнее сообщение о жуткой опасности.

Ромунд и Альма переглянулись. В их головах вертелись десятки различных комбинаций противостояния возможной угрозе, а вояка лишь думал, как набить живот. Впрочем, Медведь на такое замечание ответил бы просто: «Бояться и суетиться можно всегда, а вот покушать удаётся нечасто».

– Кухня в том проходе, – сказал эльф, указывая на противоположную сторону, где виднелась распахнутая железная дверь. – Там несколько погребов. Но сначала накроем погибших.

– Лучше вынести в коридоры. Не дай бог. эти, как их. Варсонги! Прельстятся свежатиной. – сконфузившись, предложил Бочонок.

– Отличная мысль! – поддержала Альма. – Могу их потоками воздуха перенести в туннель, из которого мы пришли.

– Хорошо, выполняй, – кивнул эльф.

– Однако. – улыбнулся Медведь, и, подмигнув Бочонку, понёсся к заветной кухне, заметно перегоняя зазевавшегося сотоварища.

– Как дети малые. – флегматично пробормотала Альма, со вздохом опускаясь на корточки перед убиенными магами и простирая раскрытые ладони над ними. – Сейчас бы в ванну...

– Есть здесь ваннные комнаты, – кивнул эльф, снова уткнувшись в измазанный кусок пергамента. – Но не думаю, что ситуация располагает к необоснованным рискам.

– Да я понимаю. – сказала Альма тихим голосом, поднявшая безвольные трупы над каменным полом.

Ромунд, почувствовав невольную дрожь в коленях, пододвинул к себе один из стульев и присел, не переставая внимательно осматривать залу. Ему сильно не нравилась окружающая тишина. Никто не пытался атаковать их, убить, истерзать. Что же случилось? Их так яростно гнали вглубь подземелий, а теперь не хотят уничтожить?! Что-то странное. И вообще, что за странный знак на стене? Таковых среди официальных гербовых обозначений Республики не числилось. А менталисты? Сведения о них принадлежат к самой тёмной стороне Академии. Всё засекречено, всё под семью печатями и всевозможными грифами секретности. Поговаривают даже, что те, кто раньше знал ставших менталистами чародеев, загадочным образом исчезали или теряли рассудок, навсегда застряв в стенах Домов Скорби. И вот целых трое людей икс мертвее мёртвого лежат на холодном полу богом забытой трапезной Шестнадцатого Вала. Однако...

Рука Ромунда невольно потянулась к карману, где лежал заветный клочок пергамента с неизвестным знаком в заглавии, но он одёрнулся, заметив, что Мердзингер внимательно наблюдает за ним. Резко поднявшись, юноша стал неспешно обходить зал. Неприятное ощущение чужих глаз, прожигавших ему спину, угнетало, волнами мурашек пробираясь по спине. Стараясь отогнать неприятные чувства, Ромунд принялся увлечённо обследовать стены на предмет возможных знаков.

Обойдя залу кругом, маг ничего не нашёл, однако подметил одну невнятную странность: из помещения вело ровно шесть проходов, четыре из которых располагались по диагонали друг другу, если судить по проекции на овал трапезной, а ещё два ровно перпендикулярно по центру. Точно так же располагаются линии на странном рисунке. Однако там квадрат, а не овал. Нахмурившись, юноша хотел ещё разок осмотреть стены, но в этот момент Медведь с Бочонком, грузно топая ногами, с искрящимися улыбками на лицах вывалились из кухни, таща за собой три огромных куля с едой. Понимая, что если сейчас он не пойдёт и не присоединится к трапезе, то привлечёт ещё больше ненужного внимания, Ромунд поспешил занять место за столом, на котором лежали здоровенные куски вяленого мяса, копчёного цыплёнка, горки овощей и несколько головок сыра. Куда же делось недавнее омерзение и тошнота? А запах? Может, успели привыкнуть?

Играя дикими огоньками в глазах, бойцы в полном молчании навалились на еду, откусывая шматки от не порезанных кусков. Несмотря на то, что они ели не больше шести-семи часов назад, проголодались так, словно их держали на голодном пайке несколько дней. Даже такое хрупкое создание, как Альма, наворачивала за двух здоровых мужиков! Словно нечто вытягивает силы...

«Что-то здесь точно не так. Воронка воронкой, но почему нас никто не пытается прикончить? Почему нас так бережно гонят в глубины? Почему внимательно следят, чтобы мы пришли в назначенный срок в назначенное место? Неужели то, что руководит этими полчищами, разумно? Но почему мы? Почему сотни ребят в этих местах нещадно перебиты, а нас спокойно пропускают через такие места, где можно устроить засады на целые армии! А теперь ещё менталисты, неясные знаки. Что же ты такое, Шестнадцатый Вал? Всё, что я читал о тебе, говорит о том, что ты – непреступная цепь обороны, которую не удалось ни разу взять ни варварам, ни войскам Таргоса. Но какого чёрта здесь делают занятые тайными исследованиями менталисты, а на стенах и официальных бумагах вычерчены всякие знаки? Причём, это дело рук не тварей. Здесь даже помещение напоминает их!»

Пока члены отряда были увлечены едой, Ромунд, почувствовав насыщение, сделал вид, будто переел и больше не может, встал и, для пущего эффекта медленно переставляя ноги, подошёл к противоположному столу, расставил стулья и лёг на них, надёжно скрыв себя от глаз Мердзингера достаточно мощной деревянной столешницей.

Осторожно достав бумагу из кармана, юноша сначала ещё разок обследовал сущность знака, а затем стал вчитываться в неразборчивые каракули:

«Медэксу, старшему уполномоченному Гильдии.

Я, конечно, понимаю, что вы безумно загружены в связи с последними событиями вокруг Проекта, но для дальнейших изучений нам потребуется больше ресурсов и времени, чем предполагали Отцы. Если второе ещё кое-как можно выторговать у начальства, то довольство первым полностью зависит от вашей расторопности, господин Медэкс, которую вы, к нашему большому сожалению, не проявляете. Настоящей запиской хочу вас предупредить, что если Энергон прекратит свою работу, и в качестве следствия Отцы понесут колоссальные убытки, в первую очередь спрос будет с Вас. Серьёзность нашего дела предполагает самую серьёзную ответственность! Даю вам ровно три дня, которых хватит, чтобы поставить нам необходимые ресурсы. Потом будет поздно. Вспомните судьбу вашего предшественника. Не повторяйте подобных ошибок.

Палантир, руководитель хозчасти Энергона»

Чуть ниже на два пальца, был подписан ответ.

«Уважаемый Палантир!

Ваши беспочвенные угрозы не способны ввести меня в заблуждение. Как вы правильно заметили, руководство поставкой ресурсов полностью моя задача, однако я в немалой степени завишу от той квоты, которую установил Совет Гильдии. Я не могу вам дать больше, чем у меня есть на базе, постарайтесь это хорошо уяснить. Я подал ваш запрос в Совет, но пока никакого толкового ответа не дождался. Советую обратиться вашему Консилиуму прямо к моим начальникам. От этого, может, будет больше толка. Также хочу заметить, что в связи с множеством аварий, доставка будет сильно отягчена различными трудностями.

Медэкс, старший уполномоченный Гильдии».

Ромунд перечитал переписку несколько раз и в каждый последующий запутывался ещё сильнее. В немногочисленных строках была запечатлена такая мощная информация, что юношу пробрала волна жара, вмиг нагревшая молодое тело до состояния нервного потопотделения. Наверное, проще всего это состояние можно назвать страхом. Простой боец армии Республики прикоснулся к чему-то очень и очень секретному, цена которого исчисляется человеческими жизнями! И это по-настоящему пугает. Хотя и привлекает. Проклятое любопытство!

Услышав шорох со стороны стола, где кипела трапеза, юноша встrepенулcя и спрятал пергамент в карман. Вскоре над ним промелькнул Мердзингер, заинтересовано скользнув взором по его персоне, затем Бочонок, равнодушно прошедший мимо с целью завалиться на соседний стол, будучи не в силах нести себя и тот груз, который он принял в свой объёмный желудок, а затем Альма, подмигнувшая молодому магу и пристроившаяся на ближайшем стуле. Судя по дрогнувшим губам, она хотела что-то сказать, но затем, дёрнув бровью, передумала и отстранённо уставилась в потолок.

— Ромунд! — окликнули юношу из середины зала. Маг дёрнулся, вырвавшись из исступления, и, вскочив со стульев, обернулся к позвавшему. Это был Мердзингер, подзывавший его жестом к себе. — Идём со мной. Надо найти место для сна.

— Да, командир!

— Посох-то чего оставил?

— А, чёрт! — взмахнув руками, выругался Ромунд, возвращаясь назад к столу, на который неосознанно положил своё оружие.

– Эге, да ты нервничаешь, братец, – прищурившись, проговорил эльф.

– Мне кажется, в сложившейся обстановке это нормально. – тихо ответил маг, спокойно выдерживая тяжёлый взор Мердзингера.

– Ну ладно, – вдруг расслабившись, сказал эльф и пожал плечами. – Крой мне спину.

Не говоря больше ни слова, командир уверенно направился по диагонали к чернеющему арочному проходу. Ромунд хотел спросить, почему тот так твёрдо направился именно туда, но вспомнил про карту, которая всегда была при Мердзингере, и отбросил лишние сомнения. Но нелишние сохранил при себе. Всегда нужно быть начеку.

В узком коридоре было совсем тускло. Пришлось зажечь магический огонёк, взлетевший в виде маленького шара над головами бойцов.

– Да, так лучше, – удовлетворённо кивнул эльф, вытаскивая стрелу из колчана.

– Тебя что-то насторожило?

– Пока нет.

Туннель шёл ровно вниз, не сворачивая и не расстраивая лишними изгибами. По обеим сторонам скучно стояли распахнутые двери. Дышалось легко и свободно. Никакого запаха разложения или затхлости.

– Будем проверять каждую комнату отдельно, – строго сказал Мердзингер. – Я вперёд, ты за мной.

Осторожно заглядывая в каждое помещение, бойцы ничего странного или пугающего не обнаружили, несмотря на то, что в голове Ромунда то и дело проскакивала малодушная мысль о возможной засаде. Пару раз мелькнули страшные образы, но маг постарался их посильнее размыть в сознании, не дав проклятой воронке материала для творчества. Однако его мысли в большей степени занимала та информация, которая содержалась в прочитанной служебной записке неких людей, принадлежавших, по всей видимости, к некоему тайному сообществу, действовавшему до недавнего времени в этих мрачных стенах. Ведь ни о каких особых гильдиях в Республике никто не ведал. Властный Сенат быстро реорганизовал все побочные ответвления власти в государственные учреждения и органы ещё на заре становления Умрада, а с непокорной Гильдией Магов, задиравшей нос от гордости к самым небесам, расправились несколько лет назад, подогнав войска и разрушив башню непокорных. Теперь вместо неё в Республике всеми магическими делами заправляет Фебовская Академия. А тут такая секретность, да ещё и с такой строгой организацией. Неспроста всё, неспроста. И вообще что за Проект и Энергон? Что за интересности такие.

– А где твой щит, солдат? – вдруг спросил эльф, внимательно рассмотрев очередную комнату, набитую, как и прочие, всяким разбитым хламом, разодранными постельными принадлежностями и кусками разломанной мебели.

– В деревне бросил, – честно признался Ромунд. Сие прискорбное обстоятельство совсем вылетело из его головы, и только сейчас, с подачи эльфа, он вспомнил об этом.

– Ну и дурак.

– Да мы так неслись...

– И что? У тебя же не кусок стали в руках был.

– Ну да, деревяшка.

– Эта деревяшка могла тебя спасти от неожиданной стрелы, когда магия в очередной раз отказала б тебе.

– Только в том случае, если бы снаряд был заряжен исключительно на пробивание магической защиты. А если б ему придали тупой мощи, меня снесло бы вместе со щитом, ещё и закопав по пояс в землю.

– Ты кого пытаешься убедить, салага?

– В смысле?

– При мне колесо от телеги человеку жизнь спасло. А ты про тупую мощь. В бою самый большой враг и союзник – это случайность. Своё чванство оставь для дурочек всяких. Они иной раз любят ещё сильнее почувствовать себя дурами. Но здесь ты внимай, впитывай. Может, ещё и живой останешься.

Все осмотренные до этого покои служащих чем-либо не устраивали командующего отрядом. То слишком грязно, то сыро, то просто не пришлось по душе. На взгляд Ромунда, любое из них подошло бы для короткого и беспокойного сна, но эльф неуклонно вёл вперёд, оставляя одно за другим позади.

– И что? Долго ещё? Второй десяток закончился.

– Нет. Ещё два.

Ромунд равнодушно пожал плечами, как обычно занимая позицию за спиной Мердзингера, когда тот двинулся к следующему помещению, и вдруг его глаза случайно скользнули по неожиданно закрытой двери противоположной комнаты и наткнулись на знакомый знак, аккуратно нарисованный красной краской. Позабыв о напарнике, юноша всем корпусом повернулся к находке, и хотел потянуть ручку, как эльф резко дёрнул его за плечо и покачал головой.

– Крыть меня кто будет? – тихо и зло спросил он.

– Я просто... – замялся юноша и тут же получил удар рукой в грудь, от которого у мага перехватило дыхание. От невыносимой боли он повалился навзничь.

– Придурок. Всё, нашли место. Вон то, – рявкнул эльф и указал на какую-то из комнат, которую не так давно усердно браковал. – Вставай давай. Слабак.

Откашливаясь, маг медленно поднялся. Удар бывшего вояки подкосил его так сильно, что приступы удушья прошли лишь когда маг использовал магию быстрого восстановления, применявшуюся чародеями во всех случаях дискомфорта. Следуя за возвращающимся в залу эльфом, Ромунд быстро соображал, что делать дальше. Может, оглушить да расспросить? Проклятый получеловек неспроста снёс его, заставив забыть о двери со знаком. Теперь подозрения и сомнения юноши начинают приобретать основу, которая крепнет с каждой мыслью. Тёмный тип что-то знал.

– Ну что? Нашли что-нибудь? – осведомился Медведь, встречая обернувшихся сотоварищей. – Надеюсь, без пачки зомби в тёмном углу?

– Ты поговори ещё, – резко сказал эльф. – Следи за языком.

– Да я то...

– Заткнись. Всё, взяли манатки и быстро за мной. Выспимся – и дальше.

– Да уж... Было бы неплохо, – удовлетворённо сказал Бочонок, похлопывая по раздувшемуся пузу.

– Странно, лучше бы пачка зомби, а то я начинаю привыкать к спокойствию. Не по душе мне это, – сказал Медведь, подхватывая заготовленный куль с провиантом. Выражение его лица приняло какой-то чересчур умный вид, отчего Ромунд слегка улыбнулся.

– Всем молчать! – взревел вдруг эльф, и, не оборачиваясь, зашагал обратно в туннель.

– Что с ним? – нахмурилась Альма. – Ром, а ты чего такой бледный?

– Ничего. Идём, – отмахнулся юноша и последовал за Мердзингером. Он знал, почему эльф так ведёт себя: он банально нервничает. Что-то идёт не так.

Комната, в которой разместился отряд, была самой вонючей из тех, которые обследовали они с эльфом, но Ромунд смолчал. Он видел, что командир полностью охвачен какими-то посторонними мыслями, и старался обращать на себя как можно меньше внимания. Спать Ромунд не собирался, особенно после того, как Мердзингер заявил, что первым на посту будет сам.

– Следующий Медведь. Дежури́м по два часа. Всё, всем отдыхать! – сказал эльф и вышел из комнаты.

– И как он будет нас охранять? – изумился Бочонок. – Случаем, вина с собой не прихватил? Может, ему хочется уединиться?

– Не волнуйтесь, – успокоил их Ромунд, – я пока спать не хочу. Посторожу маленько.

– Ну, в таком случае я точно спокоен! – заявил Медведь. – Но спать хочу дико. Посему, всем доброй ночи. или доброго сна. Впрочем, неважно, – выдав эту тираду, Медведь завалился на чудом сохранившийся матрас, выдернутый с разломанной кровати, и вмиг заснул.

– Вот это да... – промямлила Альма. – Я так не могу.

– Привыкнешь, – зевая, пробормотал Бочонок. – Военный ритуал. Вот. – напоследок кинул он, и, улёгшись на подстеленные чистые тряпки, найденные тут же, спокойно ушёл в Мир Грёз.

– Да. – недовольно пробурчала девушка, укладываясь на военную подстилку, полагавшуюся каждому бойцу Республики. Кроме неё и Ромунда остальные члены отряда её пренебрегали, большее предпочтение отдавая подручным средствам. – Ромси, ты правда немного посторожишь нас?

– Да, – кивнул маг, витая в своих мыслях.

– Ну, хорошо. Я спокойна, – улыбнулась девушка и, свернувшись, как ребёнок, калачиком, заснула.

* * *

Когда Данила и Яр без всяких происшествий добрались до Ватрад Вил, на дворе стоял поздний вечер. Как обычно, сговорчивые стражи за пару серебряников впустили их за железные ворота, не задавая лишних вопросов и тут же потеряв к пришельцам всякий интерес. Яр улыбнулся, потирая руки:

– А потом спрашивают, как всякие нехорошие типы проникают в «защищённые» места.

Данила хмыкнул в ответ, разглядывая добротные дома деревни, если это поселение можно назвать таковой. Лет тридцать назад Ватрад Вил было простым захолустьем, коих можно насчитать десятки по всему Гипериону. Но затем в Аштральских горах обнаружили золотые жилы, и многие жители быстро сменили плуг на кирку, а кто посмекалистей и мастеровитей – ещё и ремесленное дело открыл, чеканя для Святой Инквизиции казённую монету или кое-как справляясь с заказами на украшения. Конечно, реальных профессионалов, как в Торвиле, здесь вряд ли можно найти, но жили в этих местах неплохо, о чём можно судить по почти полному отсутствию деревянных хаток и преобладанию двухэтажных каменных домов.

Данила случайно поймал себя на мысли, что он, как последняя паскуда, думает о чужих деньгах, чуть не пересчитывая их по знакам, но с собой поделаться ничего не мог. Всю жизнь прожил без золотого в кармане, мечтая о лучшем, которое постоянно безвозвратно исчезало в пыли времён. Поэтому он появлялся в населённых пунктах очень редко, предпочитая тихую глушь Лагеря или дозорных местечек.

– Ну что, старина, похоже, здесь наши пути разойдутся, – сказал Яр. – Можешь в охранники наняться к здешним властям, а можешь в гильдию воинов вступить. Думаю, с твоим опытом не пропадёшь.

– Да уж, – пробурчал в ответ охотник. Никакого расстройств по поводу расставания Данила не испытывал, а его будущее этого болтуна не касается.

– Если не возражаешь, зайдём на прощание в одно славное местечко. Выпьем эля, вина, можно и горилки. Я заплачу.

Если бы не последние слова, старый вояка послал бы куда подальше сентиментального спутника, но, искусившись безвозмездной выпивкой, согласно кивнул.

– Отлично! – хлопнув ладонями воскликнул Ян и быстрым шагом двинулся по неровной дорожке, ведущей от ворот в центр Ватрад Вил.

Данила покачал головой. Всё, что он слышал об асассинах Шепростана, никак не вязалось с этим выхухолем. Да, мальчишке мастерства и силы не занимать, но его язык рождён для менестреля или бродячего барда. И дураком-то не назвать. Вон как умело скрывался под личиной салаги-Яра, а оказался прожжённым волком, совершившим многие запомнившиеся на весь Гиперион убийства. И что прикажете думать? Или это – очередной маскарад, специально заготовленная маска для окружающих, способная породить сомнения и неуверенность в сознании любого человека. Очень даже может быть. Отличная тактика! Все считают тебя добрейшим души человеком, а ты – раз. и кинжал в спину. Вот и всё...

А вообще, конечно, препогано общаться и выпивать с тем, кто недавно пытался убить тебя и твоих друзей. Бесчестно это. Но, с другой стороны есть такой межклановый закон, что когда нет возможности помочь клану, а клан неспособен подсобить тебе, то понятия о друзьях и врагах сильно смешиваются, ибо главный принцип – выживание. Все его хорошо знают, и, появившись сейчас Строгонов здесь, если ему посчастливилось выжить, он не осудил бы поступка Данилы. Так принято. Так надо.

По нешироким улочкам пока не названного городом селения бродили усталые люди, возвращавшиеся домой с тяжёлой работы. Их закопчённые сажей лица выражали одно желание: сбросить треклятую кирку с плеча и утонуть в мягкой перине домашней постели, заснув самым глубоким сном, дабы завтра поутру были силы вновь спуститься в шахту и продолжить трудную повседневную работу, которая, однако, не оставляла их нищими, как многих бедолаг, работавших на рудниках по всему Гипериону. Нет, здесь-то Ватрад Вил полностью обеспечил себе автономность, захватив в свои руки Аштральские золотые жилы, отчего пришлось бесконечно воевать с теми, кто пытался отбить владения горняков.

В прошлом только Инквизиция сумела поставить сих независимых людей на колени, обложив их солидной данью, но здешние трудяги так хорошо работали, что добытого металла хватало и продолжает хватать не только на повседневные нужды, но ещё и на содержание наёмных отрядов, способных потягаться с любым кланом в бою. Кроме того, совсем недавно жилые кварталы обнесли крепкой стеной и выкопали ров. По старинке многие именуют Ватрад Вил деревней, но это давно не так. Просто тридцать лет для многих не срок. Для здешнего рабочего сословия это быстро пролетевшее время, особенно когда много и усердно работаешь. Хотя, конечно, начинают выделяться иные касты. Например, такие, как купеческая и управленческая. Их-то домины видны со всех концов городка, возвышающиеся позолоченными крышами над всеми остальными. Дурацкую привычку лить золото везде, где душе угодно, богатые ватрадцы переняли от знати Шипстоуна. Там-то люди перенасыщены деньгами. В целом, конечно, жили здесь рабочие среднего достатка, пускай батрачившие от зари до зари, но нёсшие деньги в семью. Ни одного нищего Данила с Яном не повстречали, тогда как в Шипстоуне они чуть не рядами становились вдоль улиц, протягивая больные, измолотые судьбой и человеческой жестокостью руки.

– Прямо маленькое государство, где всем хорошо живётся! – сказал Ян, мотая из стороны в сторону головой. – Мечта идиота!

– Почему идиота? Вроде Франческо де Орко писал о путях создания Страны Благих.

– И от кого я слышу сию чушь? – рассмеялся Ян. – От мудрого старца или вздорного мальчишки? Кстати, это единственная книга, которую ты прочёл?

– Ну я...

– Ты же всю жизнь прожил в таких условиях, когда своры голодных волков рвут друг друга на части, стремясь к ресурсам и славе. Ты прекрасно знаешь, что из себя представляет характер тех, кто стремится к наживе. Нынешнее состояние этого городка – временное

недоразумение, которое вскоре пресекут люди поумнее и посообразительнее тех, кто привык махать киркой.

Поверь, скоро многие честные работяги вдруг обнаружат, что им придётся отдавать половину дохода некими лицам законного происхождения. Попробуют дёрнуться – их на эшафот, под топор или верёвку. Государство, друг мой, всегда угроза, с которой нужно либо дружить, либо мириться. А бороться бесполезно. Слишком много чужих интересов сплетено в один комок. Принцип прост: выживает сильнейший.

– Мы живём по волчьим законам, потому что сами были выкормлены в стаях волков. – попытался огрызнуться Данила.

– А ты предлагаешь воспитывать ягнят? Волки-то не переведутся. Они, знаешь ли, живучи. А вот, кстати, и наш кабачок! – воскликнул Ян, обращая внимание Данилы на яркую вывеску над массивными створками дверей, представляющих вход в объёмистое круглое здание, сложенное из добротных каменных блоков.

– Слёзы Феникса. – прочитал надпись Данила.

– Верно! – ехидно улыбнулся Ян. – Кстати, не знаешь, откуда такое названьице?

Охотник развёл руками.

– Не удивлён, поверь. Сие словосочетание употребляется в одной старинной эльфийской балладе, которую когда-то давно один из Первопришедших перевёл, а потом записал на пергамент. Такое, на взгляд эльфов, кощунственное деяние не сошло ему с рук, и, как он ни скрывался, его зарубили изогнутым эльфийским кинжалом, но творение своё он успел сбавить какому-то купцу, а тот ещё какому-то... В общем, затерялась роковая бумажка. Отыскалась она случайно. Если хочешь, расскажу за кружечкой, как именно.

– Ну, небось, кому-то горло вскрыли. – вяло пробурчал Данила. Он хотел хорошенько выпить. А потом заснуть.

– И не одному, поверь! История интересная до ужаса, пробирающего до костей! Идём, – открывая дверь, сказал Ян.

– Так к чему название-то?

– А сын того переписчика дело организовал. Эльфы, когда папку решали, его не тронули – мал был в то время, а потом, когда счастливчик стал думать, как назвать заведение, в голове вдруг всплыли слова из сказки, что отец рассказывал. Вот и стал кабачок Слезами Феникса. Удивительно, но здесь и правда слёзы постоянно лют. От счастья, от горя. Эльфы уже ничего к тому времени сделать не могли – всех их загнали в сердцевины самых дремучих чащ. Ну да ладно. Прощу! – виртуозно покрутив рукой, Ян сделал жест, приглашающий проследовать внутрь.

Данила с сомнением посмотрел на спутника, не желая лишний раз подставлять спину, но прошёл вперёд, хотя с неприятным ощущением, будто ему в бок упёрлось остриё ножа. Но ничего страшного не случилось. Опасный наёмник, громко хлопнув дверью, улыбаясь во все лицо, вышел вперёд, и, лавируя между забитыми до отказа столиками, уверенно проследовал к стойке, за которой стоял неимоверно полный владелец кабака.

Данила осмотрелся. Заведенье имело целых три этажа, доверху заполненные посетителями. Со всех сторон нёсся шум пьяных разговоров, звон сталкивавшихся в хмельном угаре кружек, развязный женский смех и вперемешку с ним добротная ругань. Никакого особенного убранства, лишь пара второсортных картин на противоположных стенах напротив друг друга. Грубые угловатые столики, натканные где попало, простые табуретки вместо стульев. Однако, как подметил острый глаз охотника, прибитые к полу. Пахло свежей снедью, элем и разгорячёнными мужчинами. Типичная нора, где можно дать волю инстинктам.

– Ронни. Я же просил! – уловил Данила обрывки разговора Яна и хозяина кабака. – Ну, какого?

– Всё будет хорошо, мистер Батчер! Не сердитесь! – умоляюще стонал некий Ронни.

Данила подошёл ближе.

– А это с вами, да? – спросил хозяин и чуть не со слезами в глазах посмотрел на старого воюку. Тот поспешно отвёл взгляд в сторону. Нечего искать в нём союзника.

– Ты тему-то не меняй! – горячился наёмник. – Иди к тем бравым парням и выстави их за шиворот, иначе за дело возьмусь я, и трём жёнам поутру придётся лить слёзы у тебя на пороге. Пускай это для тебя и не впервой, но если в твоём толстом брюхе ещё совсем не заплыло жиром сердце...

– Ну как же так? Ко мне же ходить не станут! – расстраивался Ронни. – Проклятый конкурент Филчер у меня всех посетителей переманит.

– Ах ты, толстосум, проклятый! – воскликнул Ян и огляделся. Данила последовал его примеру. К своему удивлению, охотник обнаружил, что все заседатели питейного местечка осторожно косятся на их скромные персоны. Хотя чего странного? В отличие от одетых в простые рабочие рубахи да штаны здешних ребят, Данила-то с Яном в полном вооружении стоят. Да ещё и неприветливо на всех озираются. – Ладно, дурак ты этакий. Неси лучшего вина, эля и самой свежей и хорошей стряпни. Не дай бог потравишь, ух, тогда я тебя! – сказал наёмник, сунув кулак под нос хозяину. Тот чуть не с визгом отпрянул назад. – А мы пока освободим местечко. И не трусь. Крови не будет, – с этими словами Ян уверенно двинулся в самый дальний и плохо освещённый угол кабака, где за небольшим столиком сидело трое коренастых парней, всю глушивших эль. Кстати, только они не обратили ни малейшего внимания на вновь пришедших.

– Мистер Батчер? – с сомнением спросил Данила.

– У меня много имён, – бросил Ян через плечо, подходя к цели. – Ну что, ребят, может, выйдем, поговорим? – с нахрапа поинтересовался он.

Доселе весёлые парни враз посерели и обратили внимание на незнакомца.

– Зачем? Нам и тут хорошо! – заявил один из них, носивший неухоженную чёрную бороду с неуместными бакенбардами.

– Да потолковать о том, о сём. Там воздуху больше.

– Пошёл вон, коль проблем не хочешь! – зло бросил другой, нервно постукивая толстыми пальцами по столу.

– Проблем? От вас? – улыбнулся Ян.

– А ты сомневаешься? – подал, наконец, голос третий.

– Да вообще-то да. – поджав губы, ответил наёмник.

– Ну, тогда пойдём, поговорим, – угрюмо сообщил бородач.

– После вас, господа, – повторив свой жест, предложил Ян, словно нарочно подставляя лицо для удара.

Бородач хмыкнул и двинулся к выходу. За ним последовали собутыльники.

– Данила, займи пока местечко. Господа могут и не вернуться. – загадочно сказал Ян и двинулся следом за соперниками.

Охотник с радостью остался. Совершаемое проклятым асассином деяние никак не укладывалось в его понятия. Ребята же никого не трогали.

Не успел Данила пристроиться, как Ян вернулся, свистнув по пути одной из обслуживавших столики девушек:

– Прибери-ка столик, дорогая, господа решили освежиться! – сказал он, усаживаясь напротив охотника. – Не волнуйся, все живы, – бросил он Даниле, устлая на спинке стула тёмный плащ. Кстати, это был единственный столик, за которым стояли стулья, а не табуреты. – Немного сонного порошка, и всем стало хорошо. Уложил их в сено, укрыл. Не замёрзнут. Заодно и проспят. А то резвые чересчур.

Дальше они молчали. Каждый думал о личном и не желал делиться с посторонним. Вскоре принесли пенящиеся кружки крепкого эля. Сделав первый глоток, Данила залпом

опрокинул половину пинты, а затем, посмаковав напиток на вкус, опустошил сосуд до дна. Пересохшее горло увлажнилось, и настроение улучшилось. Захотелось напиться. На столе стояли четыре наполненные до краёв кружки, поэтому задуманное можно осуществить сполна. Плюс вино, которое подадут с едой.

– Ты не спеши, старик, – усмехнулся Ян, медленно потягивая эль. – Штука неплохая, но голова с утра болеть будет.

Охотник отмахнулся.

– Нашёл, чем пугать, – хмыкнул он.

– Ну, смотри. – пожал плечами Ян. – Впрочем, что-то разговор у нас не клеится.

– А ты свою басню расскажи, может, завяжется о чём.

– Басню? Зря ты так, – нахмурился наёмник. – Ладно, погоди. Мне одной кружки мало будет.

Они снова помолчали, не забывая про хмельное зелье. К концу второй пинты принесли жареное мясо с печёным картофелем. Голодному Даниле обычная для многих горняков Ватрад Вил еда показалась божественным лакомством. Уплетая за обе щёки, Данила чувствовал себя самым счастливым человеком. Последние деньки выдались чересчур насыщенными для его старого ума и тела.

– М-да, Данила, жизнь вот такая штука. – вдруг начал Ян. – Вчера ты был в полной уверенности, что твой обыденный мир будет стоять, пока сильные мужчины держат его на своих плечах, и сам был готов отдать за него жизнь, а сегодня, потеряв всё, радуешься дешёвой стряпне в не самом престижном местечке. Эх, старик, сколько же тебя носило по земле, сколько мотало, и вот вновь швырнуло чёрт знает куда. Не смотри на меня зверем, ты знаешь, это так. И в чём правда? В деньгах? В грубой силе? Или в тонком уме? Почему одним достаётся всё, а другим... Знаешь, меня тоже хорошо поносила судьба, потаскала по миру, с большим удовольствием окуная в самое дерьмо этой самой рожей, и я до сих пор не знаю, в чём правда. То, что тебе кажется истинным и вечным, в один миг может исчезнуть, а что божественно красивым и светлым – стать уродством и сгинуть во тьме.

– К чему это? – спросил Данила, допивая эль и принимаясь за вино.

– Да и правда, к чему? Так, хмель развязывает душу, знаешь ли. Ну да ладно, я обещал тебе историю страшную рассказать. Ну что, слушай же, только не перебивай. Итак...

Несколько лет тому назад, томясь муками творчества, я проводил скучные часы в пьяном угаре во всех значных местах города Санпула. Не скупился ни на дорогую выпивку, ни на хорошеньких женщин. Кутил и жил в своё удовольствие, не зная забот. Однажды на одном из вечеров вдруг подметил неких тёмных типов, втихую косившихся на меня. Я поначалу не придавал этому значения, продолжая смачно кутить на немалые средства, заработанные тяжким трудом, но ребята не отставали, вскоре обнаглели и принявшись неотрывно следовать за мной из кабака в кабак каждый вечер, непременно располагаясь на два-три столика позади моего.

Я стал ждать, что произойдёт, нарочно заставляя гадов открываться, но ничего особенного так и не случилось. Тёмные просто ходили по пятам за мной. Ну вот, спустя несколько недель неотступной слежки, я решил взять дело в свои руки, и, исполнив пару неплохих комбинаций, подкараулил дураков, обезоружил, и, прижав к стенке, стал требовать объяснений. Но ничего не получил. Проклятые уродцы просто сдохли у меня на глазах. Почему? Да я так толком и не понял. Только заметил зеленоватый дымок, вырвавшийся из их ртов в момент смерти. Видно, раскусили пилюлю какую-нибудь с ядом. Впрочем, не суть. Стрёмное преследование пресеклось, но я не успокоился, и стал каждый день ждать неприятностей, и они, поверь, однажды пришли за мной.

Подстерегла меня дюжина таких засранцев прямо у входа в одну из моих законспирированных (как я считал) ночлежек, и принялась скручивать. Но ребята не на того напали.

Несколько профессиональных штучек у меня имелось, не скажу каких, и все нападавшие быстро потеряли ко мне всякий интерес, сыграв в ящик. Но и на этом не закончилось моё «везение». Как только я в тот же вечер пришёл на другой схрон, меня ждал очередной сюрприз. На моём диване сидел какой-то чересчур умный да сильный маг, спеленавший меня в два счёта, пригвоздив к доскам пола. Никаких знакомых стихий я не почувствовал, поэтому и не смог ничего противопоставить гаду. Лишь впоследствии узнал, что подобных ему называют менталистами. Так вот. Значит, говорит он мне: «Жить хочешь?» Ну, я отвечаю, мол, было бы неплохо. «Ну, тогда, – сказал он, – принимай поручение. Не бесплатно, конечно». Заказали мне какого-то богатого купца, кроме того, содержимое его кошель, который он носит на шее. Обещали полмиллиона. Неплохо, кстати. Ну, я и согласился. Думаю, чего уж тут. Простое дело, особенно мараить руки и не нужно. А зря.

На следующий день ко мне поутру пожаловали совсем иные молодцы, скрутившие меня теперь по-честному, руками да ногами, прижав к тому же пыльному полу моей комнатки. Стал разговаривать со мной их глава. «Жить хочешь? – говорит он мне». «Да что вы, сговорились, что ли? Да, хочу! Что делать-то? – отвечал я». «Убрать того, кто меня заказал. Даю миллион». Вот тебе и на... Нехорошо подставлять клиента, да ещё и его же жертвой делать – могут потом иные заказчики доверие потерять. Но что мне оставалось? Головорезы этого купчишки мне в рожу клинками тыкали, пришлось согласиться. Но спешить я не стал. Решил прощупать, что да как. Нужно было решить, кого лучше убрать да без особых проблем для себя.

По своим каналам сначала пробил купца, Цангером звать. Оказался личностью крайне серьёзной: работороговец да продавец веселящего порошочка. Серьёзные связи с Республикой, с королевством Таргоса. Кроме того, многие должностные лица в Совете Санпула держали его запанибрата. В общем, всё серьёзно и основательно. Но за таких вряд ли кто мстить будет. Наёмники воюют за подобных Цангеру, пока им платят, а друзья есть, куда ты им можешь что сделать. А вот с тем магом... Пару раз слежку подмечал, ловил его темных прихвостней. Разок удалось дураку одному челюсти разжать, не успел раскусить яд. У них там, знаешь, к задним зубам железками маленькая стеклянная капсула приделана. Если посильнее надавить зубами – хрусть, и субъект готов. Ну, я ему палочку под нёбо вставил и ножом зубы вместе с этой дрянью выковырял, и стал допрос вести, а он возьми да шею себе сверни. Сумел, зараза, руки развязать.

В общем, понял я, что с этими ребятами шутить больше не стоит. Нужно купца решать, да сматываться с Санпула, пускай даже денег не получу, зато репутацию да голову в целости сохраняю, – здесь Ян сделал паузу, не спеша доел ужин, выпил вина. Затем, достав из бокового кармана трубочку, закурил. Ещё немного помолчав, он продолжил: – Сделал, как надо: изучил повадки субъекта за две недели, достал план его немалого домины с участком, вызнал схему караулов и принцип их смены, подобрал снаряжение, и, наконец, в одну прекрасную ночь стал стеречь «клиента» в его спальне, ожидая, когда он вернётся с пышного бала, который закатил один из местных богатеев. Но, знаешь ли, меня ждал сюрприз.

Вместе моего дорогого и обожаемого Цангера, в комнату проскользнуло несколько темных фигур, которые решили со мной посостязаться в ближнем бою. Но что-то не рассчитали ребята и сложили свою удачу в коврик шелковый. Но и мне несладко пришлось. Как только я удрать вздумал, в меня кто-то сзади дротиком – хлоп! И всё. Я провалился в сон. Благо в окно не выпал, не успел вступить на подоконник, – наёмник вновь замолчал. Откинувшись на спинку стула, он поглядел в потолок, медленно выпуская клубы дыма. – Очнулся я в каком-то тёмном подвале, нагой и подвешенный за руки. Вон, смотри на запястья, видишь шрамы? – Ян засучил рукава и показал Даниле чудовищные следы от порезов. – Сволочи проволокой железной подвязали, чтобы не рыпался. Всё тело болело, на лоб с рук капала кровь. А рядышком Цангер висел, тоже голышом. Хныкал, жаловался на судьбу. Перед нами,

как сейчас помню, некие лица в алых одеждах стояли, безмятежно сложив руки на груди. Лица закрыты страшными белыми масками в виде черепов. Могу сказать одно: точно не приспешники странного мага. Постояли они, поглядели на нас какое-то время, а потом один из них кулак сжатый вверх поднял, и другие молодцы принялись за толстяка-купца... Эх. Выпью за старину Цангера целую, – сказал Ян, доливая в бокал вина. – То, что они с ним делали, я не видел даже в пыточных камерах Святой Инквизиции.

Я блевал, болтаясь подвешенный за проклятую проволоку. Они с него живьём мясо потихоньку снимали, знаешь, методично так... Начали с ног и рук, а потом постепенно вверх поднимались. И как заведённые спрашивали: «Феникс! Что ты знаешь о Фениксе?!» А тот кричал им, что ничего, до тех пор, пока они, не оголив его конечности до костей, не вырезали ему сердце. А потом, оставив безвольное тело, решили приняться за меня, но не тут-то было. В подвал ворвались знакомые мне тёмные ребята и завязалась магическая потасовка. Заклятья вокруг так и сыпались! Я уворачивался, как мог. Наконец, одна огненная стрела сожгла проволоку, и я свалился вниз. Под шумок, прихватив какие-то шмотки, валявшиеся в углу, я смылся.

В ту ночь бежал из города. Нёсся я со скоростью ветра сквозь Хартонский лес, стараясь как можно лучше замести следы, потом галопом по Гедеевским вершинам, наконец, через степи в Кайтонийский лес – там лёжка была моя, дремучая такая, ветхая. Там я ловушек понастроил, манекен свой слепил, положил на топчан, а сам в подвале засел. Недели две не вылезал, питался заготовленным провиантом. А как только выполз на свет, меня снова эти тёмные – цап! И скрутили. Представляешь? Словно сидели всё время там. А я ведь ни шороха, ни писка не слышал.

И снова этот магик сидел у меня в кресле (правда, куда худшем, чем то, что в Санпуле, но это его не смущало) и зыркал на меня из-под своего капюшона. «Ты влип, приятель, – сказал он тогда. – Вот, деньги твои, полмиллиона, как обещал, хотя, конечно особо не за что, – и вносят, значит, его молодцы два тюка с золотом и кладут в угол. – Однако отныне ты исключительно на меня работаешь, причём впредь бесплатно. Ребята из Готикс тебя преследовать будут, пока не сгноят. Не любят они всех, кто хоть как-то связан с нами». «А что за ребята-то? – вопрошал я». «Серьёзные. Шутить не любят – сам видел. Мой помощник тебя в курс дела введёт. Будешь врагам корни подрубать. Потихонечку». На этом он ушёл, а какой-то угрюмый тип по прозвищу Большой Бобло стал мне что-то втирать про некую тайную организацию, которая во что-то верит, что-то пытается достичь, и, главное, хочет поубивать всех, кто замешан в этой интересной истории, в том числе и меня, дорогого.

Сам понимаешь, мне ничего толкового не сказали, лапши только всякой. Главное, дали порошок магический, защиты, значит. Сначала я не понял, зачем мне это, однако потом на деле парни из Готикс показали мне свою немалую силушку в магии. Вот тогда-то я оценил подарок тёмных по достоинству. Кстати, эти молодцы так и не сказали мне, кто они, и чем насолили готикам. Впрочем, меня это не шибко интересовало. Главное – появились союзники. Хотя, конечно, со временем я не пренебрег возможностью кое-что прознать о своих неожиданных друзьях. И немало расстроился. Подонки занимались кражей мирян и скупкой рабов, вывозя несчастных людей со всех концов Гипериона. Куда они девались, мой источник не сказал, но уверял, что сия группировка настолько темна, что вызнать что-то большее можно только у тех, кто замешан во всём. А это нереально. Рядовых расспрашивать не имеет смысла, а фигура покрупнее – не моего формата.

Короче говоря, первое задание я получил через три дня после неожиданной встречи с тёмными приятелями. Надо было в Торвиле какого-то держалу местного грохнуть. Ну, в общем, без лишних хлопот я дело исполнил. Потом снова задание, в том же городе пару купцов убрать – снова чисто. Затем меня кинули в Шипстоун, там попу пришлось глотку перерезать, и ещё паре-тройке людей. Затем сказали: «Заляг на дно.» Ну, я так и сделал.

Через знакомых сделал себе поддельную грамоту мелкого сановника и стал ждать поручений. Но сиднем не сидел, стал визнавать, в какое дерьмо попал. Вспомнив то, что кричали готики несчастному Цангеру, я стал по тёмным людям пробивать, что за Феникс такой. Получил множество различных сведений, начиная от того, что так называется какая-то сносящая башку бодяга, пользующаяся популярностью у молодёжи, и тем, что это нечто связанное с магией и волшебством. Ну, сам понимаешь, последнее меня заинтересовало больше.

В конце концов, у одного чародея узнал, что так когда-то обозвали некий могущественный артефакт, который по ходу дела как-то связан с Хаосом. Да только никто его не видел и всё суть легенда, рождённая из примеси слухов. Единственная более-менее толковая запись есть в работе некого Диор Каданса, список которой, к счастью, завалился у моего приятеля в чулане. Не буду тебе пересказывать, что я там прочёл, ибо много всякой заумной фени безумный маг начеркал, описывая странный волшебный инструмент, но ясно выходило одно: сие есть оружие бога, и смертным касаться его своими мерзопакостными ручонками не положено. В общем, глухарь.

Тогда я стал пытаться его насчёт Готикс, но тот вообще понятия не имел, о чём речь. Тогда я метнулся к старому приятелю, или к клиенту. Короче, к главе гильдии воров. Знаешь, у него всегда куча информации. Он как огромный океан, в который вливаются потоки всевозможных сведений. Ну, темнить с ним не стал, ибо он за такое сразу глотку режет, и, поверь, куда как не хуже меня, профессионала. Может, неправильно с точки зрения нашей работы, но я уже очень стал сильно беспокоиться за свою дорогую шкуру, ибо почувствовал себя безвольной пешкой, когда как всю жизнь сам выбирал свой путь, не завися ни от кого и ни от чего. Ну, кроме разве что Школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.